

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1888.

№ 5.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово въ день восшествія на престоль Благочестивѣйшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Преосвященнаго Амвросія	301—311
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	312—344
Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). Свящ. Т. Вуткевича	345—369
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линницкаго	191—210
О фізіологическомъ методѣ въ психологін (продолженіе). М. Остроумова	211—224
Моральная философія стоиковъ въ отношеніи къ христіанству (продолженіе). С. Говорова.	225—242
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ (окончаніе).—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища (окончаніе).—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Извлеченіе изъ отчета Харьковскаго епархіальнаго Комитета завѣдующаго продажей духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ за время съ 1-го сентября 1886 по 1-е января 1888 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОРУЖНАГО ШТАВА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Вирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Марта 14 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

С Л О В О

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго,

въ день восшествія на престоль Благочестивѣйшаго Государя
Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

О христіанскомъ единомысліи.

*Исполните мою радость, да тоже-
де мудрствуете, ту же любовь имуще,
единодушни, единомудренни (Фи-
лип. 2, 2).*

Это трогательное увѣщаніе о единомысліи и едио-
душіи мы читаемъ въ посланіи св. Апостола Павла къ
Филиппійцамъ. Посланіе это писано Апостоломъ изъ
римской темницы, гдѣ онъ былъ заключенъ и томился
въ узахъ за проповѣдь о Христѣ. Лишенный личнаго
общенія съ основанными имъ церквами, онъ пишетъ
имъ посланія, дышущія отеческою любовію и заботли-
востію о преуспѣяніи вѣрующихъ. Обращаясь къ Фи-
липпійцамъ, онъ выражаетъ свою радость о томъ, что ви-
дитъ въ нихъ не только вѣру во Христа, но и зрѣлые
плоды ея въ подвигахъ и страданіяхъ за вѣру, „пото-
му что вамъ дано, говоритъ онъ, ради Христа не толь-
ко вѣровать въ Него, но и страдать за Него“ (1, 29).

Какъ послѣдняго блага, обезпечивающаго обладаніе всѣми другими и восполненія своей радости, онъ желаетъ Филиппійцамъ единомыслія: „дополните мою радость, имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единокорны, единомысленны“.

Эти слова Апостола имѣютъ всемірное значеніе. Что писано Филиппійцамъ о единомысліи, то несомнѣнно относится и къ намъ, и ко всѣмъ христіанскимъ народамъ. И для нашего времени увѣщаніе Апостола имѣетъ бѣльшее значеніе, чѣмъ для всѣхъ временъ предшествовавшихъ. Никогда еще въ христіанскихъ народахъ разномысліе не достигало такихъ крайнихъ размѣровъ и не получало такой силы, какъ нынѣ. Мы не смотримъ на него, какъ на горькій плодъ страстей и заблужденій, но мы возвели его, какъ и многія другія заблужденія, по нынѣшнему выраженію, въ *научный принципъ*, въ необходимую принадлежность человѣческой жизни вообще и просвѣщеннаго времени въ особенности. Безъ борьбы, говорятъ нынѣ, и правильная жизнь немыслима, она застаивается, мертвѣетъ; безъ ожесточенныхъ преній и истина не можетъ быть найдена; безъ партій и государственный порядокъ не обезпеченъ. Итакъ, нынѣ разномысліе, или разность во взглядахъ и сужденіяхъ полагаются въ основаніе народнаго преуспѣянія, а не любовь и единокоріе.

Какое глубокое заблужденіе скрывается въ этихъ воззрѣніяхъ, и сколько зла приноситъ, и еще принесетъ человѣчеству это направленіе жизни, усмотрѣть не трудно. Это и напередъ предсказано намъ Іисусомъ Христомъ и Апостолами (Мѡ. 18, 7. 2 Петр. 3, 3. Іуд. 18, 19), въ этомъ же убѣждаетъ насъ и опытъ какъ вѣковъ предшествовавшихъ, такъ и современный. Отъ разномыслія отторглась великая часть единой вселенской Церкви Христовой и изъ нея выдѣлились другія,

которыя потомъ разбились на такое множество отдѣльныхъ общинъ, что и перечестъ ихъ невозможно, и во многихъ изъ нихъ и признаковъ Церкви почти не осталось. Въ этихъ послѣднихъ воцарился разумъ, получившій языческую свободу мысли со всѣми ея послѣдствіями и заразившій весь христіанскій міръ недугомъ разномыслія и противорѣчій. Разномысліе разрушаетъ быть семейный, породивъ ложныя ученія о бракѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ между супругами, между родителями и дѣтьми. Разномысліе разрушило твердыя христіанскія начала воспитанія и образованія и среди христіанскихъ народовъ водворило еллинскія учебныя заведенія, которыя языческими пріемами въ преподаваніи наукъ породили поколѣнія писателей и дѣятелей возстающихъ противъ священныхъ обязанностей, законовъ и властей. Разномысліе, отнимая твердую почву для убѣжденій ума и привязанностей сердца, производитъ сомнѣнія, колебанія, охлажденіе къ труду и равнодушіе къ самой жизни. Разномысліе безъ должной осмотрительности предпринимаетъ всевозможныя преобразованія, часто одно другому противорѣчащія и разрушающія историческія преданія и вѣками утвержденный и испытанный строй народной жизни. Разномысліе, наконецъ, раздираетъ цѣлость и единство государствъ связанныхъ общими условіями благосостоянія, подвергаетъ ихъ участи предсказанной Христомъ Спасителемъ: *всяко царство само въ себѣ раздѣляясь запустѣетъ* (Лук. 11, 17).

Отсюда видно, какъ необходимо для насъ возстановленіе единомыслія; но какъ достигнуть его? Вопросъ величайшей важности.

Намъ кажется, что для установленія единомыслія пржеде всего нужно убѣдиться, что такъ прославляемая нынѣ борьба мнѣвій для достиженія истины тре-

буетъ строгихъ условій и ограниченій. Для преній ведущихъ къ цѣли мало получить на нихъ права и имѣть охоту препираться, а нужно еще имѣть и крѣпкія умственныя силы, познанія и нравственныя качества безпристрастія и уваженія къ мнѣніямъ другихъ, особенно болѣе насъ сильныхъ и свѣдущихъ. Стоитъ намъ оглянуться кругомъ, чтобы убѣдиться, какъ забыты у насъ эти существенныя условія исканія истины путемъ обмѣна мыслей и плодотворныхъ разсужденій. У насъ, подѣ влияніемъ слишкомъ широко понимаемаго образованія, всѣ препираются и обо всемъ говорятъ и пишутъ, — и юноши недоученые, и крайніе спеціалисты, не видящіе ничего дальше своей неширокой науки, и общественные дѣятели, ничему, кромѣ мелкихъ житейскихъ своихъ дѣлъ, не учившіеся. Отсюда происходитъ въ обществѣ какъ бы неумолкающій шумъ, препятствующій людямъ безпристрастнымъ прислушаться и разобратъся, — кто говоритъ дѣло, и кто не можетъ дать себѣ отчетъ о томъ, о чемъ онъ говоритъ, и о томъ, что говоритъ. Поэтому необходимо такъ или иначе разобратъ права и достоинства говорящихъ и пишущихъ, — и людямъ слабосильнымъ дать почувствовать, что имъ приличнѣе слушать, нежели говорить. Безъ этого условія невозможно не только достигнуть, но и ожидать соглашенія.

Затѣмъ, кромѣ удаленія съ поприща борьбы неспособныхъ и неготовыхъ, которые, кстати сказать, всегда наиболѣе рьяны и безпокойны, нужно знать убѣжденія и воззрѣнія людей, выступающихъ на общественную борьбу для исканія истины. — устную-ли то, или литературную. И не трудно разобратъ качества современныхъ дѣятелей. Люди безъ религіи, безъ истиннаго патріотизма, безъ преданности и уваженія къ вѣковымъ твердымъ началамъ нашей народной жизни,

люди съ смутными понятіями о власти и государственномъ порядкѣ, — на что они намъ? Говорятъ: надобно давать свободу всѣмъ высказываться; слушатели и читатели сами разберутъ, что вѣрно, и что имъ нужно и полезно. Увы! Способны все разбирать и оцѣнивать по достоинству единицы изъ тысячъ, а неспособныхъ — миллионы. И эти-то миллионы, принимающіе всё на слово и неспособные отличать ложь отъ истины, уже успѣли во всѣхъ христіанскихъ народахъ поглотить необъятное количество мыслей ложныхъ, противорѣчивыхъ и вредныхъ. И у насъ почти всякій журналъ и газета имѣютъ свое направленіе, и у всѣхъ есть свой кругъ читателей. Насколько различны направленія изданій, настолько разнятся по своимъ мыслямъ и поучаемые ими кружки читателей. Чѣмъ болѣе разномыслящихъ изданій, тѣмъ больше разномыслящихъ кружковъ; слѣдовательно, тѣмъ больше вносится въ народъ розни въ мысляхъ и воззрѣніяхъ, и притомъ по вопросамъ самымъ важнымъ въ общественной и государственной жизни.

Наконецъ, здравыми мыслителями всѣхъ вѣковъ признано за несомнѣнную истину, что для успѣха преній между спорящими при разсмотрѣніи каждаго вопроса нужно установленіе началъ, или основаній, которыя обѣими сторонами признаются за истинныя, и отъ которыхъ они должны отправляться къ выводамъ и заключеніямъ по частнымъ мыслямъ и предложеніямъ. Много-ли нынѣ найдете вы людей, имѣющихъ и сознающихъ эти общія начала въ дѣлѣ религіи, нравственности, потребностей общественныхъ и государственныхъ? Вы вѣруете въ Бога и имѣете въ душѣ страхъ Божій, а съ вами препирается матеріалистъ, отрицающій и самое бытіе Бога и души человѣческой: на чемъ вы сойдетесь съ нимъ при обсужденіи мѣръ для охра-

ненія народной нравственности и общественнаго порядка? Вы признаете священною и неприкосновенною самодержавную власть и обязанность безусловнаго повиновенія ей, а съ вами спорить затаенный социалистъ, анархистъ, республиканецъ, или всего чаще — поборникъ конституціоннаго правленія: какія вы найдете общія съ нимъ основанія для разсужденій о благотворности тѣхъ или другихъ правительственныхъ распоряженій? Вы говорите о врагахъ отечества и средствахъ борьбы съ ними, а вамъ возражаетъ космополитъ, или всемірный гражданинъ, которому и любезны именно народы, признаваемые вами за враговъ. Присмотритесь къ современному движенію умовъ, и вы увидите, какое множество этихъ ложныхъ началъ изъ современныхъ школъ и литературы напущено въ нашъ народъ, и въ ваше сердце проникнетъ страхъ за наше отечество: „оно само въ себѣ раздѣляется“.

Гдѣ-же искать современному человѣку основаній для единомыслія? — Всѣмъ вообще — въ христіанствѣ, а намъ русскимъ людямъ — въ ученіи православной Церкви — свободной и отъ гнета преувеличенной церковной власти, и отъ давленія необузданнаго разума. Наша Церковь вѣрна началу указанному Господомъ: *испытайте писаній* (Іоан. 5, 39). Нынѣ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, повторяются заблужденія язычества: невѣріе и суевѣрія (какъ вызываніе духовъ), грубые пороки чувственности, разложеніе семейной жизни и проч., съ прибавленіемъ, — чего не знало язычество, — отрицанія власти. Отъ всѣхъ бѣдствій и пришелъ спасти человѣчество воплощенный Сынъ Божій, для того и далъ ему чистую божественную истину, одни нравственные законы, одинъ идеаль совершенства въ уподобленіи Отцу нашему небесному, одни средства и силы для его достиженія, и основалъ Свою Церковь, положивъ

въ ней всѣ сокровища, потребныя для жизни духа человѣческаго и сталъ ея Главою, Покровителемъ и Промыслителемъ. И Онъ молился Отцу Небесному о сохраненіи вѣрующихъ въ Него въ единомысліи и единодушїи: „освяти ихъ истиною Твоею; слово Твое есть истина; да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино; да увѣруеть міръ, что Ты Меня послалъ“ (Іоан. 17, 17—20). Изучайте свою Церковь, ея священные догматы, нравственные законы и учрежденія; изучайте не по дѣтскимъ книжкамъ, а въ первоначальныхъ источникахъ, въ словѣ Божіемъ, писанїяхъ Св. Отцевъ, въ исторїи Церкви и ея подвижниковъ, — и вы войдете въ тотъ міръ, гдѣ рѣшаются всѣ высшіе вопросы, относящіеся къ судьбамъ человѣчества, гдѣ почерпается спокойствіе убѣжденія, ясность взгляда, вѣрное пониманіе всѣхъ разностей, противорѣчій, сомнѣній, удручающихъ современное человѣчество. Никому въ это изученіе войти не поздно; нужна только рѣшимость и трудъ, а главное, нужно сломить свою гордость. *Плѣненіе разума въ послушаніе Христу* (2 Кор. 10. 5), указанное Апостоломъ, горделивому уму представляется насиліемъ, принужденіемъ, унижительнымъ порабощеніемъ. Это заблужденіе. Умъ, освобожденный отъ предубѣжденій, самъ *плѣнится* этимъ идеаломъ богоподобнаго совершенства, этимъ успокоеніемъ отъ тревожныхъ колебаній и сомнѣній, этимъ миромъ сердца въ объятїяхъ вѣры, которыя даруетъ Церковь. Были и всегда есть примѣры нравственнаго отпаденія отъ Церкви ея членовъ, но не было примѣра, чтобы человѣкъ, глубоко ее изучившій, промѣнялъ ее на эту темную область отрицанія и мечтательныхъ построеній, гдѣ блуждаютъ своевольные умы.

Великое заблужденіе многихъ современныхъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, религія не про-

стираетъ своего вліянія на жизнь общественную и государственную, и что Церковь стѣсняетъ свободное развитіе умовъ. Наша православная Церковь вѣрна завѣту св. Апостола Павла: „все испытывайте, хорошаго держитесь“ (1 Солун. 5, 21) и его указанію: „благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованія жизни настоящей и будущей“ (1 Тим. 4, 8). Какая наука, здраво поставленная, можетъ быть противна и чужда нашей Церкви? Она всегда признавала образованіе украшеніемъ христіанскихъ народовъ и общественной жизни. Вы любите философію? Изучайте ее, какъ изучали наши великіе Отцы Церкви, — тщательно, непо книжкамъ однихъ только мыслителей послѣдняго времени и направленія, но во всей обширности и разнообразіи ея ученій и въ ея исторіи, не теряя изъ сознанія свѣта божественнаго откровенія, — и вы вынесете изъ нея много полезныхъ истинъ и питательное убѣжденіе въ высокихъ силахъ ума человѣческаго, но и чувство скорби о печальной участи этого орла съ подбитыми крыльями, требующаго врачеванія. Чѣмъ глубже вы вникнете въ эту тоску великихъ умовъ, изнемогавшихъ въ исканіи истины, тѣмъ любезнѣе вамъ будетъ образъ нашего Спасителя, возвѣстившаго намъ истину доступную младенцамъ и возводящую любящихъ ее къ тайнамъ небеснымъ. Вы изучаете природу? — Не ставьте въ основаніе наукъ естественныхъ ложныхъ идей о зарожденіи и саморазвитіи міра и человѣка изъ вѣчной матеріи, съ отрицаніемъ бытія Творца и Промыслителя міра, — и природа будетъ для васъ храмомъ Бога живаго и изученіе ея — источникомъ чистаго духовнаго утѣшенія. Вы занимаетесь исторіею? Отриньте это мертвое ученіе о механическомъ развитіи человѣчества по законамъ внутренней, ни для кого непонятной необходимости; признайте въ движеніи исторіи верховный Ра-

зумъ, управляющій судьбами міра и царствъ человѣческихъ, — и исторія будетъ для васъ живою книгою, раскрывающею предъ вами пути премудрости, благодати и правды Божіей въ попеченіи о мірѣ, — къ вашему наставленію, ободренію въ трудѣ жизни и успокоенію въ надеждѣ праведнаго воздаянія. Вы изучаете разнообразіе и законы человѣческой рѣчи въ различныхъ языкахъ? Не сближайте этой рѣчи съ крикомъ безсловесныхъ животныхъ и не производите ее изъ однихъ законовъ съ развитіемъ мозга у безсловесныхъ, — и васъ будетъ занимать и удивлять разнообразіе формъ рѣчи, совмѣщаемое съ единствомъ законовъ мысли, какъ великій даръ Творца, положившаго въ этомъ начала свободнаго развитія народовъ и соединенія ихъ въ одно семейство, называемое человѣчествомъ и имѣющее одного Отца на небесахъ. Васъ увлекаетъ искусство? Не порабощайте его чувственности и суетности — и оно будетъ питать и улаживать ваше сердце проблесками на землѣ небесной красоты, имѣющей составить въ будущей жизни ваше блаженство. Такъ ложныя начала отрываютъ науку отъ вѣры и производятъ раздѣленіе тамъ, гдѣ по самымъ духовнымъ законамъ природы человѣческой должны быть внутренняя связь и единство. Нечему удивляться, что у насъ съ распространеніемъ образованія оскудѣваетъ вѣра и благочестіе, при повсемѣстномъ преподаваніи закона Божія, когда одинъ наставникъ заведенія препсдаетъ ученіе божественнаго откровенія, а десять другихъ, каждый въ своей наукѣ, поставляютъ своею задачею разрушать это ученіе, какъ несоотвѣтствующее успѣхамъ современнаго знанія; когда на одномъ концѣ училищнаго зданія возвышается голосъ во славу Божію, а на другомъ слышится искусно скрываемое глумленіе и уничиженіе святаго имени Божія.

Что касается вліянiя православної вѣры на жизнь общественную и государственную, то всѣ недоумѣнiя въ этомъ отношенiи разрѣшаются ученiемъ нашей Церкви о воплощенiи христіанскихъ истинъ и нравственныхъ правилъ въ душахъ вѣрующихъ. Совокупность этихъ истинъ и правилъ составляетъ цѣльное міровоззрѣнiе, обнимающее всѣ отрасли мысли и жизни, дающее возможность о каждой изъ нихъ имѣть здравыя и вѣрныя понятiя, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ общихъ чертахъ, по отношенiю каждаго явленiя къ истинному благу людей. Это называется развитымъ чувствомъ истины, справедливости, мѣры, порядка, или *христіанскимъ здоровымъ мыслiемъ*. Въ смыслѣ высшаго озаренiя Апостоль называетъ это вселенiемъ ума Божiя въ умъ человека: „мы имѣемъ умъ Христовъ“ (1 Кор. 2, 16). Точно такъ же обращенiе христіанскихъ правилъ въ твердые навыки и оправданiе ихъ всею жизнiю человека называется воплощенiемъ въ его природѣ закона Божiя, дѣлающее для него излишнимъ внѣшнее напоминанiе: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9). Вотъ гдѣ заключается глубочайшее начало единенiя и единомыслiя христіанъ по всѣмъ вопросамъ жизни. Они легко понимаютъ другъ друга, легко соглашаются, чувствуя единство усвоенныхъ ими общихъ началъ жизни, легко уступаютъ тамъ, гдѣ сознаютъ свою слабость, живо чувствуютъ умственные и нравственные преимущества другихъ, болѣе сильныхъ и, по христіанскому смиренiю, охотно подчиняются ихъ руководству. Они всегда болѣе склонны учиться, нежели учить, больше слушать, нежели говорить, больше повиноваться, нежели повелѣвать. Выше всего для нихъ утвержденiе по возможности каждой новой мысли и новаго предпріятiя положительнымъ ученiемъ божественнаго откровенiя, Отцевъ и Учителей Церкви и молитвою къ Богу, Подателю всѣхъ

благъ. Имъ не чуждо никакое современное улучшеніе въ нашей жизни, ихъ не пугаетъ никакое усовершенствованіе и изобрѣтеніе; ихъ страшатъ чуждыя враждебныя вліянія, разномысліе между своими и нравственное развращеніе, какъ начала разрушенія.

Такъ жилъ въ теченіе вѣковъ нашъ православный народъ, до недавняго времени, — въ единомысліи, въ благочестіи, въ смиреніи, въ подвигѣ, въ послушаніи. О возвращеніи его къ этому настроенію, къ этимъ началамъ нашей народной жизни отъ верхняго слоя до нижняго мы должны молиться, если истинно желаемъ блага нашему отечеству, преуспѣянія и процвѣтанія нашему великому государству. Этого желаетъ и ожидаетъ отъ своихъ подданныхъ и нашъ Благочестивѣйшій Государь. Въ Высочайшей Граматѣ одному изъ вѣрныхъ слугъ Своихъ Онъ благоволилъ изъяснить, что награждаетъ его „за неуклонное стремленіе къ охраненію здравыхъ началъ народной жизни“ и за то, что „усматриваетъ въ немъ надежнаго оберегателя не только внѣшняго, но и внутренняго достоинства православной Церкви“, которую Онъ, Русскій Царь, свято почитаетъ изъ глубины Своего сердца“ ¹⁾. Аминь.

¹⁾ Высочайшая Грамата г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдовосцеву.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И
ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

V.

Вечеромъ второго февраля (21 января с. с.) собрались на совѣщаніе въ бріеннскомъ замкѣ императоръ Александръ, король Фридрихъ-Вильгельмъ, князь Шварценбергъ, Блюхеръ, Барклай и другіе генералы. Поставленъ былъ вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Къ удивленію нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и всего болѣе императора Александра, нѣскольکو австрійскихъ генераловъ, и во главѣ ихъ извѣстный намъ Дука, предложили не только не преслѣдовать непріятели, но и отвести армію назадъ за Обу, дабы приблизиться къ своимъ магазинамъ и подкрѣпленіямъ ¹⁾. Хотя Дука и его пріятели пытались оправдать свое мнѣніе, ссылаясь на позднее время года, на огромное количество больныхъ въ арміи, на ежедневно возрастающій недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, но ихъ предложеніе не было одобрено даже Шварценбергомъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 4.

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ біографъ генерала Радецкаго, австрійскій ветеранъ, въ статьѣ Graf Radezky, eine biographische Skizze, стр. 255, см. Беригарди, т. IV, 1 пол. стр. 322.

и совѣтъ постановилъ дѣйствовать наступательно. Затѣмъ Шварценбергъ и Лангенау выступили съ своею давнишнею затаенною мыслью. Соединеніе силезской и главной арміи было крайне неудобно для нихъ уже потому, что оно влекло за собою присутствіе Блюхера и Гнейзенау въ главной квартирѣ. Императоръ Александръ находилъ себѣ сильную поддержку въ этихъ рѣшительныхъ генералахъ и при ихъ помощи проводилъ свои смѣлые и столь неприятыя для австрійскаго кабинета планы. Необходимо было лишить его, какъ можно скорѣе, этой поддержки, надо было разъединить, во чтобы-то ни стало, обѣ союзныя арміи и опредѣлить каждой изъ нихъ особую операціонную линію. Предлогомъ для такого раздѣленія силъ должна была послужить затруднительность, почти невозможность, содержать путемъ реквизицій такія громадныя массы на тѣсномъ пространствѣ. Основываясь, главнымъ образомъ, на этомъ соображеніи, Шварценбергъ, Лангенау и Радецкій предложили, чтобы Блюхеръ двинулся съ своею арміею вправо къ Марнѣ, соединился тамъ съ корпусами Юрва, Клейста и Капцевича и двинулся на Парижъ по лѣвому берегу этой рѣки; тогда какъ главная армія должна была направиться на Труа, а оттуда внизъ по теченію Сены, также на столицу Франціи ¹⁾.

Замѣчательно, что никто изъ присутствующихъ не возражалъ серьезно противъ этого предложенія. Императоръ Александръ считалъ силы Наполеона окончательно надломленными; ему казалось, что каждая изъ союзныхъ армій въ отдѣльности можетъ легко справиться съ нимъ. Такого-же мнѣнія держались Блюхеръ и Гнейзенау. Очевидно, они придавали слишкомъ большое значеніе послѣднимъ побѣдамъ и считали средства Наполеона окончательно исчерпанными. Въ душѣ они даже радовались освободиться отъ вліянія австрійской главной квартиры и возвратить себѣ полную свободу дѣйствій. Предложеніе австрійскаго фельдмаршала было, такимъ образомъ, принято единогласно всѣмъ совѣтомъ и рѣшено было привести его немедленно въ исполненіе. Уже на другой день

¹⁾ См. Бернгарди, т. IV, стр. 322.

Блюхеръ отдѣлился отъ главной арміи и, переправившись черезъ Буару, достигъ мѣстечка Бро-ле-комтъ.

Лишь одинъ человѣкъ въ главной квартирѣ, не присутствовавшій впрочемъ на совѣщаніи, не одобрялъ принятой мѣры и съ самаго начала ожидалъ отъ нея дурныхъ послѣдствій для союзниковъ. То былъ генералъ К. Ф. Толль, славный сподвижникъ Кутузова. Уже вечеромъ 2 февраля Толль, возвратившись изъ преслѣдованій непріятели, воспользовался случаемъ высказать императору Александру свои опасенія. Толль засталъ государя въ самомъ веселомъ и самоувѣренномъ настроеніи. Александръ, лично слѣдившій за атакою на Ла-Ротьеръ, передалъ генералу свои впечатлѣнія. Онъ восхвалялъ храбрость войскъ Сакена, порядокъ и правильность ихъ движеній, хвалилъ самого Сакена и замѣтилъ: „Теперь я понижаю, какъ неправъ былъ я къ Сакену, но въ этомъ виноватъ негодяй Бенингсенъ, оклеветавшій его передо мною. Я надѣюсь, впрочемъ, что Сакенъ будетъ теперь доволенъ мною ¹⁾. Что скажутъ въ Парижѣ по поводу послѣднихъ новостей?— Неприсятея отступаетъ вѣроятно къ Труа!“ — „Ваше величество“, замѣтилъ Толль, „намъ надлежитъ теперь воспользоваться побѣдою; мы должны быстро преслѣдовать непріятели всѣми нашими соединенными силами. Желательно, чтобы фельдмаршалъ Блюхеръ сопровождалъ наше движеніе по параллельной линіи, въ разстояніи никакъ не болѣе двухъ переходовъ отъ насъ, дабы въ случаѣ надобности мы могли быстро соединить наши силы“.— „Это совершенно вѣрно“, отвѣчалъ государь, „ступай къ Шварценбергу, поговори съ нимъ объ этомъ, скажи ему, что я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ“.

Было уже 11 часовъ ночи, когда Толль явился въ квартиру Шварценберга. Главнокомандующій уже легъ спать, и Толль принужденъ былъ ограничиться объясненіемъ съ графомъ Радецкимъ. Выслушавъ мнѣніе русскаго генерала, Радецкій за-

¹⁾ Бернгарди, т. IV, 1 пол. стр. 327. Генералъ Сакенъ получилъ за битву при Ла-Ротьерѣ орденъ св. Андрея Первозваннаго. См. Богдановичъ, Исторія Александра 1-го, т. IV, стр. 371.

мѣтилъ, что невозможно содержать такія массы на такомъ ограниченномъ пространствѣ, что придется даже раздѣлить по частямъ главную армію, дабы облегчить ея продовольствіе, занявъ возможно большее пространство. Толль стоялъ, однакоже, упорно на своемъ мнѣніи. Онъ доказывалъ съ жаромъ, что опасно раздѣлять войска при настоящихъ условіяхъ и въ виду такого противника, какъ Наполеонъ. „За такую ошибку“, добавилъ онъ почти пророческимъ тономъ, „мы жестоко заплатимся, рано или поздно“.

Усилія Толля не увѣнчались успѣхомъ. Шварценбергъ остался при принятомъ разѣ рѣшеніи, а императоръ Александръ не счелъ возможнымъ настаивать на его отмычѣ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней силезская и главная армія все болѣе и болѣе удалялись другъ отъ друга. 3-го феврала Блюхеръ достигъ С. Квена и узнавъ здѣсь, что корпусъ Йорка подступилъ къ крѣпости Витри и разбилъ кавалерію Макдональда, при чемъ пруссаки захватили 5 орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ, рѣшился двинуться какъ можно скорѣе на Соммесу, гдѣ скрещиваются дороги изъ Арсиса на Шалонъ и изъ Лаферъ-Шампенуаза на Сезаннь. Блюхеръ торопился этимъ движеніемъ, желая предупредить во чтобы-то ни стало соединеніе Макдональда съ Наполеономъ. 4-го феврала, Блюхеръ прибылъ въ Соммесу. Здѣсь ему дали знать, что его конница, подъ начальствомъ Васильчикова, захватила мучной транспортъ, направлявшійся изъ Лаферъ-Шампенуаза и преслѣдуетъ другой транспортъ съ порохомъ, идущій на Сезаннь къ арміи Наполеона. Это извѣстіе утвердило Блюхера еще болѣе въ мысли, что Макдональдъ спѣшитъ на соединеніе съ Наполеономъ. Желая предупредить во чтобы-то ни стало это соединеніе и заградить всѣ пути Макдональду, фельдмаршалъ рѣшился оставить у Соммесу только отрядъ Олсуфьева и выдвинуть корпусъ Сакена къ Лаферъ-Шампенуазу. Между тѣмъ Йоркъ съ своей стороны быстро подвигался впередъ. Оставивъ подъ Витри небольшой отрядъ, онъ двинулся къ Шалону. Макдональдъ не счелъ возможнымъ защищать Витри и Шалонъ. По его приказанію, гарнизонъ Витри вышелъ ночью съ 4-го на 5-е феврала изъ крѣпости, которая была обложена

пруссаками лишь съ одной стороны, взорвалъ мостъ черезъ Марну, и двинулся по лѣвому берегу рѣки, пытаясь достигнуть дороги изъ Арсиса въ Шалонъ. Самъ Макдональдъ, настигнутый Йоркомъ въ Шалонѣ, сдалъ городъ по договору и отступилъ внизъ по Мариѣ, направляясь на Эперне. Блюхеръ пытался перехватить гарнизонъ Витри, но французы успѣли ускользнуть отъ его преслѣдованія и соединиться съ кавалеріею Эксельмана, высланною имъ на встрѣчу Макдональдомъ. Прибывъ въ Лаферъ-Шампенуазъ, фельдмаршалъ получилъ съ одной стороны письмо отъ Шварценберга, въ которомъ тотъ просилъ его принять всѣ мѣры для предупрежденія соединенія Макдональда съ Наполеономъ, а съ другой стороны онъ узналъ, что Шалонъ занятъ Йоркомъ и что Макдональдъ отступаетъ по большой парижской дорогѣ, вдоль берега Марны. Блюхеру доносили также, что такъ называемая малая парижская дорога, идущая черезъ Этожь, Монмираль, Шампоберъ и Ла-ферте-су-Жуаръ на Мо и Парижъ, свободна отъ непріятеля и, что, двигаясь быстро по ней, возможно будетъ перерѣзать путь Макдональду. Блюхеръ рѣшилъ не опускать изъ рукъ представлявшейся ему счастливой возможности. Онъ приказалъ Йорку преслѣдовать Макдональда по большой дорогѣ на Шато-Тъери, а по малой двинулъ отряды Сакена и Олсуфьева, дабы предупредить непріятеля у Ла-ферте-су-Жуара. Корпуса Клейста и Капцевича, находившіеся позади у Баръ-Ле-Дюва и Ляньи, получили приказаніе соединиться 10-го февраля у Монмираля.

Макдональдъ во-время замѣтилъ, однакоже, грозившую ему опасность. Продолжая поспѣшно свое отступление, онъ прибылъ 6-го февраля въ Эперне, 7-го въ Дорманъ, 8-го въ Шато-Тъери. Подозрѣвая намѣренія непріятеля, онъ выслалъ отсюда на Ла-ферте-су-Жуаръ часть своего войска, а самъ переправился обратно черезъ Марну, взорвавъ на воздухъ каменный мостъ у Шато-Тъери. Это движеніе спасло его отъ гибели. Йоркъ гнался за нимъ по пятамъ. Уже 8-го числа войска его достигли Дормана, а авангардъ расположился въ виду Шато-Тъери. Въ тотъ-же самый день Сакенъ достигъ Монмираля и выдвинулъ свою кавалерію къ Ла-ферте-су-

Жуару. Олсуфьевъ, слѣдуя за нимъ, дошелъ до Этожа. Въ сторону Сезанны были высланы казацкіе разъѣзды, но они наткнулись здѣсь на непріятельскую кавалерію. То были очевидно войска, шедшія со стороны Ножана на Сенъ и Труа ¹⁾. Гроза, долженствовала обрушиться съ страшною силою на силезскую армію, показалась на горизонтѣ. Наполеонъ спѣшилъ на помощь своему маршалу. Что-же дѣлалось между тѣмъ съ главною арміею союзниковъ, и какимъ образомъ могъ ускользнуть Наполеонъ отъ ея преслѣдованія?

Въ теченіе всего 3-го фѣвраля, въ то время, когда французы сосредоточивались у Труа, а Блюхеръ былъ уже на походѣ къ Марнѣ, армія Шварценберга оставалась въ полнѣйшемъ бездѣйствіи ²⁾. Главнокомандующій и его штабные находили, что необходимо дать отдыхъ войскамъ и подъ этимъ предлогомъ не трогались съ мѣста. Причина бездѣйствія была въ сущности совершенно иная. Шварценбергъ колебался, по обыкновенію, между различными возможностями и ожидалъ извѣстій о положеніи и силахъ противника. Въ извѣстіяхъ этихъ не было недостатка. Отъ Ожаровскаго и Блюхера получены были одновременно донесенія, что Наполеонъ сосредоточилъ свои войска въ Труа и окрестностяхъ и что онъ намѣренъ, повидимому, оказать здѣсь союзникамъ сильное сопротивленіе. Единственно съ этою цѣлью могъ выдвинуть Наполеонъ часть своихъ войскъ къ Гильотьеру и Арси и отдать приказъ уничтожить всѣ переправы на Обѣ. Свѣдѣнія такого рода не должны были, однакоже, тревожить Шварценберга, а скорѣе радовать его. Изъ тѣхъ-же донесеній, а равно и другихъ достовѣрныхъ источниковъ, ему было извѣстно, что въ распоряженіи Наполеона находилось всего лишь около 45,000 человекъ, что въ войскахъ его господствовалъ полнѣйшій упа-

¹⁾ Всѣ подробности о движеніи Блюхера см. у Бернгарди, т. IV, 1-й пол., стр. 331—335; Дройзена, Жизнь Гюрка, т. III, стр. 286—301.

²⁾ Лучшую характеристику дѣйствій Шварценберга мы находимъ у Клаузевица: „Dieser folgt derselben (der feindlichen Armee) langsam gegen Troyes, welches er erst den 8 besetzt, so dass er acht Tage braucht, um gegen eine geschlagene Armee sechs Meilen Land zu gewinnen“. Clausewitz, Hinterlassene Werke, т. VII, стр. 291.

докъ духа и страшная деморализація и что новобранцы цѣлыми толпами покидали его знамена. Въ распоряженіи Шварценберга находилось около 120,000 человекъ упоенныхъ побѣдою, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ новаго столкновенія съ только что побѣжденнымъ непріателемъ. Оставалось слѣдовательно рѣшительно идти впередъ прямо на Наполеона и довершить дѣло, столь удачно начатое при Ла-Ротьерѣ.

Австрійскій главнокомандующій считалъ, однакоже, всякое прямое нападеніе на непріателя дѣломъ крайне рискованнымъ и опаснымъ. Непріятельскія позиціи у Гильотьера и Арсиса казались ему чрезвычайно крѣпкими, почти неприступными и онъ остановился на мысли передвинуть всѣ союзныя войска влѣво, обойти правый флангъ Наполеона и заставить его безъ боя покинуть Труа. Шварценбергъ утвердился еще болѣе въ этой мысли, получивъ извѣстія, что изъ Орлеана къ Наполеону спѣшатъ сильныя подкрѣпленія, состояція изъ старыхъ полковъ, только что вызванныхъ изъ Испаніи, а небольшое столкновеніе, происшедшее на лѣвомъ флангѣ союзниковъ, гдѣ двѣ роты австрійцевъ были отброшены назадъ французами съ потерей 140 чел., навело его даже на предположеніе, что Наполеонъ самъ готовится обойти лѣвый флангъ союзниковъ, занять Баръ на Сенѣ и Лангръ и отрѣзать ихъ отъ сообщенія съ южною Франціею и двинутыми туда ихъ войсками. Всѣ эти соображенія побудили Шварценберга, не смотря на возраженія Толля и другихъ генераловъ, передвинуть войска влѣво для обхода Труа и предупрежденія воображаемыхъ замысловъ французскаго императора.

Шварценбергъ выполнялъ, впрочемъ, задуманное имъ движеніе съ своею обычною медленностью и методичностью. Въ продолженіи 4-го и 5-го февраля всѣ союзныя войска переведены были на лѣвый берегъ Сены, а главная квартира перенесена въ городъ Баръ на рѣкѣ того же имени. На правомъ берегу Сены по дорогѣ въ Труа оставленъ былъ только корпусъ кронпринца виртембергскаго съ приказаніемъ не двигаться впередъ и тщательно наблюдать за непріателемъ. Принимая всѣ мѣры для обезпеченія своего лѣваго фланга, главнокомандующій совершенно опустилъ изъ виду свой правый флангъ. Онъ

былъ почему то убѣжденъ, что съ этой стороны не можетъ угрожать ни малѣйшая опасность. Ему казалось, что Блюхеръ будетъ имѣть дѣло съ однимъ Макдональдомъ и что Наполеонъ не вздумаетъ броситься на силезскую армію. Исходя изъ этихъ въ сущности ни на чемъ не основанныхъ убѣжденій, Шварценбергъ не принялъ никакихъ мѣръ для поддержанія сообщеній съ Блюхеромъ. Онъ не только передвинулъ влѣво корпусъ Витгенштейна, долженствовавшій, по первоначальному плану, поддерживать связь между главною и силезскою арміями, но направилъ даже на лѣвый берегъ Сены всѣ партизанскіе отряды, находившіеся въ его распоряженіи. Все пространство вправо отъ союзной большой арміи было такимъ образомъ очищено отъ войскъ и Наполеону дана была полная возможность броситься со всѣми своими силами на Блюхера и разбить его по частямъ, въ то время пока Шварценбергъ былъ всецѣло поглощенъ своими обходными маневрами и своими то эксцентрическими, то концентрическими маршами.

Занятый своими передвиженіями, Шварценбергъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что предпріиметъ его страшный противникъ. Сеслаvinу отдано было приказаніе пробраться какъ можно ближе къ непріятельскимъ позиціямъ. Смѣлый партизанъ немедленно исполнилъ это порученіе, онъ прокрался съ своими казаками въ Сень-Бенуа въ разстояніи одной мили къ сѣверу отъ Труа. Съ небольшого холма, поросшаго кустарникомъ, онъ свободно и незамѣтно могъ наблюдать здѣсь за всѣмъ, что происходило въ городѣ и его окрестностяхъ. Не только Труа, но и вся болотистая долина Сены, внизъ по теченію рѣки, вплоть до самого Ножана, была передъ нимъ какъ на ладони, а ясная погода позволяла безпрепятственно разсматривать даль. Послѣ краткаго наблюденія Сеславинъ убѣдился, что непріятель очищаетъ Труа и отступаетъ по направленію къ Ножану. Немедленно донесъ онъ о своемъ открытіи въ главную квартиру. Шварценбергъ не хотѣлъ сначала вѣрить этому извѣстію и вмѣсто того, чтобы поспѣшно двинуть войска вслѣдъ за непріятелемъ, рѣшилъ произвести сильную рекогносцировку по направленію къ Труа.

Донесенія Сеславина были совершенно вѣрны. Уже 5 фев-

раля Наполеонъ отказался отъ своего первоначальнаго плана, обороны Труа, и рѣшился отступить къ Мери и Ножану, внизъ по Сенѣ. Это рѣшеніе французскаго императора было вызвано вовсе не обходными движеніями Шварценберга, а извѣстіями, полученными имъ о походѣ Блюхера на Марну. Наполеонъ, не зная точныхъ намѣреній Блюхера, опасался, что силезская армія двинется изъ Лаферь-Шампенуаза на Ножанъ и завладѣетъ въ тылу его всѣми переправами черезъ Сену. Чтобы предупредить эту страшную возможность, Наполеону не оставалось иного средства, какъ поспѣшно отступить отъ Труа къ Ножану. Совершая это отступление, Наполеонъ волновался самыми тревожными мыслями. Общее положеніе дѣлъ казалось ему въ этотъ моментъ настолько безнадежнымъ, полная катастрофа такъ неизбежною, что онъ отправилъ изъ Ножана Колинкуру предписаніе подписать миръ во чтобы-то ни стало и на какихъ бы то ни было условіяхъ ¹⁾.

Тревожныя опасенія императора французовъ оказались одинаково преждевременными и преувеличенными. Грозная перспектива быть стиснутымъ и раздавленнымъ между двумя непріятельскими арміями скоро оказалась однимъ тревожнымъ предположеніемъ. Шварценбергъ занялъ, правда, Труа 7 февраля и уже на другой день союзные государи торжественно вступили въ городъ, дружелюбно привѣтствуемые жителями ²⁾, но всѣ усилія императора Александра побудить Шварценберга идти впередъ вслѣдъ за отступающимъ непріателемъ остались

¹⁾ Герцогъ бассанскій писалъ по распоряженію Наполеона 5-го февраля Колинкуру изъ Труа. „Monsieur le duc! je vous ai expédié un courrier avec une lettre de sa M. et le nouveau plein pouvoir que vous avez demandé. Au moment où S. M. va quitter cette ville, elle charge de vous en expédier un second, et de vous faire connaître en propres termes que S. M. vous donne carte blanche pour conduire les négociations à une heureuse fin, sauver la capitale et éviter une bataille, ou sont les dernières espérances de la nation. Les conférences doivent commencer hier, S. M. n'a pas voulu attendre que vous lui eussiez donné connaissance des premières ouvertures, de crainte d'occasionner le moindre retard. Письмо это ясно свидѣтельствуетъ въ какомъ отчаянномъ положеніи находился Наполеонъ въ первыхъ числахъ февраля.

²⁾ Жители Труа страшно страдали отъ грабежей французскихъ конскриптовъ; они встрѣтили союзниковъ какъ освободителей. Богдановичъ, исторія Александра I. Т. IV, стр. 374.

тщетными. Австрійскій главнокомандующій ссылаясь на необходимость обезпечить свой лѣвый флангъ, на утомленіе войскъ и подъ этими предлогами расположился на продолжительный отдыхъ въ Труа, растянувъ при этомъ свою армію влѣво и не принимая, попрежнему, никакихъ мѣръ для восстановления сообщеній съ силезскою арміею. Впослѣдствіи оказалось, что Шварценбергъ, дѣйствуя такимъ, на первый взглядъ, непонятнымъ образомъ, руководился вовсе не военными соображеніями, а тайными предписаніями австрійскаго кабинета.

Наполеонъ былъ крайне доволенъ бездѣйствіемъ Шварценберга, а извѣстія, полученныя имъ въ это время отъ Макдональда, подняли еще болѣе его надежды. Оказалось, что Блюхеръ вовсе не думаетъ идти на Ножавъ въ тылъ и на сообщенія Наполеона, что онъ направляется внизъ по Марнѣ вслѣдъ за отступающимъ Макдональдомъ, что несомнѣнная цѣль похода его—Парижъ. Какъ ни тревожно было само по себѣ это послѣднее обстоятельство, но Наполеонъ не придавалъ ему особеннаго значенія. Изъ свѣдѣній, полученныхъ имъ въ это время, оказалось, что между нимъ и Блюхеромъ вовсе не было союзныхъ войскъ и что прусскій фельдмаршалъ, увлеченный преслѣдованіемъ Макдональда, подвигается впередъ слишкомъ поспѣшно и не осторожно и что отдѣльные корпуса его не могутъ быть сосредоточены въ случаѣ внезапнаго нападенія. Мармонъ первый обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Онъ предложилъ Наполеону двинуться на Сезаннь и Шампоберъ, стать по срединѣ между разрозненными колоннами силезской арміи и уничтожить ихъ одну за другою ¹⁾. Императоръ тотчасъ же оцѣнилъ, по достоинству, предложеніе мар-

¹⁾ Мармонъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ. „Всѣ эти соображенія родили во мнѣ мысль, что счастье представляетъ намъ благопріятный случай нанести большой вредъ противнику, дѣйствуя рѣшительно. Пройдя быстро черезъ Сезаннь и перерѣзавъ дорогу на Монмираль, можно было рассчитывать захватить эти отряды врозь, разбить, даже уничтожить ихъ, пользуясь ихъ слабостью и печальностью нападенія. Я отослалъ мои соображенія императору и предложилъ ему эту операцію... мои доводы убѣдили императора.“ Мемуары Мармона Т. VI, стр. 47—49; тамъ-же письмо Мармона къ Бертье.

шала и принялъ самыя энергическія мѣры къ его осуществленію.

Силы, которыми располагалъ Наполеонъ въ это время, давали ему возможность попытать еще разъ счастья. Въ послѣдніе дни его армія усилилась значительными подкрѣпленіями. Изъ Испаніи прибыли 14,000 отборныхъ старыхъ солдатъ, а изъ Парижа вновь сформированный 6000 отрядъ. Армія Наполеона возросла, такимъ образомъ, до 70,000 человекъ. Понятно, что онъ не могъ употребить всѣхъ этихъ силъ для нападенія на Блюхера; необходимо было оставить значительную часть ихъ на Сенѣ противъ Шварцевберга. Для этой послѣдней цѣли Наполеонъ счелъ даже необходимымъ назначить большую часть своей арміи, около 40,000 ч. Войска эти отданы были подъ начальство маршаламъ Виктору и Удино. Имъ было предписано защищать Ножанъ и отступать передъ непріателемъ внизъ по Сенѣ и то только въ случаѣ крайности не иначе какъ шагъ за шагомъ ¹⁾. Всѣ остальные войска въ числѣ 30,000 ч. при 120 орудіяхъ Наполеонъ взялъ съ собою противъ Блюхера.

Переходъ изъ долины Сены въ долину Марны сопряженъ былъ для французовъ съ большими трудностями. Болотистая почва, распустившаяся еще болѣе вслѣдствіе постоянной оттепели и дождя, задерживала на каждомъ шагу движеніе войскъ, особенно артиллеріи. Мармонъ, подавшій первую мысль къ этому предпріятію, отчаялся уже на первомъ переходѣ въ возможности ея осуществленія. Видно, иное дѣло давать совѣты, и иное осуществлять ихъ на дѣлѣ ²⁾. Наполеонъ остался непоколебимымъ въ разъ принятомъ намѣреніи. Онъ понималъ, что ему представляется возможность великаго, неожиданнаго успѣха и неутомимо шелъ впередъ, ободряя солдатъ своимъ личнымъ присутствіемъ и примѣромъ. Вечеромъ 9-го февраля французскія войска достигли Сезанни; казачій отрядъ, подъ на-

¹⁾ Распоряженія Наполеона передъ движеніемъ на Сезаннь см. въ его письмѣ къ королю Іосифу отъ 9-го февраля. *Correspondance de Napoleon*, т. 27, стр. 172—74.

²⁾ Мармонъ умалчиваетъ, впрочемъ, объ этомъ обстоятельствѣ.

чалствомъ генераль-маіора Карпова, занимавшій этотъ пунктъ, поспѣшно отступилъ передъ неожиданно явившимся непріателемъ. Карповъ, какъ видно, не успѣлъ даже собрать надлежащихъ свѣдѣній о численности непріателя. По крайней мѣрѣ, соединившись съ генераломъ Сакеномъ въ Монмиралѣ, онъ даже не предупредилъ его о надвигающейся грозѣ. Наполеонъ былъ уже близко, а отдѣльные корпуса силезской арміи разбросаны были на протяженіи семидесяти верстъ. Ближе всѣхъ къ непріателю у Шампобера стоялъ Олсуфьевъ всего съ 4,000 человекъ. У Монмирала находился Сакенъ съ 16,000 отрядомъ; за нимъ въ разстояніи цѣлаго перехода, у Дормана и Шато-Тьеры, стоялъ Юркъ съ 18,000 ч.; тогда какъ отряды Капцевича (4,000 ч.) и Клейста (8,000 ч.) находились у Верто.

Между войсками Наполеона и ближайшимъ отрядомъ Блюхера, Олсуфьевымъ, пролегали трудно проходимыя С. Гондскія болота. Мармонъ не считалъ возможнымъ переправиться черезъ нихъ и предлагалъ императору поворотить на Лаферте-Гоше и Мо и соединиться тамъ съ Макдональдомъ; но Наполеонъ хорошо сознавая, что, слѣдуя этому совѣту, онъ откажется отъ всѣхъ ожидаемыхъ имъ успѣховъ, рѣшился лично обслѣдовать пути черезъ болота къ Сень-При. Убѣдившись при этой рекогносцировкѣ въ возможности перейти болота, Наполеонъ приказалъ собрать со всѣхъ окрестностей крестьянъ съ ихъ лошадьми и повелъ впередъ свои войска. Дороги были, дѣйствительно, ужасныя. Люди и лошади увязали въ грязи, орудія и зарядные ящики погружались въ трясины по самую ступицу, но солдаты вытаскивали ихъ при помощи крестьянъ и обывательскихъ лошадей, и одушевляемые императоромъ, неутомимо шли впередъ. Въ восемь часовъ утра измученныя французскія войска достигли, наконецъ, моста у Сень-При. Олсуфьевъ оставилъ безъ всякой защиты этотъ важный пунктъ. Безпрепятственно перешли французы по мосту и тотчасъ-же ударили на небольшой авангардъ русскаго корпуса, расположенный у деревни—Байе.

Все способствовало, какъ нельзя болѣе, смѣлому предпріятію Наполеона: Блюхеръ, не покидавшій обыкновенно свои

передовыя войска, находился на этотъ разъ при заднихъ отрядахъ Капцевича и Клейста. Въ главной квартирѣ силезской арміи движеніе Наполеона на Сезаннъ сдѣлалось извѣстнымъ слишкомъ поздно и ему не была дана тотчасъ-же правильная оцѣнка. Не удивительно, что приказы, рассылаемые при такихъ обстоятельствахъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, или не соотвѣтствовали вовсе положенію дѣлъ, или-же прибывали не своевременно. Олсуфьевъ, сдѣлавшій только что небольшой переходъ отъ Этожа къ Шампоберу, получилъ приказаніе оставаться на этомъ мѣстѣ въ то время, когда появленіе непріятеля въ Сезаннѣ считалось еще простымъ набѣгомъ, но приказаніе не было отмѣнено и въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ стоялъ уже у Сень-При. Къ несчастью Олсуфьевъ былъ человѣкъ, неспособный къ какимъ-бы то ни было самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Храбрый солдатъ, онъ не умѣлъ разсуждать и считалъ своимъ долгомъ слѣпо и безусловно исполнять распоряженія начальства. Его положеніе было къ тому-же самое странное. У него не было вовсе кавалеріи, за исключеніемъ двѣнадцати конныхъ вѣстовыхъ, и онъ не могъ, слѣдовательно, производить развѣдки и во-время узнавать о приближеніи непріятеля. Захваченный совершенно врасплохъ, онъ выдвинулъ противъ непріятеля половину своего отряда подъ начальствомъ генерала Удома и, собравъ на совѣтъ всѣхъ бывшихъ при немъ генераловъ, предложилъ имъ вопросъ, что дѣлать? Всѣ они единогласно предлагали отступить на Этожъ къ Вертю, дабы соединиться тамъ съ войсками Капцевича и Клейста. Такое отступление было еще возможно, такъ какъ Наполеонъ не успѣлъ еще придвинуть къ мѣсту боя всѣ свои войска; но Олсуфьевъ не рѣшился послѣдовать совѣту генераловъ, ссылаясь на приказаніе, отданное ему держаться въ Шампоберѣ. Онъ подкрѣпилъ свои войска сражавшіяся у Байе остальною частью своего отряда и вступилъ въ безумную борьбу съ непріателемъ, въ шесть разъ превосходившимъ его своею численностью. Исходъ борьбы не могъ подлежать сомнѣнію. Русскіе солдаты дрались какъ львы и покрыли себя безсмертною славой. Не имѣя при себѣ кавалеріи, они отражали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безчи-

сленныя атаки непріятельской конницы и пѣхоты. Громимые артиллеріею, изстрѣлявъ всѣ патроны, окруженные отовсюду врагами, они оборонялись штыками и прикладами до тѣхъ поръ, пока не изсякли послѣднія ихъ силы. Наступила полная темнота, когда горсть русскихъ была наконецъ окончательно сломлена непріятелями. 1200 храбрецовъ успѣли, однакоже, штыками проложить себѣ дорогу и укрыться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія въ сосѣднемъ лѣсу. 600 человѣкъ легло на мѣстѣ. Всѣ остальные, въ числѣ 1900 ч. по большей части раненые, взяты были въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ были самъ Олсуфьевъ и генераль Полторацкій. Французы потеряли, по собственнымъ показаніямъ, около 600 ч. ¹⁾.

Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ этой въ сущности незначительной побѣды. Его высококомѣрные надежды мгновенно поднялись до недосягаемой высоты. Уже онъ мечталъ объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Франціи, о возстановленіи своего владычества надъ Европою. За ужиномъ, къ которому приглашены были плѣнные русскіе генералы, Наполеонъ обратился къ своимъ маршаламъ съ такими словами: „отъ какихъ мелочей зависитъ часто судьба государствъ. Если завтра намъ повезетъ также противъ Сакена какъ повезло сегодня противъ Олсуфьева, то союзники уйдутъ обратно за Рейнъ скорѣе, нежели они пришли, а я буду опять на Вислѣ“ ²⁾.

¹⁾ Французы, вслѣдъ за Наполеономъ, страшно преувеличивали побѣду свою при Шампоберѣ. Наполеонъ писалъ Іосифу Бонапарту: „Сегодня я атаковалъ непріятеля у Шампобера. Его силы состояли изъ 12 полковъ; у него было 40 орудій. Главный начальникъ былъ взятъ въ плѣнъ со всѣми своими генералами, полковниками, офицерами, орудіями, зарядными ящиками и багажемъ. Пока насчитываютъ 6,000 плѣнныхъ, 40 пушекъ, 200 повозокъ. Остатокъ былъ отброшенъ въ болото или перебитъ на мѣстѣ сраженія“. Еще изумительнае хвастовство и лживость Мармона, писавшаго много лѣтъ спустя послѣ событія. Онъ говоритъ, правда, только о 15 взятыхъ пушкахъ и 4,000 плѣнныхъ, но за то онъ приписываетъ всю побѣду самому себѣ и своимъ войскамъ и утверждаетъ, что съ французской стороны сражались всего лишь 3,200 пѣхоты и 1,500 конницы. См. Мармонъ Мемуары. Т. VI стр. 50.

²⁾ Слова эти произвели, впрочемъ, непріятное впечатлѣніе на присутствующихъ маршаловъ. Наполеонъ замѣтилъ это, по выраженію лицъ ихъ, и послѣшилъ добавить: „И тогда я заключу миръ на условіи естественныхъ границъ“. „Chose dont il se serait bien garde“, замѣчаетъ Мармонъ, по поводу этихъ послѣднихъ словъ. Мемуары Мармона, т. VI, стр. 52—53.

Какъ ни странно было это хвастовство, но счастье продолжало служить какимъ то непонятнымъ образомъ Наполеону. Въ послѣдній разъ хотѣло оно осыпать своими щедротами прежняго любимца, чтобы покинуть его затѣмъ навсегда и безвозвратно. Сакенъ и Йоркъ получили въ самый день пораженія Олсуфьева новыя приказанія отъ Блюхера. Фельдмаршалъ предписывалъ Сакену отойти немедленно къ Монмиралю, а Йорку къ Этожу. Самъ Блюхеръ послѣшилъ къ Ла-феръ-Шампенуазу, но на пути его настигло извѣстie о катастрофѣ Олсуфьева. Тотчасъ-же посланы были новые приказы Сакену и Йорку, предписывавшіе обоимъ генераламъ перевести свои войска на лѣвый берегъ Марны и спѣшить къ Реймсу, главному сборному пункту силѣзской арміи. Если-бы это послѣднее приказаніе было отправлено нѣсколькими часами ранѣе, то оно могло-бы спасти союзниковъ отъ большого несчастія. Но теперь было уже поздно. Сакенъ получилъ приказъ отступить на Монмираль, въ то время когда корпусъ Олсуфьева былъ уже уничтоженъ, а Наполеонъ шелъ уже съ главными своими силами на Монмираль. Избалованный недавними успѣхами, горя желаніемъ сразиться съ самимъ Наполеономъ и побѣдить его, Сакенъ рѣшился идти прямо на Монмираль и силою продолжить себѣ путь на соединеніе съ Блюхеромъ. Тщетно предупреждалъ его осторожный Йоркъ, тщетно предлагалъ онъ ему переправиться тотчасъ-же черезъ Марну у Шато-Тьеры и избѣгнуть тѣмъ встрѣчи съ Наполеономъ. Сакенъ упорно стоялъ на своемъ, предлагалъ Йорку послѣдовать его примѣру и общими силами ударить на Наполеона. Такое предложеніе русскаго генерала не лишено было, впрочемъ, своего разумнаго основанія. Соединенныя силы Сакена и Йорка могли-бы помѣряться съ Наполеономъ; но Йоркъ не рѣшился на такое, по его мнѣнію, безразсудное предпріятіе. Опытный солдатъ, превосходный боевой генералъ, онъ не былъ полководцемъ и не обладалъ рѣдкою способностью понимать моментъ и пользоваться имъ ¹⁾. Не желая принимать участія

¹⁾ Бернгарди говоритъ по этому поводу: Йоркъ былъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ прусской арміи, быть можетъ, первый на полѣ битвы; онъ былъ не-

въ предпріятіи Сакена и рисковать подобно ему „всѣмъ своимъ корпусомъ“, Іоркъ не хотѣлъ, однакоже, покинуть своего русскаго товарища на произволъ судьбы. Онъ старался обезпечить съ одной стороны свое отступленіе за Марну, а съ другой принялъ мѣры, чтобы воспѣть въ случаѣ крайности на помощь Сакену. Съ этою цѣлью онъ занялъ Шато-Тьери и мосты черезъ Марну, расположилъ массу своихъ войскъ у Вифора, а авангардъ выдвинулъ впередъ по дорогѣ на Монмираль.

Съ своей стороны Наполеонъ выступилъ изъ Шампобера еще вечеромъ 10 числа. Выдвинувъ корпусъ Мармона къ Этожу и поручивъ ему задерживать, по возможности, Блюхера, императоръ съ остальными войсками двинулся послѣдственно на Монмираль и еще ночью съ 10 на 11 занялъ этотъ пунктъ, выгнавъ оттуда казаковъ Сакена. На слѣдующій день рано утромъ Наполеону дали знать, что русскіе наступаютъ со стороны Ла-ферте-су-Жуаръ и онъ тотчасъ-же построилъ свои войска въ боевой порядокъ ¹⁾. Сакенъ дѣйствовалъ наступательно, но вмѣсто того, чтобы повести атаку на правый флангъ противника, откуда грозила ему величайшая опасность и гдѣ, въ случаѣ пораженія, непріятель могъ отрѣзать ему всѣ пути къ отступленію, онъ направилъ массу своихъ войскъ на лѣвое крыло непріятеля, гдѣ французы сильно укрѣпились въ деревнѣ Марше. Уже передовыя войска повсемѣстно вступили въ бой, когда къ Сакену прибылъ адъютантъ Іорка, маіоръ Ф. Шакъ. Адъютантъ передалъ Сакену уже извѣстныя намъ опасенія Іорка, но русскій генералъ возразилъ, что онъ не можетъ прервать сраженія и что онъ имѣетъ передъ собою лишь незначительныя непріятельскія силы. Но какъ-бы противорѣча самому себѣ, онъ добавилъ, что онъ очень-бы просилъ генерала Іорка поддержать его своими войсками. Шакъ

доволенъ своимъ положеніемъ и считалъ себя способнымъ къ высшему и вотъ ходъ событій доставилъ ему рѣдкій случай занять первое мѣсто въ ряду полководцевъ и самостоятельно сокрушить Наполеона, но онъ не видѣлъ славныхъ вѣнцовъ, касавшихся его чела. Бернгарди, т. IV, стр. 389.

¹⁾ Подробности о сраженіи при Монмиралѣ см. Бернгарди, т. IV, стр. 390—393; Богдановичъ, т. IV, стр. 383—386; Дройзенъ, т. II, стр. 296—312.

отвѣтилъ, что генераль его готовъ поспѣшить на помощь къ своему русскому товарищу, но что во всякомъ случаѣ пруссаки могутъ поспѣть только къ вечеру и что непроходимыя дороги не дозволяютъ имъ взять съ собою артиллерію. „Въ артиллеріи нѣтъ надобности“, возразилъ съ живостью Сакенъ. „Русскія войска снабжены орудіями въ достаточномъ количествѣ“¹⁾.

Ф. Шакъ возвратился поспѣшно съ отвѣтомъ Сакена въ Виѳоръ. Йоркъ понялъ, что теперь наступила минута давно предвидѣнной имъ великой опасности. Немедленно отправилъ онъ въ Шато-Тьері всю свою артиллерію и бригаду принца Вильгельма, а самъ съ остальными войсками, бригадами Пирха и Горна и 8-ю артиллерійскими орудіями, выступилъ къ Монмиралю на помощь Сакену. Дороги были, однакоже, такъ топкие и непроходимы, что пруссаки, не смотря на всѣ свои усилія, достигли Фонтенеля, въ непосредственной близи отъ поля битвы, лишь около четырехъ часовъ пополудни. Между тѣмъ у Монмираля кипѣлъ отчаянный бой, начиная съ 12 часовъ дня. Сакенъ направилъ главную массу своихъ войскъ на деревню Марше и завладѣлъ ею послѣ ожесточеннаго сопротивленія. Всѣ попытки непріятели взять обратно деревню были отбиты съ большими для него потерями. Но въ этой, въ сущности бесполезной борьбѣ, Сакенъ затратилъ свои послѣдніе резервы и совершенно ослабилъ свой лѣвый флангъ. Наполеонъ, намѣренно отвлекавшій вниманіе противника своими повторенными атаками на Марше, получилъ около двухъ часовъ пополудни сильныя подкрѣпленія, въ томъ числѣ гвардейскую бригаду Мишеля и немедленно атаковалъ превосходными силами лѣвый флангъ Сакена. Сраженіе приняло самый печальный оборотъ для русскихъ. Не смотря на всю свою стойкость, они не въ состояніи были выдержать натиска свѣжихъ непріятельскихъ войскъ. Все лѣвое крыло Сакена было опрокинуто; французы завладѣли группою дворовъ и селеній, расположенныхъ вдоль дороги на Шато-Тьері и отрѣзали русскому корпусу всѣ пути къ отступленію. Въ этотъ отчаян-

¹⁾ См. Дройзенъ, Жизнь Йорка, т. II, стр. 308.

ный моментъ прибыли на мѣсто боя пруссаки. Йоркъ, не теряя ни минуты времени, двинулъ въ атаку на деревни бригаду Пирха. Онъ самъ прискакалъ въ цѣль застрѣльщиковъ и лично распоряжался дѣйствіями, ободряя солдатъ своимъ хладнокровнымъ мужествомъ. Тщетно убѣждали его штабные офицеры отъѣхать назадъ, указывая на страшную опасность. Йоркъ давалъ видъ, что онъ не слышитъ ихъ предостереженій. На повторенныя просьбы онъ отвѣчалъ съ досадою: „Убѣжайте сами! Оставьте меня! Я буду искать смерти, если мы не удержимся здѣсь“ ¹⁾).

Неожиданная атака пруссаковъ видимо озадачила французовъ. Они перестали тѣснить Сакена, и обратили всѣ свои силы противъ новаго врага. Французская гвардія отгвѣсила назадъ бригаду Пирха, но Йоркъ выдвинулъ на помощь ей бригаду Горна, расположилъ свои войска у деревни Ле-Турне и до самой темноты продолжалъ отбиваться съ успѣхомъ отъ нападеній непріятеля. Тѣмъ временемъ войска Сакена начали отходить за прусскія линіи и благополучно достигли Вифорской дороги. Французы успѣли отрѣзать только софійскій пѣхотный полкъ, но и тотъ пробился. Бой и преслѣдованіе продолжались до наступленія полной темноты. Наставшая за тѣмъ темная и дождливая ночь заставила непріятеля прекратить сраженіе ²⁾. Прусскій арріергардъ подъ начальствомъ Кацлера остался въ виду французовъ и занималъ до самаго разсвѣта деревню Ле-Турне. Всѣ остальные войска двинулись по

¹⁾ См. Богдановичъ, т. IV, стр. 385; Дройзенъ, т. II, стр. 311.

²⁾ Наполеонъ распространялъ самыя чудовищныя извѣстія о своей побѣдѣ при Монмтралѣ. „Сегодняшній день былъ рѣшительный, писалъ онъ королю Іосифу, силезская армія не существуетъ болѣе; я нанесъ ей полное пораженіе. Мы взяли всѣ ея пушки, багажъ и массу плѣнныхъ, быть можетъ, до 7,000. Всякую минуту приводятъ новыхъ плѣнниковъ. Отъ 5 до 6000 непріятелей остались на мѣстѣ битвы. И все это было достигнуто одною половиною старой гвардіи; она сдѣлала болѣе, нежели можно ожидать отъ силъ человѣческихъ. Эти два дня измѣнили все положеніе дѣлъ. Сакенъ убитъ (1). Много генераловъ взято въ плѣнъ, нѣсколько ранено, многіе остались на мѣстѣ боя, десять русскихъ дивизій, т. е. 60 полковъ уничтожено (?), я писалъ императрицѣ чтобы стрѣляли 60 разъ изъ пушекъ“ и т. д. *Correspondance de Napoleon*, т. 27, стр. 176—177.

дорогѣ на Вифоръ. Впереди шли русскіе, за ними пруссаки. Темнота была страшная, лилъ проливной дождь и всѣ дороги превратились въ непроходимое болото. Русскіе принуждены были зажигать костры, чтобы освѣтить хотя нѣсколько путь. Орудія и фуры то и дѣло увязали въ грязи. Цѣлыя эскадроны принуждены были сходить съ коней и запрягать ихъ подъ орудія. Только съ разсвѣтомъ войска дошли наконецъ до Вифора и вышли здѣсь на большую шоссеиную дорогу.

Французы возобновили преслѣдованіе съ наступленіемъ дня. Они вытѣснили арріергардъ Кацлера изъ Ле-Турне и усиливаясь съ каждымъ часомъ, напирали все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ на пруссаковъ. Упоенные побѣдою, ободряемые присутствіемъ Наполеона, они видимо хотѣли покончить съ непріателемъ. При такихъ обстоятельствахъ Іоркъ считалъ за лучшее перевести войска какъ можно скорѣе за Марну въ Шато-Тъери и разрушивъ мосты, прекратить тѣмъ самымъ преслѣдованіе. Сакенъ воспротивился, однакоже, этому намѣренію. Онъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ ему придется бросить всю свою артиллерію и багажъ и упрашивалъ Іорка, занявъ позицію впереди Марны, на высокомъ плато, насупротивъ Шато-Тъери, задержать хотя на нѣсколько часовъ наступленіе непріателя и дать ему возможность переправить черезъ рѣку свои обозы. Неустрашимый Іоркъ исполнилъ просьбу своего товарища. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, пруссаки и русскіе въ числѣ 10,000 чел. задерживали наступленіе французовъ и покрыли себя въ этотъ день неувядаемою славою. Наполеонъ, лично управлявшій боемъ, атаковалъ позицію Іорка съ фронта массами пѣхоты и направилъ въ обходъ лѣваго фланга четыре тысячи конницы, подъ начальствомъ маршала Нея. Отборныя французскія войска, недавно прибывшія изъ Испаніи, приняли участіе въ этой атакѣ. Въ первой линіи кавалеріи стояли драгуны, за ними конные гренадеры, позади кирасиры. Ярko блестяли на солнцѣ ихъ кирасы и шлемы. Литовскіе драгуны подъ начальствомъ полковника Юргаса смѣло бросились на непріятельскую конницу. Французы встрѣтили враговъ залпомъ изъ карабиновъ, но пруссаки безъ выстрѣла ринулись впередъ и мгновенно прорвали не-

пріятельскую линію. Завязалась отчаянная свалка, но новыя волны французскихъ всадниковъ опрокинули, наконецъ, пруссаковъ. Непрiятельская конница заскакала въ тылъ союзной пѣхотѣ, съ фронта напирала французскіе гренадеры. Все казалось погибло въ этотъ ужасный моментъ. Непрiятель отрѣзалъ союзниковъ отъ Марны и готовъ былъ завладѣть мостами. Пѣхота Горна, поддерживаемая бранденбургскими гусарами, не потеряла однакоже присутствiя духа. Она не только отбила фронтальныя атаки непрiятельской пѣхоты, но и отразила побѣдоносно повторенныя яростныя нападенія конницы. Не смотря на всѣ свои усилія, французы принуждены были подаваться нѣсколько разъ назадъ и пруссаки успѣли очистить дорогу къ мостамъ. Нападенія непрiятеля повторялись съ удвоенною силою до поздней ночи. Въ частности, они могли похвалиться блестящими успѣхами. Два баталіона русскихъ егерей были стоптаны и разсѣяны французскими кирасирами. Такая-же участь постигла Тамбовскій и Костромскій полки, въ тотъ самый моментъ, когда они пытались построиться въ карре. Два баталіона прусскаго ландвера были совершенно истреблены. Но все-же непрiятель не могъ достигнуть своей главной цѣли. Бригада Горна и бранденбургскіе гусары держались на своихъ позиціяхъ, до тѣхъ поръ пока всѣ остальные войска Сакена и Йорка переправились черезъ рѣку. Этого мало. Отбивъ послѣднюю атаку непрiятеля, они сами перешли черезъ рѣку и на глазахъ у французовъ разрушили мосты. Союзная армія была спасена, но потери ея въ оба дни сраженія при Монмиралѣ и Шато-Тьері были чрезвычайно велики. У русскихъ вышло изъ строя около 4,500 человекъ; у пруссаковъ болѣе 2,000; русскіе оставили въ рукахъ непрiятеля 16 орудій; пруссаки три. Уровнь французовъ въ точности неизвѣстенъ. По ихъ собственнымъ, крайне сомнительнымъ показаніямъ, онъ не превышалъ 2600 человекъ ¹⁾.

¹⁾ Подробности о битвѣ при Шато-Тьері см. у цитированныхъ выше авторовъ, особенно у Дройзена. Наполеонъ писалъ объ этомъ сраженіи: „Я захватилъ весь непрiятельскій арріергардъ, состоявшій изъ четырехъ русскихъ ба-

Перейдя черезъ Марну, корпуса Юрка и Сакена совершенно освободились отъ преслѣдованія. Спокойно достигли они Реймса, а оттуда, вслѣдствіе новаго распоряженія фельдмаршала, направились къ Шалону на Марнѣ. Наполеонъ не предполагалъ преслѣдовать ихъ всѣми своими силами. Преувеличивая свои успѣхи, онъ считалъ силезскую армію совершенно уничтоженною, и находилъ достаточнымъ для преслѣдованія ея остатковъ семитысячный отрядъ подъ начальствомъ маршала Мортье. Въ теченіе 12-го февраля французскіе піонеры восстановили разрушенный мостъ у Шато-Тъери и Мортье двинулся съ своимъ отрядомъ по дорогѣ на Суассонъ, но само собою понятно, что онъ былъ уже не въ состояніи настигнуть союзниковъ.

Наполеонъ съ остальными войсками собирался уже двинуться черезъ Сезаннь на главную армію, когда извѣстія, полученныя имъ отъ Мармона, побудили его измѣнить свой планъ и вмѣсто Шварценберга обратиться противъ Блюхера. Судьба продолжала служить императору французовъ и совершенно неожиданно для него самого указала ему путь къ новой блестящей побѣдѣ. Въ то время когда Сакенъ и Юркъ сражались при Монмиралѣ и Шато-Тъери, Блюхеръ съ войсками Капцевича и Клейста, всего около 17,000 ч., стоялъ у Бержера всего въ одномъ переходѣ отъ Этожа, гдѣ находился съ своимъ корпусомъ Мармонъ. Положеніе фельдмаршала было самое затруднительное. Громъ пушекъ при Монмиралѣ явственно доносился до него и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ послѣшить на помощь своимъ генераламъ, но у него вовсе не было конницы и онъ ежеминутно опасался подвергнуться атакѣ со стороны непріятеля, стоявшаго у Этожа. Такъ прошло цѣлыхъ два дня въ мучительномъ безпокойствѣ и тревогѣ. Только вечеромъ 12-го числа получено было, наконецъ, донесеніе отъ Юрка, извѣщавшее объ исходѣ сраженія при Монмиралѣ и объ отступленія обоихъ союзныхъ корпусовъ къ Виффору. Въ

таліоновъ, трехъ прусскихъ и трехъ орудій; все было взято, даже командовавшій всѣмъ отрядомъ русскій генералъ (?). Сегодня взято 2,000 плѣнныхъ".
Correspondance, т. XXVII, стр. 178.

этотъ же самый вечеръ Блюхеръ произвелъ рекогносцировку по направленію къ Этожу и убѣдился, что тамъ находится лишь незначительный отрядъ непріятеля. Естественно, что у него родилось предположеніе, что Наполеонъ прекратилъ преслѣдованіе силезской арміи и обратился вновь противъ Шварценберга, оставивъ при этомъ для прикрытія своего фланговаго марша корпусъ Мармона въ Этожѣ. Блюхеръ не находилъ для себя возможнымъ пребывать въ бездѣйствіи при такихъ обстоятельствахъ. Онъ рѣшился ударить немедленно-же на Мармона, опрокинуть его отрядъ и дѣйствовать въ тылу удаляющагося Наполеона. Блюхеръ не имѣлъ обыкновенія откладывать исполненіе своихъ плановъ. Едва только прибыли къ его отряду утромъ 13-го числа два полка прусскихъ кирасировъ, какъ онъ тотчасъ-же двинулся противъ Мармона. Непріятель нигдѣ не оказалъ серьезнаго сопротивленія. Тѣснымъ авангардомъ Блюхера, онъ отступилъ въ теченіи этого дня сначала къ Шампоберу, а оттуда къ Фроментьеру.

Мармонъ успѣшилъ увѣдомить императора о нападеніи Блюхера и уже въ ночь съ 13-го на 14-е февраля Наполеонъ рѣшился послѣшить на помощь Мармону ¹⁾. Онъ взялъ съ собою три пѣхотныхъ дивизіи и всю гвардейскую кавалерію и еще утромъ 14-го числа передовыя войска его дошли до Монмираля. Между тѣмъ Блюхеръ утромъ этого-же дня возобновилъ преслѣдованіе Мармона. Авангардъ его подъ начальствомъ генерала Цитена оттѣснилъ Мармона до селенія Вошампъ, но здѣсь непріятель внезапно усилился въ числѣ и остановилъ свое отступленіе. Наполеонъ былъ уже на мѣстѣ боя. Въ его распоряженіи сосредоточено было здѣсь около 13,000 пѣхоты, — слѣдовательно, почти столько-же, какъ и у Блюхера, но онъ могъ рассчитывать на прибытіе сильныхъ подерѣпленій, въ числѣ 5,000 человекъ, и что самое главное, въ его распоряженіи было 8,000 отборной конницы, тогда какъ Блюхеръ располагалъ лишь двумя кирасирскими полками, всего около 1,200 человекъ.

¹⁾ Императоръ писалъ Мармону: Я надѣюсь быть въ Монмиралѣ ранѣе 7 часовъ утра, дабы атаковать непріятеля около полудня и дать ему хорошій урокъ. *Congrespndance*, т. XXVII, стр. 189.

Наполеонъ воспользовался, какъ нельзя лучше, своимъ численнымъ превосходствомъ и совершенно ровною, открытою мѣстностью. Онъ двинулъ свою пѣхоту на фронтъ непріятельской арміи, а кавалерію раздѣлилъ на двѣ массы. Одна изъ нихъ должна была обойти лѣвое крыло Блюхера, другая подъ начальствомъ Груши направлена была въ обходъ его праваго крыла. Сраженіе ¹⁾ началось около полудня. Авангардъ Блюхера, не поддержанный во время главными силами, былъ вскорѣ вытѣсненъ изъ селенія Вошампъ. Баталіоны Цитена въ безпорядкѣ выбѣжали изъ деревни и были здѣсь совершенно разсѣяны неожиданною и стремительною атакою французской кавалеріи. Непріятель, упоенный первымъ легкимъ успѣхомъ, быстро продолжалъ наступленіе. Позади Вошампа, на разстояніи какихъ нибудь 3,000 шаговъ, французы наткнулись на главныя силы Блюхера. Онѣ были расположены поперекъ большой дороги на Шампоберъ; на правомъ крылѣ стояли пруссаки, на лѣвомъ — русскіе. Блюхеръ скоро замѣтилъ численное превосходство непріятеля въ кавалеріи и, принимая къ тому-же въ соображеніе невыгодныя мѣстныя условія, рѣшился подать сигналъ къ отступленію. Но было уже поздно. Оба его крыла были уже охвачены многочисленною непріятельскою конницею, и непріятель одновременно повелъ на него атаку и съ фронта, и съ фланговъ. Прусская кавалерія, не смотря на свою малочисленность, держалась долгое время противъ превосходныхъ силъ непріятеля. 600 кирасировъ, прикрывавшихъ правый флангъ Блюхера, неоднократно бросались въ атаку на французскую кавалерію и отбрасывали ее нѣсколько разъ назадъ. Оттѣсненные, наконецъ шестернымъ превосходствомъ силъ, они упорно продолжали прикрывать свою пѣхоту, подвигаясь шагъ за шагомъ назадъ параллельно съ непріятельскою конницею. Русско-прусская пѣхота съ своей стороны отходила въ стройномъ порядкѣ, не торопясь, какъ будто на учебномъ полѣ. Такъ достигли союзники поселка Ле-Дезеръ, какъ-разъ на половинѣ дороги между Шампоберомъ и

¹⁾ Подробности о битвѣ при Этожѣ см. Богдановичъ, т. IV, стр. 389—311; Бергарди, т. IV, стр. 401—405; Мармонъ, т. VI, стр. 56—60.

Фроментьеромъ. Мѣстность, пересѣченная здѣсь лѣсомъ и прудами, замедлила ихъ отступление. Атаки французской кавалеріи повторялись все чаще и чаще. Генераль Капцевичъ, для лучшаго противодѣйствія имъ, приказалъ своимъ баталіонамъ отступать въ шахматномъ порядкѣ. Этотъ маневръ и неслыханное хладнокровіе, съ которымъ выполняли его русскіе войска, привелъ въ восторгъ стараго фельдмаршала. Тщетно доказывалъ генераль Клейстъ, что подобный способъ отступления даетъ французской конницѣ время зайти въ тылъ союзникамъ и отрѣзать ихъ отъ спасительнаго этожскаго лѣса, виднѣвшагося вблизи. Блюхеръ не захотѣлъ слушать его; удивляясь отвагѣ русскихъ, онъ приказалъ прусской пѣхотѣ, шедшей впереди, остановиться и подождать своихъ союзниковъ. Это замедленіе едва не погубило весь отрядъ. Этожскій лѣсъ былъ уже вблизи, какъ вдругъ передъ союзниками явились многочисленныя массы кавалеріи Груши. Прусскіе кирасиры бросились еще разъ въ атаку, но атакованные съ обѣихъ фланговъ, потерпѣли полное пораженіе и были совершенно разсѣяны. Союзная пѣхота осталась теперь безъ всякаго прикрытія. Огромныя массы французской кавалеріи обрушились на нее со всѣхъ сторонъ. Конница Груши бросалась на нее спереди; гвардейская кавалерія Навсути напирала на нее сзади. То была ужасная минута. Карреи союзной пѣхоты исчезали по временамъ совершенно среди волнующагося моря непріятельскихъ всадниковъ. Нѣсколько баталіоновъ было смято и разсѣяно. Среди страшной свалки и всеобщаго смятенія принцъ Августъ прусскій, генералы Капцевичъ и Клейстъ были сброшены съ лошадей и лишь съ трудомъ успѣли спастись въ ближайшее карре. Самъ старшій фельдмаршалъ подвергался величайшей опасности. Не смотря на всѣ просьбы окружающихъ, онъ не хотѣлъ скрыться въ средину карре и видимо искалъ смерти. Вокругъ него собрались его свита и нѣсколько кирасировъ. Непріятельскіе всадники бросились на нихъ. Одинъ конный гвардеецъ пробился до самого Блюхера. Со словами: „Ну этотъ молодецъ не уйдетъ отъ меня!“ Старшій фельдмаршалъ выхватилъ саблю и ринулся на него. Свита и кирасиры бросились за нимъ. Озадаченные врезавною ата-

кою, гвардейцы дрогнули и повернули назадъ коней ¹⁾. Но то былъ лишь одинъ моментъ. Новая волна непріятельскихъ всадниковъ нахлынула на храбрецовъ. Ностицъ, адъютантъ Блюхера, предпринялъ послѣднюю попытку спасти геройскаго старика. „Если васъ убьютъ здѣсь“, сказалъ онъ ему, „то исторія не помянетъ васъ за это добрымъ словомъ“. „Ну такъ уйдемъ отсюда“, отвѣчалъ угрюмо фельдмаршалъ. Вмѣстѣ съ своею свитою онъ помѣстился въ одномъ изъ карреевъ.

Къ счастью для союзниковъ, Груши не имѣлъ въ своемъ распоряженіи артиллеріи, а атаки его конницы, за немногими исключеніями, разбились безсильно объ желѣзную грудь русско-прусской пѣхоты. Восемь прусскихъ баталіоновъ, шедшіе впереди, отбили всѣ атаки французскихъ всадниковъ и штыками проложили себѣ дорогу къ этожскому лѣсу. Наступила темнота, и маршалъ Ней, опасаясь, чтобы кавалерія Груши не разсѣялась по лѣсу, приказалъ трубить сборъ. Преслѣдованіе прекратилось. Баталіоны Капцевича вслѣдъ за пруссаками вступили безпрепятственно въ лѣсъ. Только князь Урусовъ, шедшій въ арріергардѣ съ своею бригадою, отрѣзанъ былъ непріателемъ. Самъ Урусовъ былъ взятъ въ плѣнъ, но часть его войскъ успѣла пробиться ²⁾.

Союзный отрядъ былъ спасенъ отъ совершеннаго истребленія, но потери его были ужасны. Онѣ доходили до 6,000 ч. и 16 орудій; погибла слѣдовательно пѣвая треть войскъ Блюхера, въ томъ числѣ 4,000 пруссаковъ и 2,000 русскихъ. Побѣда Наполеона была блистательна ³⁾, но онъ не сумѣлъ воспользоваться ею до конца. Какъ при Шато-Тьері и Этожѣ, такъ и здѣсь онъ преувеличивалъ значеніе своего успѣха. Ему казалось, что онъ уничтожилъ въ конецъ армію Блюхера и что опаснѣйшій изъ его противниковъ не существуетъ болѣе. Онъ не считалъ даже нужнымъ преслѣдовать разбита-

¹⁾ Шерръ, Blücher, seine Zeit und sein Leben, т. III, стр. 349.

²⁾ См. Мармонъ, Мемуары, т. VI, стр. 60.

³⁾ Онъ преувеличивалъ ее въ своихъ письмахъ и бюллетеняхъ, по обыкновенію, до смѣшнаго. Въ числѣ другихъ нелѣпностей, онъ писалъ, что потери французовъ доходили только до 300 чел., и что на полѣ сраженія подобрано было 40,000 ружей. См. Correspondance, т. 27, стр.

го Блюхера. Онъ занятъ уже былъ другими колоссальными планами. Оставивъ для наблюденія за обломками силезской арміи Мармона съ небольшимъ отрядомъ, онъ двинулся со всею арміею черезъ Мо и Гинь на Сену противъ Шварценберга.

Наполеонъ находился, однакоже, въ большомъ заблужденіи на счетъ опаснѣйшаго своего противника. Противникъ этотъ вовсе не былъ уничтоженъ. Оставляя его въ покоѣ, Наполеонъ давалъ ему тѣмъ самымъ возможность возстановить въ короткое время свои силы. Силезская армія понесла жестокіе удары. Въ теченіе одной роковой недѣли она потеряла около 16,000 чел. и до 50 орудій, но она счастливо избѣгла окончательнаго пораженія, а ея вожди, хорошо сознавая сдѣланныя ими ошибки, нисколько не упали духомъ. Старикъ Блюхеръ подавалъ всѣмъ остальнымъ примѣръ героической твердости въ эти печальныя дни. По прибытіи въ Шалонъ, куда сошлись всѣ его корпуса, онъ приступилъ немедленно къ реорганизаціи своей арміи. Оборванные и босые солдаты снабжены были, по мѣрѣ возможности, обувью и теплою одеждою. Части войскъ, особенно пострадавшія за послѣднее время, были переформированы. Въ корпусѣ Йорка четыре прежнія бригады соединены были въ двѣ дивизіи; десять эскадроновъ резервной кавалеріи были соединены въ четыре. Такая-же переформировка произведена была и въ корпусѣ Клейста. Что же касается до русскихъ корпусовъ, то убыль въ рядахъ ихъ пополнена была уже 18 февраля прибытіемъ 10,000 свѣжихъ войскъ ¹⁾. Заботясь о матеріальномъ возстановленіи своихъ войскъ, Блюхеръ обращалъ еще большее вниманіе на поднятіе ихъ нравственнаго духа, потрясеннаго послѣдними неудачами. Безкорыстный и великодушный по самой натурѣ своей, онъ взялъ на себя всю вину послѣднихъ пораженій; и въ доносеніяхъ императору Александрѣ не обвинялъ ни одного изъ своихъ генераловъ ²⁾. Веселый и бодрый, какъ всегда онъ шутилъ съ солдатами и обѣщалъ имъ поправить дѣла въ самомъ

¹⁾ См. Дройзенъ, т. II, стр. 326 и 327.

²⁾ См. Богдановичъ, т. IV, 391.

ближайшемъ будущемъ“ 1). Не прошло и недѣли, а уже силезская армія, доведенная вновь до 53,000 чел., готова была опять начать наступленіе. „Смотрите, говорилъ фельдмаршалъ своимъ штабнымъ, составлявшимъ диспозицію новаго похода, „не натворите опять такого-же свинства какъ за послѣдніе дни!“ 2)

Силезская армія могла быть усилена въ это время цѣлыми корпусами свѣжихъ войскъ, только что прибывшихъ во Францію. Еще въ началѣ января переправился черезъ Рейвъ у Дюссельдорфа 30,000 русскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Винцингероде, и занявъ по пути крѣпости Авенъ и Лаонъ, достигъ въ первыхъ числахъ февраля окрестностей Суассона. 14 февраля, въ самый день битвы при Этожѣ, генералъ Чернышевъ, командовавшій авангардомъ корпуса, взявъ штурмомъ Суассонъ, при чемъ французы потеряли 800 чел. убитыми и ранеными и 3,000 плѣнными 3). Въ скоромъ времени войска Винцингероде получили приказаніе присоединиться къ силезской арміи. Такое-же назначеніе получили и войска прусскаго генерала Бюлова (30,000 чел.), прибывшія въ это время во Францію изъ Бельгіи.

Положеніе Наполеона, не смотря на всѣ его блестящія побѣды, было, такимъ образомъ, по прежнему критическое. Только въ главной квартирѣ союзниковъ продолжали смотрѣть еще на него какъ на силу грозную и непобѣдимую и трепетали при одной мысли о его скоромъ прибытіи на Сену. Шварценбергъ ни мало не воспользовался экспедиціею Наполеона противъ силезской арміи. Связанный извѣстнымъ уже намъ тайнымъ приказомъ своего двора,—отнюдь не переходить на правую сторону Сены,—онъ изыскивалъ всевозможныя средства, дабы подавать видъ дѣятельности, не предпринимая въ сущности ничего. Прежде всего онъ постарался растянуть всю армію на протяженіи ста верстъ между Ножаномъ и Оксономъ. Затѣмъ онъ предписывалъ отъ времени до времени от-

1) Беригарди, т. IV, 1 пол. стр. 406.

2) Шерръ, Blücher's Leben, т. III, стр. 350.

3) Богдановичъ, т. IV, стр. 393.

дѣльными корпусамъ своихъ войскъ такъ называемыя рекогносцировки и демонстраціи, при чемъ строго внушалъ ихъ начальникамъ ограничиваться однимъ наблюденіемъ, не вступать въ бой съ непріателемъ и занимать только тѣ пункты, которые уже очищены непріателемъ. Частные успѣхи, какіе имѣли союзники при такихъ обстоятельствахъ достигнуты были помимо Шварценберга. Такъ кронпринцъ виртембергскій, вопреки распоряженіямъ главнокомандующаго, съ боя завладѣлъ Саномъ.

Между тѣмъ получено было въ главной квартирѣ извѣстіе о пораженіи Олсуфьева подъ Шампоберомъ. Крайне встревоженный этою вѣстью, императоръ Александръ настойчиво требовалъ, чтобы вся союзная армія направилась въ тылъ Наполеону на Сезаннь, но Шварценбергъ объявилъ, что несравненно выгоднѣе и безопаснѣе направить армію по лѣвому берегу Сены на Фонтенебло, т. е. именно въ ту сторону, гдѣ вовсе не было непріателя. Выведенный изъ терпѣнія, государь объявилъ, что его войска ни въ какомъ случаѣ не послѣдуютъ за австрійцами. Немедленно отдалъ онъ приказъ Витгенштейну и Баркляю-де-Толли перейти на правый берегъ Сены, а генерала Дибича съ легкою гвардейскою кавалеріею и двумя пѣхотными полками послалъ прямо на Сезаннь для возобновленія сообщенія съ арміею Блюхера. Эти рѣшительныя мѣры Александра ни мало не образумили Шварценберга. „Косиѣя“, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ историковъ,¹⁾ „въ своемъ упрямствѣ“, онъ направилъ непосредственно зависѣвшія отъ него союзныя войска еще далѣе влѣво отъ Сены на рѣку Іонну и тѣмъ разобщилъ еще болѣе отдѣльные корпуса главной арміи другъ отъ друга. Между тѣмъ отъ Дибича приходили съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грозныя вѣсти. Пораженіе Сакена и Іорка при Монмиралѣ усилило опасенія Александра. Вновь онъ потребовалъ соединенія арміи и движенія въ тылъ Наполеону; но Шварценбергъ упорно настаивалъ на своемъ прежнемъ планѣ: движенія по лѣвому берегу Сены. Вопреки интригамъ главнокомандующаго, союзныя

¹⁾ Богдановичъ, Т. IV, стр. 397.

войска подвинулись, однакоже, въ теченіи послѣднихъ дней, отъ 12 по 16 февраля, нѣсколько впередъ. Корпусъ Витгенштейна, переправившись черезъ Сену у Понъ-Сюръ-Сень, занялъ Ножанъ и расположился между Провеномъ и Нанжисомъ. Авангардъ его, подъ начальствомъ графа Палена, достигъ Мормана. Вреде съ своими баварцами также перешелъ на правый берегъ Сены у Провена и расположился неподалеко отъ него у Доннемари. Кронпринцъ виртембергскій двинулся отъ Сана къ Монтеро и занялъ этотъ городъ, расположенный на самой Сенѣ. Русско-прусскіе резервы достигли Мери. Маршалы Викторъ и Удино нигдѣ не рѣшились вступить въ бой съ союзниками. Уже 15 февраля они переправились черезъ рѣку Іеръ и заняли позицію всего лишь въ двухъ переходахъ отъ Парижа.

И такъ, въ тотъ самый моментъ, когда Наполеонъ готовъ былъ броситься на главныя силы союзниковъ, силы эти были совершенно разобщены и разбросаны на огромномъ пространствѣ, частью на лѣвомъ, а частью на правомъ берегу Сены. Недостатка въ предостереженіяхъ не было, но Шварценбергъ оставался попрежнему глухъ къ нимъ. Въ полночь, на 4-е февраля, (16 февраля) императоръ Александръ получилъ донесеніе отъ генерала Дибича, не оставлявшее никакого сомнѣнія на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній противника. Дибичъ доносилъ, что Наполеонъ прекратилъ преслѣдованіе силезской арміи, что онъ возвратился въ Монмираль и направляется оттуда на Ла-ферте-су-Жуаръ. Почти одновременно съ этимъ донесеніемъ прибылъ въ Понъ-Сюръ-Сень, гдѣ находились въ это время императоръ Александръ и король прусскій, графъ Гааке, адъютантъ Блюхера. Онъ не только подтвердилъ свѣдѣнія, доставленныя Дибичемъ, но и предостерегалъ отъ имени стараго фельдмаршала императора Александра о близкой опасности, грозящей со стороны Наполеона. Императоръ и король немедленно поспѣшили въ Ножанъ, на квартиру Шварценберга и заставъ его спящимъ приказали разбудить его. Князь, видимо смущенный, послалъ тотчасъ же за Лангенау, безъ котораго онъ не могъ ступить шагу. Едва только явился этотъ послѣдній, какъ начались совѣщанія. Императоръ Александръ вновь началъ требовать, чтобы вся армія сосредоточена была,

какъ можно скорѣе, у Провена. Шварценбергъ и Лангенау, связаннше своими тайными инструкціями, возражали. Послѣ долгаго спора австрійцы настояли на своемъ. Рѣшено было остановить войска на достигнутыхъ ими позиціяхъ и выжидать обнаруженія дальнѣйшихъ намѣреній непріятели ¹⁾. Рѣшеніе поистинѣ изумительное, вполнѣ австрійское! Намѣренія непріятели были совершенно ясны безъ всякихъ дальнѣйшихъ обнаруженій. Наполеонъ собирался атаковать разрозненныя части арміи, и чтобы помѣшать его замысламъ необходимо было сосредоточить какъ можно скорѣе всѣ союзныя силы у Провена, какъ предлагалъ это императоръ Александръ. Рѣшая оставить корпуса на занятыхъ ими позиціяхъ, австрійскіе стратеги сдѣлали именно то, что было необходимо Наполеону для его успѣха.

Ближе всѣхъ къ наступающему непріятелю расположенъ былъ авангардъ корпуса Витгенштейна, состоявшій изъ 4,000 пѣхоты и конницы подъ начальствомъ графа Палена. Паленъ находился въ Морманѣ въ 35 верстахъ отъ главныхъ силъ Витгенштейна, остановившихся недалеко отъ Понъ-Сюръ-Сена. Узнавъ о приближеніи значительныхъ непріятельскихъ силъ, Паленъ отправилъ гонца къ австрійскому генералу Гардегу, стоявшему неподалеко отъ него у Нанжиса и просилъ помощи; но Гардегъ, занятый лишь собственною безопасностью, отвѣчалъ ему отказомъ ²⁾.

Французы, дѣйствовавшіе подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, наступали по всей линіи, начиная отъ Фонтенебло до Мормана. Генераль Алликсъ вытѣснилъ австрійскій отрядъ Біанки изъ Фонтенебло, генераль Пажоль завязалъ бой съ войсками кронпринца у Монтеро тогда какъ самъ Наполеонъ, съ войсками Виктора, около 18,000 ч. ударилъ на Палена. Паленъ началъ отступленіе тотчасъ-же, какъ только непріятель двинулся на него. Онъ приказалъ своей пѣхотѣ, около 7 батальоновъ, построиться въ каррен, а кавалерію около 9 эскадроновъ расположилъ подъ ихъ защитою. Отсту-

¹⁾ Беригарди, Т. IV, 2-я полов. стр. 18, 19; Богдановичъ, Т. IV, стр. 388—389.

²⁾ Богдановичъ, Т. IV, стр. 399.

пая такимъ образомъ, Паленъ былъ настигнуть Наполеономъ у Грандъ-Пюи на половинѣ пути между Морманомъ и Нанжисомъ. Огромныя массы непріятельской конницы атаквали его отрядъ съ фронта и съ фланговъ, а 36 орудій поражали картечью его войска на близкомъ разстояніи. Малочисленная русская конница обратилась въ бѣгство послѣ перваго же натиска. Пѣхотные карреи, окруженные со всѣхъ сторонъ, оборонялись съ мужествомъ отчаянія, но понесли, какъ и слѣдовало ожидать, полное пораженіе. Нѣкоторые батальоны, въ особенности селенгинскій и ревельскій полки, были почти уничтожены, другіе успѣли спастись, хотя и въ большомъ безпорядкѣ. Потеря русскихъ доходила въ этотъ день до 2,000 ч; кромѣ того они оставили въ рукахъ непріятеля 10 орудій ¹⁾.

Войска Наполеона стремительно преслѣдовали разбитаго Палена. У Нанжиса имъ удалось настигнуть отрядъ Гардега и не смотря на поспѣшное отступленіе австрійцевъ причить имъ чувствительныя потери. Отъ Нанжиса Наполеонъ двинулъ свои войска въ трехъ расходящихся направленіяхъ. Викторъ со всѣмъ своимъ корпусомъ выступилъ къ Монтеро; Удино, слѣдуя за разбитымъ отрядомъ Палена, двинулся на Провенъ; тогда какъ Макдональдъ, шедшій по срединѣ между обоими маршалами, направился на Доннемери. Наполеонъ торопилъ своихъ маршаловъ и требовалъ почти невозможныхъ усилій отъ своихъ войскъ. Онъ предписалъ Виктору достигнуть во чтобы-то ни стало Монтеро къ вечеру 17 числа, но маршаль, встрѣтившійся на пути съ авангардомъ Вреде и обратившій его въ бѣгство, принужденъ былъ дать роздыхъ своимъ измученнымъ войскамъ у Салена, чѣмъ накликать на себя вновь гнѣвъ своего повелителя. Столь-же мало могъ угодить императору маршаль Удино. Неподалеко отъ Провена его передовыя войска наткнулись на главныя силы Витгенштейна, находившіяся подъ начальствомъ герцога Евгенія виртембергскаго. Евгеній ничего не зналъ о пораженіи Палена, его войска спокойно отдыхали на бивуакахъ по обѣимъ сто-

¹⁾ См. Богдановичъ, т. IV, стр. 400; Беригарди, т. IV, 2-я пол. стр. 24.

ронамъ шоссе, когда пришло совершенно внезапно извѣстіе о несчастномъ сраженіи при Морманѣ, а вслѣдъ затѣмъ показались на дорогѣ безпорядочныя толпы бѣглецовъ. Пѣхотинцы, кавалеристы, казаки, багажныя фуры, артиллерійскія орудія, двигались по шоссе, гонимыя паническимъ страхомъ, тѣсня и давя другъ друга. При этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ паника готова была охватить войска Евгенія, но появленіе самого герцога, его спокойныя распоряженія, его бодрый видъ, магически подѣйствовали на солдатъ. „Вмѣстѣ съ его появленіемъ порядокъ и самоувѣренность возвратились въ наши ряды“ ¹⁾, говоритъ очевидецъ. По мановенію герцога войска наши сформировались въ боевыя колонны по обѣимъ сторонамъ шоссе, артиллерія стала въ интервалахъ. Пропустивъ бѣглецовъ и обозъ, Евгеній началъ шагъ за шагомъ отступать съ своими войсками. Черезъ четверть часа показалась непріятельская конница. Герцогъ тотчасъ-же приказалъ остановиться своимъ войскамъ и построиться въ карреи, но непріятельскіе всадники не рѣшились атаковать ихъ и остановились на почтительномъ отъ нихъ разстояніи. Пославъ французамъ нѣсколько гранатъ изъ своихъ гаубицъ, Евгеній спокойно возобновилъ отступление, почти не тревожимый непріателемъ. Самъ Витгенштейнъ призналъ въ ирисутствіи всего штаба, что корпусъ его спасенъ былъ въ этотъ день отъ катастрофы, единственно благодаря присутствію духа и хладнокровному мужеству герцога.

День 17 фѣвраля окончился печально для союзниковъ. Они не только потеряли 3,000 ч. ²⁾, но и принуждены были отступить передъ французами по всей линіи. Неудачамъ этимъ не слѣдовало придавать, однакоже, большого значенія. Выгоды, достигнутыя Наполеономъ въ этотъ день, были въ сущности крайне маловажны; онѣ ограничивались побѣдою надъ передовыми отрядами и не могли оказать вліянія на даль-

¹⁾ См. Helldorf, aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg, т. IV, стр. 15—16.

²⁾ Такъ опредѣляетъ общую потерю союзниковъ въ этотъ день Бернгарди. Т. IV, стр. 25.

нѣйшій ходъ событій. Стоило лишь союзникамъ отодвинуться нѣсколько назадъ и сосредоточить свои разбросанные корпуса, чтобы пріобрѣсти громадное численное превосходство передъ неприятелемъ и остановить его смѣлое наступленіе. Этого ожидая, этого требовалъ императоръ Александръ, но совершенно иначе смотрѣли на положеніе дѣлъ князь Шварценбергъ и его штабные. Они порѣшили воспользоваться удобнымъ моментомъ, дабы отвести какъ можно далѣе назадъ союзную армію и предложить Наполеону перемиріе. Чтобы понять эти изумительныя рѣшенія австрійскихъ полководцевъ, намъ необходимо обратить вниманіе на тайную, закулисную работу ихъ дипломатическихъ собратій.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

Пока герцогъ Эрнстъ былъ живъ, его школы дѣйствительно процвѣтали. Онъ не жалѣлъ на нихъ ни средствъ, ни силъ. Самъ доставалъ лучшихъ учителей, наставлялъ ихъ, работалъ надъ ихъ самообразованіемъ, вникалъ во всѣ нужды народной школы, убѣждалъ, а нерѣдко и заставлялъ своею властію крестьянъ отдавать въ нее дѣтей, давалъ въ школахъ для молодыхъ и неопытныхъ учителей образцовые уроки и по цѣлымъ днямъ просиживалъ за партою рядомъ съ школьниками. Успѣхи школъ герцога Эрнста обратили на себя всеобщее вниманіе. Нашлись подражатели,—и въ Германіи мало по-малу стали опять появляться школы по образцу готскихъ. Тѣмъ не менѣе до особеннаго процвѣтанія дѣло школьнаго обученія въ этотъ періодъ времени не дошло. Напротивъ, самое увлеченіе этимъ дѣломъ, какъ возбужденное искусственно, скоро начало охладѣвать. Главною причиною этого, какъ и въ предшествовавшій періодъ, былъ тотъ-же недостатокъ хорошо подготовленныхъ учителей. Учители были также невѣжественны и грубы, какъ и до тридцатилѣтней войны; школьная дисциплина также отличалась жестокостью и безчеловѣчностію, какъ и прежде. Содержаніе учителей было весьма скудно. Они получали нѣсколько талеровъ изъ кирки да по

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 3.

три пфеннига въ недѣлю отъ ученика. Правда, имъ было предоставлено право поочередно обѣдать въ домахъ своихъ учениковъ и получать отъ прихожанъ натурою—десятый снопъ, шеффель зернового хлѣба, колбасу, два пасхальныхъ яйца и т. п.,—но это только унижало ихъ. Народъ, не чувствовавшій нужды въ образованіи и ненавидѣвшій своихъ шульмейстеровъ за ихъ жестокое обращеніе съ дѣтми и распущенность, неохотно платилъ имъ и эту подать натурою. Одинъ изъ сельскихъ шульмейстеровъ того времени слѣдующимъ образомъ описываетъ свое матеріальное положеніе: „Въ нашей школѣ ничего не перестраиваютъ, заставляя насъ жить все въ той-же старой, закоптѣлой, обветшало конурѣ, и вовсе не думаютъ исправить что-нибудь, пока дождь не закаплетъ на голову ученикамъ, или вѣтеръ не обратитъ все въ груды развалинъ, раздавивъ при этомъ коровъ и телятъ. Всякій мужикъ предписываетъ намъ, какъ слѣдуетъ преподавать; но лишь дѣло доходитъ до прибавки бѣдному учителю, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыкновенный окладъ до того скуденъ, что имъ едвали въ состояніи прокормиться простой гусятникъ, то никого изъ нихъ дома нѣтъ, и всѣ они твердятъ: проживутъ старыя собаки! Снопы приносятъ частію напередъ обмоченные, частію изъ погвившихъ и проросшихъ коенъ. Выдавая шеффель зерна, они сперва смачиваютъ послѣднее и отмѣриваютъ до того скупо, что его все-таки не хватаетъ, приговаривая притомъ, что мы де прибавимъ на будущій годъ. То же самое съ хлѣбомъ (печенымъ) и колбасами. Для шульмейстера нарочно пекутъ особый хлѣбъ, подобно тому, какъ цѣпной собакѣ отпускаютъ особое печенье, а всѣмъ извѣстно, что для себя у нихъ хлѣбъ и больше, и лучше. Мало того, нѣкоторые выдаютъ его шульмейстеру только уже тогда, когда онъ никуда не годится. Колбасу также годъ отъ году дѣлаютъ меньше и короче, и если шульмейстеру прійдется отъ этихъ людей получить длинную колбасу, то онъ можетъ быть увѣренъ, что это случилось какъ нибудь по ошибкѣ мясника, или что начинку для колбасы соскребли съ доски, на которой рѣзали мясо на мелкіе кусочки. Съ платою за ученіе они поступаютъ слишкомъ скардно: когда четверть года подхо-

дѣтъ къ концу, они не отпускають дѣтей въ школу, а потомъ вносятъ только половинную плату, такъ что поневолѣ приходится считаться съ ними, торговаться и спорить“...

Такое жалкое положеніе испытывала нѣмецкая народная школа не только въ теченіи всего семнадцатаго вѣка, но и въ первой половинѣ восемнадцатаго. Гуманныя воззрѣнія Амоса Коменскаго народной школы почти не коснулись. Правда, ее нѣсколько освѣжила школьная дѣятельность пѣтистовъ. Но что значила эта капля въ морѣ, сама скоро испарившаяся въ безграничныя облака густого тумана? Школы Германіи 17 и 18 вѣковъ Гейнике назвалъ „разбойничьими вертепами“,— и преувеличенія здѣсь будетъ немного. Наша бурса, какъ изображена она Помяловскимъ, должна была-бы отдать имъ пальму первенства. Только въ правленіе Фридриха Великаго (1740—1786) нѣсколько измѣнилось къ лучшему положеніе нѣмецкой народной школы. И страшное противорѣчіе! Самъ Фридрихъ, какъ извѣстно, не любилъ ни нѣмецкой науки, ни нѣмецкихъ ученыхъ. Его идеаломъ была Франція и Вольтеръ, пока, впрочемъ, онъ не узналъ его ближе. Что составляетъ гордость нѣмцевъ, тому онъ не придавалъ совершенно никакого значенія. „Пѣснь нибелунговъ“ ея издатель-швейцарецъ Мюллеръ—въ своемъ предисловіи назвалъ „пѣснью пѣсней“, „драгоценнымъ сокровищемъ временъ Гогенштауфеновъ“ и т. д. Но Фридрихъ Великій въ отвѣтъ на это писалъ ему: „вы имѣете слишкомъ выгодное мнѣніе объ этихъ вещахъ. По моему мнѣнію, онѣ не стоятъ одного пороховаго заряда, и я не держалъ-бы ихъ въ своей библіотекѣ, а вышвырнулъ-бы вонъ“. И этому-то человѣку судьба готовила имя преобразователя нѣмецкой школы, нѣмецкой науки. Впрочемъ, такимъ преобразователемъ Фридрихъ является уже во второй половинѣ своего правленія, послѣ семилѣтней войны, которая произвела въ немъ перемѣну взглядовъ на многое. Теперь онъ желалъ только мира и спокойствія. Ужасы войнъ привели его къ убѣжденію, что благополучіе страны не столько зависитъ отъ храбрости солдатъ и завоеваній, сколько отъ мирнаго развитія подданныхъ на началахъ религіи и христіанской нравственности, что бѣдствія, причиненныя войнами, могутъ быть

искуплены не столько контрибуціею, получаемою съ побѣжденныхъ, сколько христіанскою любовію къ страждущему. Вотъ почему Фридрихъ съ особеннымъ сочувствіемъ относился всегда къ учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ пастора Франка; вотъ почему и народную школу вообще онъ хотѣлъ-бы видѣть поставленною на твердыхъ нравственныхъ и религиозныхъ началахъ. „Весьма похвально,—писалъ онъ въ указѣ отъ 5 сентября 1779 года министру своему Зедлицу,—что учителя въ сельскихъ школахъ преподають религію и нравученіе, и они не должны пренебрегать этимъ для того, чтобъ люди оставались вѣрными своей религіи и не переходили въ католичество; евангелическая религія самая лучшая и гораздо лучше католической, потому учителя и должны стараться, чтобъ люди были привязаны къ своей религіи, и увѣщавать ихъ, чтобъ они не вкрали и не убивали. Воровство, впрочемъ, не прекратится; это лежитъ уже въ человѣческой природѣ: потому и естественно, что весь простой народъ склоненъ очень къ воровству, а также и всѣ другіе люди, состоящіе даже при кассахъ, да и всякій вообще, кому представляется случай. Въ Лауэвбургской и Бютовской областяхъ необходимо, чѣмъ гдѣ-либо, улучшить обученіе дѣтей, потому что тамъ оно крайне запущено. Въ Альтенбургской области очень хорошее воспитаніе и тамошніе жители весьма добропорядочные и разумные люди. Было-бы весьма полезно привлечь оттуда не слишкомъ дорогихъ учителей. Вы сообразите, какъ-бы это сдѣлать. А впрочемъ для сель и деревень достаточно, если тамъ научатся немного чтенію и письму; вѣдь если поселяне слишкомъ учены, то они уходятъ въ города и нарываютъ поступить въ писмоводители и т. п. Потому въ деревняхъ надлежитъ устроить обученіе такимъ образомъ, чтобъ они научились всему для нихъ необходимому, но чтобъ крестьяне не покидали деревень, а оставались-бы въ нихъ навсегда. По такому моему воззрѣнію и предписанію вы имѣете все устроить и упорядочить въ школахъ наилучшимъ образомъ, дабы достигнуты были мои государственныя попеченія“.

Школьный уставъ Фридрихъ Великій поручилъ составить одному изъ преданнѣйшихъ и даровитѣйшихъ учениковъ па-

стора Франка — Юлію Геккеру. Ко 2-му октября 1763 года Геккеръ выполнилъ свою работу,—и это былъ первый уставъ для сельскихъ школъ во всей Пруссіи. Школьное обученіе стало общеобязательнымъ. Всѣ дѣти отъ 5 до 13-лѣтняго возраста должны были посѣщать школу. Занятія были ведены ежедневно до обѣда отъ 8 до 11 часовъ и послѣ обѣда отъ часу до 4 часовъ. Предметы обученія остались тѣже, что и въ готскихъ школахъ. Особенное вниманіе было обращено на составъ школьныхъ учителей, ихъ умственные, педагогическія и въ особенности нравственные достоинства. Во введеніи къ школьному уставу Фридрихъ дѣлаетъ слѣдующее разумное педагогическое замѣчаніе: „Такъ какъ при хорошемъ устройствѣ школъ все дѣло зависитъ главнымъ образомъ отъ добросовѣстнаго учителя, то объявляемъ при этомъ нашу всемилостивѣйшую и неизмѣнную волю, чтобы всѣ и всякій, имѣющіе назначать учителей, обращали тщательное вниманіе на то, дабы впредь въ сельскіе учителя назначались дѣйствительно способные къ тому люди. Учитель долженъ обладать не только достаточнымъ искусствомъ для обученія дѣтей необходимымъ предметамъ, но долженъ стараться также и во всемъ своемъ поведеніи быть образцомъ нравствѣ и своими поступками не разрушать того, что онъ созидаетъ своимъ ученіемъ. Поэтому учителя болѣе, чѣмъ кто-либо, должны сохранять истинное благочестіе и избѣгать всего, чѣмъ могли-бы соблазнять родителей и дѣтей“. Прежніе школьные учителя, набранные главнымъ образомъ изъ отставныхъ солдатъ, конечно, далеко не удовлетворяли такому требованію,—и Фридрихъ прямо запретилъ на будущее время опредѣлять отставныхъ солдатъ какъ въ кистеры, такъ и въ учителя сельскихъ школъ, потому что, какъ говорилъ онъ, „мѣста учителей и кистеровъ нельзя причислять къ маловажнымъ должностямъ, замѣщаемымъ инвалидами“. Онъ велѣлъ отдавать мѣста школьныхъ учителей только лицамъ, получившимъ образованіе въ педагогическихъ семинаріяхъ и имѣющимъ удостовѣреніе начальства о безупречномъ поведеніи.

Фридриха, равно какъ и его знаменитаго министра—Зедлица сбили—было съ тозку педагоги—теоретики и притомъ худ-

шіе изъ нихъ—такъ называемые *филантрописты*. Фридрихъ, какъ мы сказали выше, находился подъ сильнымъ вліяніемъ Вольтера. Ж. Ж. Руссо, какъ извѣстно, въ области педагогики является представителемъ философскихъ идей французскихъ энциклопедистовъ и прежде всего—Вольтера. Базедовъ въ своей практической педагогической дѣятельности хотѣлъ быть для Германіи тѣмъ, чѣмъ былъ Руссо для Франціи въ теоретическомъ отношеніи. Отсюда понятно, какимъ образомъ Фридрихъ Великій, высоко цѣнившій французскую литературу и увлекавшійся догматами энциклопедизма (пока не понялъ ихъ), въ своей преобразовательной школьной дѣятельности могъ подчиниться вліянію учениковъ Базедова—Рохова и Гейнике. Подчиненіе это было почти рабское. Зедлицу королемъ было поручено организовать сельскія школы прямо „по плану Рохова“.

Но что же дурного могло принести народной школѣ вліяніе Рохова и Гейнике? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо принять во вниманіе основное педагогическое воззрѣніе *филантропистовъ*. Нельзя отрицать того, что филантрописты много сдѣлали полезнаго для реформы *методовъ* обученія; но вмѣстѣ съ тѣмъ они внесли въ школу матеріалистическій духъ принципа *чистой пользы*. Мало того, они довели до минимума значеніе для школы религіознаго обученія. До 15-лѣтняго возраста мальчикъ, по ученію Руссо, не долженъ былъ ничего знать ни о Богѣ, ни о душѣ; катихизису не слѣдуетъ обучать дѣтей вовсе. „Еслибъ мнѣ пришлось, говорить Руссо, символически изобразить глупость, то я указалъ бы на педанта обучающаго дѣтей по катихизису“. Дитя, по мнѣнію Руссо и его послѣдователей, ничего не потеряло бы, но даже выиграло бы еще, еслибы никогда не имѣло никакихъ религіозныхъ представленій во всю свою жизнь. Базедовъ не такъ откровененъ, какъ Руссо, хотя и держится того же самого взгляда. Онъ даетъ цѣлыхъ пять совѣтовъ, какъ вести дѣло религіознаго обученія и воспитанія; но совѣты эти такого рода, что изъ нихъ съ необходимостію самъ собою вытекаетъ выводъ, что религіознаго обученія совсѣмъ никакъ не слѣдуетъ вести. Роховъ и Гейнике, повидимому, придаютъ большее значеніе религіозному воспи-

танію и обученію и даже много говорятъ на эту тему. Но они имѣютъ въ виду только одно чувство. Вотъ почему изученіе катихизиса они считаютъ дѣломъ неразумнымъ, даже вреднымъ—въ особенности для дѣтей младшаго возраста. Наконецъ—и это главное—Рохову и Гейнике больше, чѣмъ кому либо другому, принадлежитъ инициатива въ дѣлѣ отдѣленія народной школы отъ Церкви. Съ самою ожесточенною яростію ратовали они противъ пасторовъ, только мѣшавшихъ будто-бы подъему народной школы и учителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народнаго образованія. Фридрихъ послушался этихъ совѣтовъ и рѣшилъ было отдѣлить школу отъ Церкви, пасторамъ было запрещено вмѣшиваться въ школьныя дѣла; должность учителя была отдѣлена отъ должности кистера, хотя и съ удобствомъ могла бы быть соединяема всегда, такъ какъ и въ кистеры король запретилъ опредѣлять невѣжественныхъ инвалидовъ и такъ какъ, за исключеніемъ воскресныхъ дней, кистеры всегда могли свободно располагать собою и своимъ временемъ. Преподаваніе катихизиса потеряло свое преобладающее значеніе. Къ счастью для населенія, этимъ затѣямъ Фридриха не суждено было осуществиться на дѣлѣ. 1) Педагогическія семинаріи еще не могли доставить такого числа учителей, которое-бы удовлетворило всѣмъ школамъ, такъ что кистеры сразу не могли быть изгнаны изъ школъ; 2) Народъ явно высказывалъ свое недовольство этою мѣрою, потому что на него ложилась вся тяжесть по содержанію учителей — не кистеровъ, т. е. не получавшихъ дохода отъ кирки ¹⁾. Наконецъ 3) открыто за-протестовало и духовенство. Главная Бреславльскія консисторія предложила королю свой проектъ устава, а Минденская прямо заявила ему, что она можетъ оставить школы лишь въ *прежнемъ* ихъ видѣ. Волей-неволей король долженъ былъ уступить. Не только пасторовъ, но и инвалидовъ онъ снова допустилъ къ школамъ, а подъ конецъ своего правленія даже предписалъ, что „когда между инвалидами окажутся умѣющіе

¹⁾ Кромѣ возвышенной платы за право обученія, приходъ или община, по приказанію Фридриха, должны были ежегодно предоставлять учителю даровое пастбище для нѣсколькихъ головъ скота, участокъ поля, 12 шэффелей ржи, 10 таллеровъ, необходимое топливо и зимній кормъ для скота.

читать, считать и писать и вообще способные къ должности сельскихъ учителей, то они должны быть назначаемы *по преимуществу*, особенно въ мѣстахъ, гдѣ жалованье учителямъ выдается отъ короля“. Въ это время Фридрихъ уже разочаровался въ французскихъ идеяхъ. Правда, до французской революціи онъ немного не дожилъ; но ея міазмы носились въ воздухѣ въ концѣ его правленія.

Такимъ образомъ, Фридрихъ Великій, болѣе двадцати лѣтъ (1763—1786) посвящавшій вниманіе народной школѣ въ теченіи своего почти полувѣковаго правленія Пруссіей, едва-ли оставилъ ее въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находились готскія школы. Его программа, урѣзавшая уроки по катихизису, также скоро была почти совсѣмъ оставлена. Французская революція, ужасы террора, смерть короля на эшафотѣ раскрыли глаза многимъ и люди благоразумные увидѣли, къ чему могла привести педагогическая теорія Руссо, не придававшая значенія религіозному воспитанію и обученію. Дантонъ и Марать вышли изъ школы грубаго матеріализма и были пропитаны идеями Руссо. Но какіе ужасы совершали эти нравственные чудовища во имя цивилизаціи и гуманности! Для всѣхъ стало яснымъ, что позади народной школы, лишенной христіанскаго характера, стоитъ кровавое зарево революціи, а позади революціи — ужасный человекъ грѣха и звѣрскихъ инстинктовъ. Вотъ почему въ концѣ 18-го столѣтія въ школьномъ дѣлѣ Пруссіи и наступило, какъ говорятъ одни, *попятное* движеніе, или, какъ думаютъ другіе, — болѣе благоразумное отношеніе къ молодому поколѣнію. На религіозное обученіе снова было обращено особенное вниманіе, такъ какъ, по справедливости, ему стали снова приписывать самое важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Въ 1794 году было обнародовано прусскимъ правительствомъ „Руководство для учителей въ сельскихъ и низшихъ городскихъ училищахъ къ цѣлесообразному обученію поручаемой имъ молодежи“, въ которомъ предписывалось отъ азбуки прямо переходить къ библіи, катихизису и молитвеннику; катихизистъ дѣти обязаны были затверживать наизусть, съ библіей они должны были ознакомиться настолько, чтобы могли приводить на память

главныя мѣста для поясненія и доказательства основныхъ истинъ христіанства, наконецъ они должны были приобрѣсти въ школѣ и достаточный запасъ выученныхъ на память бого-служебныхъ пѣснопѣній. Кромѣ закона Божія отъ школьниковъ требовалось уже немногое— „умѣнье читать правильно и внятно, писать довольно четко и орфографически и *нѣкоторое* искусство вести самые простые и необходимые для домашняго обихода счеты“. Власть пастора надъ школою была усилена. Ему вручена была правительствомъ даже и школьная инспекція.

Въ такомъ положеніи нѣмецкая народная школа находилась до нашихъ дней, до временъ Бисмарка. Правда, въ этотъ продолжительный періодъ времени во многихъ мѣстностяхъ протестантской Германіи возникали иногда народныя школы и учебныя заведенія и другого типа, который многіе изъ нѣмецкихъ педагоговъ называютъ „предвѣстникомъ разсвѣта новой эпохи“,—какова, на примѣръ, школа пастора *Гербинга* въ *Нахтерштедтѣ*, школа, устроенная однимъ помѣщикомъ въ *Тейхзеймѣ* и т. д.; но все это были лишь единичныя явленія, которыя исчезали вмѣстѣ съ своими покровителями и основателями. Поэтому нѣтъ совершенно никакой надобности останавливать на нихъ особенное вниманіе.

Рука желѣзнаго канцлера ввела нѣмецкую народную школу въ новый періодъ ея развитія. Преобразования коснулись всѣхъ сторонъ школьнаго дѣла: 1) помѣщенія и обстановки народной школы; 2) типа; 3) предметовъ обученія; 4) метода обученія; 5) оклада учителей и 6) школьной инспекціи.

Школьными постановленіями, обнародованными въ Пруссіи 15 октября 1872 года, требуется уже, чтобы зданіе для школы было устроено по особому, правительствомъ утвержденному плану; величина его опредѣляется количествомъ учениковъ; въ классѣ на каждаго ученика должно приходиться не менѣе 0,6 кв. метра пространства и соотвѣтствующее количество воздуха; окна школы должны находиться на востокъ или на югъ, и должны доставлять надлежащее количество свѣта; для классныхъ столовъ, скамей, досокъ и т. п. изданы и правительствомъ утверждены особыя однообразныя и будто-бы вполне цѣлесообразныя чертежи.

Нѣмецкія народныя школы, по указаннымъ постановленіямъ, раздѣлены на два вида, или типа: одноклассныя и многоклассныя, при чемъ каждый изъ этихъ видовъ подраздѣляется еще на три ступени—низшую, среднюю и высшую. Въ одноклассномъ училищѣ можетъ быть одинъ учитель, если число учениковъ не превышаетъ 80; при большемъ числѣ учениковъ долженъ быть назначаемъ другой учитель, или же устраивается полудневная школа. Въ многоклассномъ училищѣ не можетъ быть менѣе двухъ учителей; но если въ него принято болѣе 120 учениковъ, то долженъ быть открытъ третій классъ и приглашенъ третій учитель.

Какъ въ одноклассныхъ, такъ и въ многоклассныхъ народныхъ училищахъ Пруссіи предметы преподаванія одни и тѣ же; но количество недѣльныхъ уроковъ неодинаково. Такъ, въ одноклассныхъ училищахъ, состоящихъ изъ трехъ классовыхъ отдѣленій или ступеней, на *Законъ Божій* полагается 14 уроковъ въ недѣлю (4 для высшей ступени или для низшаго отдѣленія и по 5 для средней и высшей), на *нѣмецкій языкъ*—29 уроковъ (11 для высшей ступени, 10 для средней и 8 для высшей), на *арифметику* и *геометрію*—13 уроковъ (4 для низшей ступени, 4 для средней и 5 для высшей ступени), на *рисованіе*—3 урока (1 для средней ступени и 2 для высшей), на *реальныя знанія*—12 уроковъ (6 для средней ступени и 6 для высшей), на *пѣніе*—5 уроковъ (1 для низшей ступени, 2 для средней и 2 для высшей) и на *гимнастику*—4 урока (2 для средней ступени и 2 для высшей); а всего, слѣдовательно, въ одноклассномъ народномъ училищѣ полагается въ недѣлю—80 уроковъ (20 для низшей ступени, 30 для средней и 30 для высшей). Въ многоклассномъ училищѣ число уроковъ въ недѣлю нѣсколько иное: на *Законъ Божій* оно уменьшено на два урока (12 вмѣсто 14), точно также какъ и на нѣмецкій языкъ; за то увеличено: на одинъ по математикѣ и рисованію и на два—по гимнастикѣ.

Такъ какъ Бисмаркъ принадлежитъ къ почитателямъ педагогической теоріи Песталоцци (сынъ Бисмарка получилъ даже свое образованіе въ берлинскомъ институтѣ Песталоцци), а Шнейдеръ, главный помощникъ Бисмарка въ разработкѣ школь-

ныхъ постановленій, былъ ученикомъ Дистервега и въполнѣ подчинилъ своему вліянію министерство Фалька, то вопросъ о школьномъ методѣ обученія не вызвалъ никакаго разногласія въ правительственныхъ сферахъ Пруссіи. Единогласно рѣшено было поставить народную школу на тѣхъ педагогическихъ началахъ, которыя были выработаны Песталоцци, Дистервегомъ и другими новѣйшими нѣмецкими педагогами. Въ чемъ состоятъ эти начала, извѣстно каждому знакомому съ теоріею современной педагогики и нѣтъ нужды здѣсь излагать ихъ подробно. Бисмаркъ, впрочемъ, настолько практически-разсудительный человѣкъ, что не всѣмъ бреднямъ новѣйшихъ педагоговъ посвятилъ одинаковое вниманіе. Такъ, онъ отвергъ мысль Базедова о заведеніи общественной пекарни, въ которой бы изъ печенья приготовляли буквы нѣмецкаго алфавита не для заучиванія только, но и для стола школьничковъ и т. п. Но онъ ввелъ въ народную школу способы обученія выработанные Песталоцци и далъ полныя права гражданства такъ называемому *звуковому составу* и *наглядному преподаванію*. Такъ какъ въ этомъ отношеніи наша русская народная школа слѣпо слѣдовала по стопамъ школы нѣмецкой, то вопросъ объ этихъ двухъ способахъ школьнаго обученія не можетъ не представлять и для насъ самаго живого и непосредственнаго интереса. Впрочемъ, на „звуковомъ способѣ обученія грамотѣ“ мы останавливаться долго не будемъ. Его достоинство обыкновенно находятъ въ томъ, что дѣти выучиваются читать скорѣе, чѣмъ по буквосочетательному способу. Но Л. Н. Толстой практикою своею „Яснополянской“ школы поколебалъ вѣру и въ это достоинство звуковаго способа; по крайпей мѣрѣ онъ представилъ ясныя доказательства того, что по буквосочетательному способу дѣти также скоро могутъ выучиваться читать, какъ и по способу звуковому,—при чемъ въ ихъ чтеніи не бываетъ той пѣвучей протяжности произношенія, которая неизбѣжна при звуковомъ способѣ обученія и которая въ чтеніи дѣтей составляетъ, конечно, не маловажный недостатокъ. Болѣе вниманія слѣдуетъ посвятить вопросу о *наглядности* преподаванія. Лучшій изъ послѣдователей и продолжателей дѣла Песталоцци, Дистервегъ, сущность наглядна-

го обученія опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „чувствамъ дѣтей представляются дѣйствительные, реальные предметы; ихъ наблюдаютъ и рассматриваютъ, и что подвергнуто было наблюденію и рассмотрѣнію, о томъ и разсуждаютъ... Сперва предметъ, потомъ означающее его слово“. Что сказать объ этомъ способѣ?—Намъ кажется, что предоставленіемъ ему безусловной „*монополии*“ въ народной школѣ Бисмаркъ доказалъ лишь ту истину, что самый ловкій дипломатъ не всегда можетъ быть не только хорошимъ педагогомъ, но и школьнымъ организаторомъ. Мало того, въ этомъ отношеніи Бисмаркъ поступилъ даже и безъ достаточной осмотрительности. Способъ нагляднаго обученія, установленный Песталоцци и развитый Дистервегомъ, въ Германіи, собственно говоря, не пользуется даже такою популярностію, какъ напримѣръ, у насъ. Довѣріе къ нему тамъ было поколеблено уже давно и Бисмаркъ сдѣлалъ большую ошибку, что не выслушалъ съ надлежащимъ вниманіемъ голосовъ противнаго лагеря. Противниками *нагляднаго* обученія являются даже извѣстныя знаменитости педагогическаго міра—*Нимейеръ, Стефани* и др. Они указывали на пустоту, безсодержательность и поверхностность умственнаго развитія, а въ религіозной области—дерзкую профанацію, къ которой ведетъ способъ *нагляднаго* обученія, особенно когда онъ развитъ послѣдовательно до своихъ крайнихъ предѣловъ или находится въ рукахъ учителя, не сдерживаемаго благоразуміемъ и разсудительностію. На этомъ основаніи директоръ педагогической семинаріи *Гольтичъ* прямо требуетъ запрещенія этого способа. „Почти повсюду употребляемые нынѣ въ школахъ, *наглядныя* умственные и словесныя упражненія, лишеныя опредѣленнаго содержанія“, говоритъ онъ, „*слѣдуетъ воспретить*, такъ какъ примѣненіемъ ихъ лучше и очевидноѣ всего доказано, что подобнаго рода безсодержательными, случайными умственными и словесными упражненіями вовсе не достигается самостоятельное, способное къ дальвѣйшему развитію мышленіе и языкознаніе“... Думаемъ, что и прусскому правительству было извѣстно, какъ, при *наглядномъ* обученіи, нѣмецкіе учителя по-пусту теряютъ дорогое время, когда, подобно педагогу Цельтеру, заставляютъ своихъ уче-

никовъ, изучающихъ простую гамму, взадъ и впередъ ходить по лѣстницѣ съ восемью ступенями. А есть-ли какая-нибудь доля благоразумія и здраваго смысла въ томъ прусскомъ учителѣ, который, желая *наглядно* передать рассказъ Евангелія о страданіяхъ Христа и Его бичеваніи, бичевалъ одного изъ своихъ учениковъ, надѣвъ на него предварительно хламиду, терновый вѣнецъ и связавъ ему веревкою руки?!.. Чтò въ сравненіи съ этимъ глупцомъ наши земскіе учителя, которые, ради *наглядности* преподаванія, носятъ въ свои школы только кошекъ да собакъ, и посвящаютъ нѣсколько часовъ для доказательства дѣтямъ того, что у собакъ дѣйствительно есть хвостъ и четыре ноги.

Если-бы ошибка Бисмарка имѣла дурныя послѣдствія только для нѣмецкихъ школъ, — мы-бы на ней долго и не останавливались. Къ сожалѣнію,—обаяніе Бисмарка такъ велико, что и наши школьные дѣятели слѣпо послѣдовали за нимъ въ постановкѣ народной школы. Если самъ Бисмаркъ предоставилъ „монополію“ *наглядному* обученію,—то кто-же осмѣлится быть *противъ него*? Если Бисмаркъ далъ воспитаніе сыну своему въ учебномъ заведеніи Песталоцци, по его системѣ и методамъ, то кто-же не захотѣлъ-бы ему послѣдовать при воспитаніи своихъ дѣтей, особенно въ тотъ періодъ времени, въ который Пруссія во всѣхъ отношеніяхъ имѣла для русскихъ „дѣятелей“ силу неопровержимаго авторитета? Впрочемъ, методъ *нагляднаго* обученія еще только поль-бѣды. Гораздо болѣе вредное значеніе имѣлъ тотъ духъ, то направленіе, которое сообщено нѣмецкой школѣ послѣдними прусскими реформами въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Имѣемъ въ виду стремленіе прусскаго правительства изолировать школу отъ вліянія Церкви, — стремленіе, которое нашло для себя подражателей и среди русскаго общества. Вопросъ объ отдѣленіи школы отъ Церкви въ самой рѣшительной формѣ, какъ мы видѣли, былъ поставленъ нѣмецкими педагогами еще въ прошломъ вѣкѣ, подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ и атеистовъ. Въ 19-мъ вѣкѣ нѣмецкіе педагоги уже систематически и съ науряжевною энергіею стремятся къ тому, чтобы „освободить школу отъ Церкви“. Песталоцци, который, какъ

кажется, самъ былъ человѣкомъ съ теплымъ религіознымъ чувствомъ и глубокими религіозными убѣжденіями, который приписывалъ религіозному воспитанію весьма важное значеніе,—въ тоже время исключилъ въ своемъ институтѣ преподаваніе Закона Божія изъ числа учебныхъ предметовъ. И странно,—курсъ „естественной религіи“ его ученики должны были изучать *обязательно*, а христіанское вѣроученіе онъ излагалъ только для готовившихся къ конфирмаціи и притомъ каждый разъ не иначе, какъ по „настойчивой просьбѣ родителей“¹⁾. Не допускать пасторовъ до школы, вырвать изъ ихъ рукъ дѣло народнаго образованія—это было всегдашнею мечтою Песталоцци. Но стремленіе это энергически поддерживали всегда, начиная съ половины прошлаго столѣтія, и всѣ другіе нѣмецкіе педагоги. Такъ извѣстный теоретикъ-педагогъ *Гедике* писалъ: „Обыкновенное подчиненіе школъ надзору духовенства, если не ошибаюсь, вытекаетъ еще изъ той эпохи монашества и суевѣрія, когда преграждали (?) путь каждому могущему пробиться изъ школы свѣтлому лучу чистѣйшаго познанія. Причина эта исчезла; отчего-же продолжаютъ ея послѣдствія? Вѣдь сочли-бы несообразнымъ, еслибъ статскаго совѣтника назначили начальникомъ надъ отрядомъ солдатъ. А отношеніе почти тоже самое (?). Для того, чтобъ обсуждать и руководить школьнымъ учителемъ и, если нужно, наставлять его, нѣтъ, правда, никакой необходимости самому быть учителемъ, но во всякомъ случаѣ надо самому обладать свѣдѣніями школьнаго учителя. Правда, нѣкоторые (?) изъ пасторовъ обладаютъ ими, и иной изъ нихъ, пожалуй, самъ могъ бы быть отличнымъ учителемъ. Но можно-ли, по совѣсти, отъ каждаго пастора, безъ исключенія, ожидать и требовать такого рода познаній? Онъ и безъ нихъ можетъ быть очень полезнымъ человѣкомъ въ своемъ званіи; но безъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній объ учебномъ дѣлѣ онъ отнюдь не годится въ смотрители школъ. Вотъ почему было-бы безъ сомнѣнія лучше, и это вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе поощряло бы (?) школьнаго учителя, еслибъ послѣдній былъ подчиненъ

¹⁾ D-r. E. Weber, Die deutsche Schule, стр. 23.

такому-же учителю, т. е., еслибы инспекцію надъ школами, подобно церковной, распредѣлили на приходы и способнѣйшимъ учителямъ въ большихъ городахъ и школахъ поручили надзоръ за всѣми къ извѣстному округу принадлежащими меньшими школами“. Стремленіе—отдѣлить школу отъ Церкви, — какъ мы сказали, вполнѣ раздѣляли и другія знаменитости педагогическаго міра Германіи, каковы, изъ новѣйшихъ— Стефани, Цусткухенъ, Гофманъ и др. Дистервегъ также писалъ по этому поводу: „священникъ обыкновенно не обладаетъ потребными знаніями для успѣшнаго внутренняго завѣдыванія школою и свѣдѣніями элементарной методики. А потому спеціальное управленіе учебными дѣлами слѣдуетъ поручить знатокамъ“¹⁾.

Рядомъ съ стремленіемъ—отдѣлить школу отъ Церкви и въ тѣсной, непосредственной связи съ нимъ находилось другое стремленіе нѣмецкихъ педагоговъ—лишить школу *конфессиональнаго характера*, поставить преподаваніе Закона Божія на такихъ *общихъ* началахъ, чтобы его могли изучать безразлично дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ конфессій²⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если такого рода воззрѣнія были высказываемы людьми свѣтскими, педагогами-теорети-

¹⁾ Г. Н. Горбовъ хотѣлъ-бы взять изъ рукъ священниковъ и передать въ руки знатоковъ даже и нашу церковно-приходскую школу, о чемъ онъ ратуетъ въ своей брошюрѣ „Задачи русской народной школы“. М. 1887. Разборъ этой брошюры представленъ въ нашемъ журналѣ К. Е. Истоминымъ. Срв. „Вѣра и Разумъ“ 1887, № 12, стр. 899—936.

²⁾ Въ пользу такого рода преподаванія Закона Божія Дистервегъ, напр., приводитъ слѣдующія основанія: 1) *общепедагогическія*: а) общая основа должна предшествовать частному развитію какой-бы то ни было наклонности, системы и пр., б) дѣтей одной и той-же гражданской или политической общины слѣдуетъ воспитывать совмѣстно для дѣятельной общечеловѣческой братской любви; 2) *педагогико-дидактическія*: а) въ народной школѣ ничему не слѣдуетъ учить, что рознитъ людей другъ отъ друга, что можетъ вмѣсто взаимнаго довѣрія вселить въ нихъ только недоувѣріе и ненависть другъ къ другу; б) одно только признаваемое за истину всѣмъ образованнымъ челоувѣчествомъ въ извѣстную эпоху должно служить предметомъ преподаванія въ народной школѣ 3) *національныя*: а) въ нѣмецкой народной школѣ ничему не слѣдуетъ обучать, что можетъ ослабить безавѣтную преданность нѣмецкому отечеству и взаимную любовь нѣмцевъ; б) безъ общаго обученія, общаго воспитанія всѣхъ нѣмецкихъ дѣтей единство, согласіе и силы отечества будутъ лишь одною мечтою.

ками, вынесшими ихъ вмѣстѣ съ своимъ воспитаніемъ изъ школы французскихъ энциклопедистовъ. Но мы положительно недоумѣваемъ, какъ эти взгляды могли быть раздѣляемы не только отдѣльными пасторами, но и протестантскими консисторіями. А между тѣмъ это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Въ своемъ докладѣ (еще отъ 18 іюля 1799 г.) *Главная Берлинская Консисторія* высказывала свое (для протестанства, также утверждающаго, что истина раздѣляться не можетъ, весьма характеристическое) желаніе— „устранить предубѣжденіе, будто школы составляютъ и должны составлять дѣло отдѣльныхъ религіозныхъ партій“, такъ какъ „школы безусловно должны быть признаваемы институтами государства, но не заведеніями отдѣльныхъ вѣроисповѣданій“; вслѣдствіе этого берлинскою консисторіею было дано полное согласіе на то, „чтобы въ школахъ преподаваніе Закона Божія ограничилось всеобщими истинами религіи и свойственнымъ всѣмъ церковнымъ партіямъ правоученіемъ, а то или другое частное вѣроученіе было бы представлено лишь пасторамъ при подготовкѣ конфирмантовъ“. Само собою понятно, что господство въ новѣйшее время разнаго рода философскихъ ученій, враждебныхъ истинѣ Богооткровенной религіи, каковы, напр., антропологизмъ Фейербаха, матеріализмъ Бюхнера, Молешота или Фохта, дарвинизмъ и т. п., еще болѣе усиливало проявленіе религіознаго индифферентизма въ области школьнаго дѣла.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, но явно и безъ всякихъ обиняковъ высказанное многими педагогами - теоретиками стремленіе—отдѣлить школу отъ Церкви и настроеніе въ этомъ духѣ нѣмецкихъ либераловъ, радикаловъ, социалъ-демократовъ и т. п., какъ нельзя лучше, пришлось на руку прусскому правительству. Въ это время, не пожелавъ „идти въ Каноссу“, Бисмаркъ рѣшился вступить въ открытую и ожесточенную борьбу съ католическою церковію. Началась такъ называемая Kulturkampf—культурная борьба. Фалкъ, признанный Бисмаркомъ наиболѣе способнымъ къ веденію этой борьбы, былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Католическій отдѣлъ этого министерства

былъ уничтоженъ; изъ Пруссіи были изгнаны всѣ іезуиты. Правительство стало открывать школы, не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій. Духовенству (какъ католическому, такъ и протестантскому) предложено не принимать болѣе никакого участія въ дѣлѣ пароднаго просвѣщенія. Изученіе въ школахъ Закона Божія было объявлено обязательнымъ для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ не пожелаютъ, чтобы ихъ дѣти обучались этому предмету...

Если-бы это распоряженіе прусскаго правительства было выполняемо съ точностію, то едва-ли бы, какъ сказали мы, „нѣмецкій школьный учитель“ еще когда-либо одержалъ побѣду надъ французами. Нѣмцы обладаютъ весьма завиднымъ свойствомъ: они охотно разсуждаютъ о всевозможныхъ теоріяхъ, спорятъ, увлекаются самыми, повидимому, сумасбродными идеями, пропагандируютъ всевозможныя философскія міровоззрѣнія, пишутъ въ защиту ихъ весьма объемистыя диссертациі, предлагаютъ иногда самыя фантастическія проекты реформъ и преобразованій, которые приводятъ въ восторгъ особенно насъ, русскихъ; но все это увлеченіе въ большинствѣ случаевъ не распространяется далѣе границъ теоретическихъ разсужденій, журнальныхъ статей и залы засѣданій того или другаго общества. Русскіе школьные дѣятели послѣднихъ двадцати лѣтъ какъ только знакомились съ какою-либо теоріею той или другой педагогической знаменитости германскаго міра, тотчасъ старались примѣнить ее къ практикѣ, боялись, такъ сказать, отстать отъ европейской науки и потому ставили народную школу въ зависимость отъ послѣдней книжки нѣмецкаго педагогическаго журнала. Трудно сказать что-либо подобное о самихъ нѣмцахъ. Съ ними и Бисмаркъ ничего не подѣлаетъ, если только онъ дѣйствуетъ не достаточно обдуманно или подъ вліяніемъ новѣйшихъ, не вполне еще оправданныхъ на дѣлѣ, философскихъ воззрѣній. Нѣмцы вообще крайне осмотрительны при примѣненіи той или другой теоріи къ практикѣ. Это именно и случилось при рѣшеніи вопроса объ отдѣленіи школы отъ Церкви. Мы видѣли, въ какомъ духѣ намѣтили рѣшеніе этого вопроса нѣмецкіе педагоги-теоре-

тики; мы видѣли, что сдѣлало прусское правительство. Теперь посмотримъ какъ отнеслись къ этому вопросу лица, близко стоящія къ народной массѣ и народной школѣ—пасторы и школьные наставники—и какіе были достигнуты ими результаты.

Нѣмецкіе пасторы новѣйшаго времени оказались въ этомъ отношеніи далеко не солидарными съ берлинскою консисторіею. Противъ отдѣленія школы отъ Церкви они подали правительству коллективный протестъ, въ которомъ были приведены слѣдующія положенія: 1) Церковь имѣетъ на школу историческое право, такъ какъ послѣдняя церковнаго происхожденія,—она взлелѣяна Церковію и духовенствомъ; безъ Церкви не существовало-бы и школы. 2) Идея Церкви всеобъемлюща и заключаетъ въ себѣ идею образованія вообще, а слѣдовательно—и идею школьнаго образованія; на этомъ основана естественная внутренняя и внѣшняя зависимость школы отъ Церкви; школа имѣетъ отнюдь не самостоятельную послѣднюю цѣль, а только подчиненную, именно—подготовить молодое поколѣніе для Церкви 3) Отдѣленіемъ школы отъ Церкви наносится положительный вредъ нравственно-религіозному воспитанію юношества, ибо въ такомъ случаѣ въ школахъ получаютъ рѣшительное преобладаніе только однѣ свѣтскія науки, а религіозно-нравственные интересы, конечно, будутъ отодвинуты уже на второй планъ. 4) А это грозило-бы опасностію самому государству и его внутреннему могуществу, ибо послѣднее не можетъ существовать, когда подданные его не будутъ обладать правильнымъ религіозно-нравственнымъ образованіемъ, безъ котораго немислимы ни искреннее, добровольное повиновеніе закону, ни гражданскій порядокъ. 5) Самая подготовка народныхъ учителей еще далеко не достигла той степени, чтобы школа могла обойтись безъ руководства ея матери, Церкви. Далѣе въ протестѣ было указано на превосходство инспекціи пастора, близко стоящаго къ учителю и своей приходской школѣ, предъ инспекторомъ-чиновникомъ, который, завѣдуя цѣлымъ райономъ школъ, стоитъ слишкомъ далеко отъ нихъ, можетъ быть мало знакомъ съ мѣстными услови-

ями жизни и не можетъ обладать достаточно—свободнымъ временемъ для надлежащаго надзора за школами и непосредственнаго руководства ходомъ школьнаго дѣла, что признало и само правительство, вмѣнившее въ обязанность инспекторамъ „посѣщать каждую школу хотя *однажды въ два года*“ (!!)¹⁾.

Этотъ протестъ пасторовъ былъ энергически поддержанъ и многими нѣмецкими педагогами-теоретиками. Такъ, извѣстный психологъ-педагогъ *Бенеке* высказалъ, что „замѣна (церковной инспекціи надъ школами чиновничьею) большею частію была потребована не съ точки зрѣнія болѣе усовершенствованнаго надзора, но совершенно съ противоположною цѣлію, а именно—съ цѣлію большей свободы отъ надзора“. *Грефе* усматривалъ въ отдѣленіи школы отъ Церкви начало разложенія первой и отступленіе Германіи отъ своей міровой задачи, какъ носительницы просвѣщенія и хранительницы даровъ культуры и истинной цивилизаціи²⁾. Мало того, скоро составилось цѣлое общество нѣмецкихъ патриотовъ, поставившее своею задачею—борьбу съ антицерковнымъ направленіемъ, которое навязывали народной школѣ даже лица, стоявшія во главѣ управленія. Къ передовымъ борцамъ этого общества прежде всего нужно причислить декана *Штарка*, который ведетъ упорную борьбу съ антицерковнымъ направленіемъ народной школы еще съ 1874 года. Основная мысль, которую онъ обыкновенно старается провести въ своихъ трудахъ, это та, что школа, отчужденная отъ Церкви, ни себѣ, ни народной массѣ ничего не можетъ принести, кромѣ положительнаго зла и деморализаціи. Поэтому онъ требуетъ отъ правительства, чтобы школа была поставлена въ правильныя отношенія къ Церкви. „Минимумъ, чего должна требовать Церковь,—пишетъ

1) Болѣе строгъ учебный уставъ въ Ангальтъ-Дессау-Кѣтенѣ, по которому требуется, чтобы инспекторы ревизовали подчиненныя имъ школы по крайней мѣрѣ по два раза въ годъ (Шмидтъ, Ист. Педаг. 1881. т. IV, ч. I. стр. 425) *Ф. Левъ* требуетъ, чтобы инспекторы посѣщали свои школы четыре раза въ годъ, Ibid. стр. 369.

2) Такое же мнѣніе высказали еще Крегерь, Гармсъ и др.

онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій,—это то, чтобы дочь, хотя-бы даже и достигшая совершеннolѣтiя, не отымала у матери ея жизненной силы и не наносила-бы ей смертельнаго удара,—чтобы было признано, что школа по меньшей мѣрѣ должна служить ей столько-же, сколько государству и семейству“. Вмѣстѣ съ Штаркомъ ведутъ борьбу съ антицерковною школою *Мебиусъ*, Фр. Вильгельмъ *Дерпфельдъ* и многіе другіе члены этого общества.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того отраднаго факта благоразумiя, съ какимъ отнеслись къ правительственному отдѣленію школы отъ Церкви народные учителя во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ. Такъ, въ Саксоніи, правительство которой также рѣшилось было принять общія школьныя положенiя Пруссiи, народные учителя, въ количествѣ 570 человекъ, обсудивъ всесторонне на одномъ изъ своихъ засѣданій эти положенiя, составили петицію къ министру, въ которой энергически настаивали на слѣдующихъ пунктахъ: 1) удержать дальнѣйшее существованіе конфессіональныхъ школъ и преподавать Законъ Божій въ евангелически-лютеранскихъ народныхъ школахъ по Библии и катихизису Лютера; 2) предоставить надлежащую долю участiя въ завѣдываніи школою учителямъ, какъ ея естественнымъ представителямъ; 3) организовать мѣстное школьное управленіе, въ которое-бы былъ допущенъ и одинъ изъ нѣсколькихъ учителей съ правомъ голоса наравнѣ съ другими членами, но въ которомъ-бы предсѣдательство принадлежало пастору, какъ мѣстному школьному инспектору; 4) *ближайшій надзоръ* за школою поручить мѣстному пастору съ наблюденіемъ какъ за преподаваніемъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, такъ и за школьною дисциплиною; 5) учредить *окружную инспекцію* надъ извѣстнымъ количествомъ школъ, которая-бы состояла изъ одного *духовнаго* лица—суперъинтендента, и одного *свѣтскаго*—педагогически-образованнаго и опытнаго человека; 6) назначить практически опытнаго педагога, по преимуществу—пастора *школьнымъ совѣтникомъ* (ратманомъ) въ каждую изъ школьныхъ дирекцій и въ министерство народнаго просвѣщенiя.

Оппозиція антицерковному направленію народной школы была ведена настолько энергично, что правительство должно было сдѣлать значительныя уступки и отказаться отъ своихъ лжелиберальныхъ увлеченій. Что требованія духовенства и народныхъ учителей были приняты правительствомъ во вниманіе и удовлетворены, это ясно доказываетъ школьный саксонскій законъ отъ 26 апрѣля 1873 года. Остановимъ вниманіе, читатель, лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ этого закона. 1) „Народная школа признана учрежденіемъ *конфессіональнымъ*, состоящимъ подъ непосредственнымъ надзоромъ церковныхъ властей; школы смѣшанныя по вѣроисповѣданію не только отвергнуты, но консервативною фракціею депутатовъ признаны даже вредными, какъ переходная ступень къ школѣ чуждой всякой религіи; 2) такъ какъ народная школа признана *конфессіональною*, то и наставниками ея могутъ быть лишь лица одного вѣроисповѣданія съ учениками; 3) приходской пасторъ признанъ мѣстнымъ инспекторомъ для всѣхъ школъ, при которыхъ нѣтъ *шести* учителей и не назначенъ особый директоръ“ и т. д. Правительствомъ не было уважено только то требованіе народныхъ учителей, по которому духовное лицо должно бы было имѣть право голоса въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Прусское правительство также если не *de jure*, то *de facto* сдѣлало большія уступки. Въ Пруссіи едва-ли можно найти хотя одну школу, которая не была-бы *конфессіональною*. Законъ Божій въ дѣйствительности оказался предметомъ *общеобязательнымъ*. Цѣлю его преподаванія, по разъясненію самого министерства, поставляется введеніе дѣтей въ пониманіе Священнаго Писанія и въ *вѣроисповѣданіе прихода*, такъ, чтобы дѣти могли самостоятельно читать Библию и принимали-бы живое участіе въ богослуженіи прихода. Самое преподаваніе Закона Божія въ настоящее время въ прусскихъ школахъ ведется такимъ образомъ: на высшей ступени или въ первомъ отдѣленіи преподаются лишь немногія, совершенно доступныя для дѣтскаго пониманія библейскія повѣствованія; потомъ слѣдуетъ извѣстнымъ образомъ рас-

предѣленный рядъ важнѣйшихъ событій изъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ и наконецъ систематическое изложеніе священной исторіи. Послѣ священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта идетъ преподаваніе исторіи христіанской Церкви, распространенія христіанства въ Германіи, нѣмецкой реформаци и сообщаются свѣдѣнія о состояніи евангелической церкви въ настоящее время. Рядомъ съ этимъ преподаваніемъ идетъ чтеніе и объясненіе связанныхъ отдѣловъ изъ Священнаго Писанія, особенно псалмовъ, и изъ книгъ Новаго завѣта. По субботамъ дѣтямъ прочитываются и объясняются чтенія изъ Евангелій, предназначенныя для Богослуженія въ предстоящее воскресенье. Заучиваніе на память этихъ чтеній, какъ было въ готскихъ школахъ, не требуется. Катихизисъ объясняется съ присоединеніемъ библейскихъ исторій, текстовъ и церковныхъ пѣснопѣній. Изъ послѣднихъ болѣе 20-ти дѣти должны выучить на память.

По словамъ либераловъ, прусское правительство оставило будто-бы открытымъ вопросъ объ отношеніи между школою и Церковію, а по словамъ консерваторовъ, оно отказалось отъ своихъ прежнихъ антицерковныхъ увлеченій въ области школьнаго обученія, и такъ сказать, махнуло на школу рукой. Поэтому и нѣтъ ничего удивительнаго, если среди нѣмецкихъ педагоговъ-теоретиковъ снова получаетъ значеніе взглядъ *Магера* († 1858 г.), который въ области школьнаго дѣла хотѣлъ примирить интересы Церкви съ интересами государства, противопоставивъ имъ интересы частныхъ общинъ. Въ частности *Магеръ* хотѣлъ провести законодательнымъ порядкомъ слѣдующія положенія: 1) „Попеченіе объ основаніи и содержаніи общественныхъ школъ нельзя предоставить церквамъ; впрочемъ, если единичные церковные приходы или общества въ послѣднихъ, или епископы, и даже іезуиты пожелаютъ основать высшія или низшія школы извѣстнаго вѣроисповѣданія, то имъ, конечно, не слѣдуетъ запрещать этого; но общественныя школы должны быть національными заведеніями. 2) Попеченіе объ основаніи, содержаніи и управленіи національныхъ учебныхъ заведеній нельзя предоставить правительству; національная учебная

система также не должна быть правительственной. Должны, конечно, существовать и правительственныя школы: въ казармахъ, тюрьмахъ, военныхъ сиротскихъ домахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ. Пусть правительство само содержитъ еще такія спеціальныя школы, которыхъ не намѣрены содержать гражданскія общества, но въ которыхъ имѣеть нужду правительство. Какъ частныя и церковныя школы могутъ оказать полезныя услуги общественнымъ заведеніямъ, точно также могутъ быть полезными и нѣкоторыя правительственныя учебныя заведенія, какъ-то: кадетскіе корпуса, такъ называемыя военныя академіи и т. п. 3) Управление общественными школами слѣдуетъ предоставить не земскимъ и даже не окружнымъ, но провинціальнымъ общинамъ.

Какъ ни разнообразно въ различныхъ нѣмецкихъ странахъ фактическое отношеніе между школою и Церковію, но, судя по большинству, можно сказать все-таки, что нѣмецкая народная школа находится еще въ довольно тѣсной связи съ своею Церковію. Мало того, что на дѣлѣ она носитъ строго конфессіональный характеръ, находится подъ ближайшимъ мѣстнымъ надзоромъ духовенства и имѣеть своею главною задачею — религіозно-нравственное образованіе учениковъ; — въ большинствѣ нѣмецкихъ странъ она получила такой типъ, который не можетъ быть названъ иначе какъ *церковно-приходскимъ* въ протестантскомъ, конечно, смыслѣ: учителя этихъ школъ избираются и утверждаются въ должности церковными или, по меньшей мѣрѣ, смѣшанными властями; *эфорусъ* (смотритель) школъ есть въ тоже время и непремѣнный членъ *консисторіи*; сельская народная школа есть всецѣло собственность церковнаго *эаріума* ¹⁾; даже по мѣстонахожденію своему нѣмецкая народная школа (зданіе) примыкаетъ обыкновенно къ зданію кирки; какъ учитель, такъ и ученики *обязательно* должны присутствовать при богослуженіяхъ; въ понедѣльникъ ученики обязаны дать учителю от-

¹⁾ *Deerarium*—общественная или государственная казна, казнохранилище, казенная палата. Въ Германіи такъ называется все то, что принадлежитъ приходской общинѣ или приходскому попечительству.

четь въ томъ, что они видѣли и слышали въ киркѣ во время богослуженія; мало того, часть учениковъ или такъ называемые *курренды* должны исполнять при богослуженіяхъ музыкальныя церковныя пьесы, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ поютъ даже на улицахъ различныя священныя пѣснопѣнія и „тѣмъ“, по словамъ Вебера, „напоминаютъ какъ богомольцамъ, такъ и мѣстнымъ жителямъ вообще о томъ, что кромѣ ежедневныхъ суетныхъ занятій и праздничной разгульной жизни есть и нѣчто высшее, священнѣйшее“. Наконецъ, многіе изъ нѣмецкихъ народныхъ учителей и учениковъ (особенно въ небольшихъ городахъ Саксоніи и Тюринга, вообще-же по селамъ) считаютъ своею обязанностію участвовать въ погребальныхъ процессіяхъ, и, при пѣніи церковныхъ пѣснопѣній, сопровождаютъ тѣла умершихъ на мѣсто ихъ послѣдняго успокоенія.

Послѣ сказаннаго доселѣ мы теперь можемъ отвѣтить на вопросъ поставленный нами выше: можно ли нашу народную земскую школу назвать школою *нѣмецкою*? Если имѣть въ виду только однѣ теоріи нѣмецкихъ педагоговъ и законопроекты прусскаго правительства и сравнить ихъ съ тѣми началами, на которыхъ ведется дѣло обученія въ нашихъ земскихъ народныхъ школахъ, то мы должны назвать нашу школу болѣе *нѣмецкою*, чѣмъ сама нѣмецкая школа. Напротивъ, если мы сравнимъ нашу земскую народную школу съ дѣйствительно существующею нѣмецкою школою, то мы увидимъ между ними много различія. Наша школа пошла *дальше* нѣмецкой. Нѣмцы не въ силахъ требовать отъ своихъ законоучителей *безплатнаго* преподаванія Закона Божія, какъ того потребовали у насъ тульскіе и бердянскіе земцы, ужаснувшіеся того, что „Законъ Божій будетъ продаваться священниками!“... Нѣмцы не въ силахъ даже заставить своихъ пасторовъ преподавать Законъ Божій и за произвольныя *нодачки*, какъ то сдѣлали и дѣлаютъ нынѣ „просвѣщенные“ земскіе дѣятели Харьковскаго уѣзда! У нѣмцевъ школа конфессиональная, въ которой не могутъ даже обучаться дѣти

другого исповѣданія, чѣмъ всѣ школьники и ихъ учитель вообще; а мы настолько „либеральны“, „гуманны“ и „чужды фанатизма и религіозной нетерпимости“, что у насъ даже экзаменаторомъ дѣтей по Закону Божію можетъ быть (и бываетъ) всякій католикъ, протестантъ, даже еврей, если только земству прійдетъ охота избрать такого субъекта членомъ училищнаго совѣта. У нѣмцевъ назначеніе учителя зависитъ отъ пастора, суперъинтендента и консисторіи, у насъ—отъ земства и изъ невѣдомыхъ странъ прибывшаго невѣдомаго человѣка, называемаго инспекторомъ народныхъ училищъ; отсюда—у нѣмцевъ въ большинствѣ случаевъ учителя—люди благонравные, благонадежные, испытанные и религіозные; а у насъ бываютъ учителями народныхъ школъ и такіе господа, какъ Соловьевъ и Нечаевъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ извѣстно, состоялъ даже *учителемъ Закона Божія* и репетиторомъ въ *петербургскомъ Серіевскомъ училищѣ*... У нѣмцевъ сами народные учителя охраняютъ школу отъ вредныхъ лжелиберальныхъ вліяній и сближаютъ ее съ Церковію; у насъ учитель нерѣдко бываетъ самымъ удобнымъ проводникомъ дурныхъ вліяній во ввѣренную ему школу. Нѣмцы только хотѣли вырвать народную школу изъ рукъ духовенства,—русскіе земцы вырвали ее, какъ ни противилось этому наше духовенство. „Попы“ и „дьячки“ были признаны дурными учителями, умѣвшими научить дѣтей только читать, да писать; они не знали нагляднаго обученія, звукового метода, они не могли уяснить дѣтямъ законовъ природы и окружающей жизни. Они были не выше лютеранскихъ кистеровъ. Но за то они не умѣли учить дѣтей и ничему дурному. Отраднo было бы видѣть, если бы и теперешняя народная школа не ставила для себя большей задачи, какъ только—научить дѣтей Закону Божію, да умѣнью читать и писать на родномъ языкѣ...

Свящ. М. Бункевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXXVI.

Согласуется-ли философія самого Лянге съ тѣмъ положеніемъ, что познаніе наше ограничено явленіями?—Какъ понимаетъ Лянге *вещь въ себѣ* и что дѣйствительно заключается въ этомъ понятіи?—Какъ относится Лянге къ матеріализму?—Какой слѣдуетъ выводъ относительно философіи изъ сужденій Лянге о *вещи въ себѣ*?—Объ идеяхъ разума.—Тѣсная связь послѣдующей за Кантомъ идеалистической философіи съ ученіемъ его объ идеяхъ разума.—Можно-ли считать новѣйшій эмпиризмъ возвращеніемъ къ философіи Канта, какъ это полагаютъ новокантіанцы?—Отрицаніе необходимости идей разума.—Какъ понимать необходимость свойственную по Канту идеямъ разума?—Потребность обладанія необходимыми истинами, доказываемая невозможностію отрицать существованіе таковыхъ истинъ.—Необходимость идеальныхъ понятій въ наукѣ.—Можно-ли раздѣлять идеальную область творчества отъ научной области познанія такъ, какъ это дѣлаетъ Лянге?

Слѣдуя Канту, Ф. А. Лянге утверждаетъ, что наше познаніе ограничено явленіями и не простирается на то, что Кантъ называетъ *вещью въ себѣ*, т. е. не показываетъ, что такое вещь по своей сущности. Не смотря на то, онъ различаетъ однако болѣе существенное и менѣе существенное въ томъ, что свойственно человѣческой природѣ. А въ чемъ иномъ можетъ заключаться это различіе, какъ не въ большей или меньшей близости къ существу человѣческой природы различаемаго такимъ образомъ? Какъ-же возможно для насъ познаніе такого разли-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 4.

чія, если существо всего познаваемого лежитъ внѣ возможности познанія? Если вещь въ себѣ непознаваема и только явленія составляютъ доступную для насъ область познанія, то что можетъ служить оспованіемъ или критеріемъ оцѣнки явленій, какъ мы можемъ послѣ этого признавать одни явленія болѣе существенными, другія менѣе существенными? Таковыми, т. е. различными по значенію или достоинству явленія могутъ быть не сами по себѣ, а только въ сравненіи съ сущностію ими проявляемой; очевидно, какое явленіе обнаруживаетъ чаще и яснѣе соотвѣтственную ему сущность, то и есть болѣе совершенное, болѣе существенное, нежели другія явленія той-же сущности. На чемъ основываетъ Лянге то положеніе, что *вещь въ себѣ* не познаваема? Единственно на основаніи установленнаго имъ понятія о знаніи. Понятіе-же это таково: знаніе наше есть послѣдствіе взаимодѣйствія между субъектомъ познающимъ и вещами познаваемыми. Отсюда Лянге выводитъ такое заключеніе: какъ выраженіе только отношенія между познающимъ и предметами познанія, наше познаніе не показываетъ намъ ни того, что такое субъектъ познающій самъ въ себѣ, ни того, что такое вещи сами въ себѣ, независимо отъ означеннаго отношенія. Но возможно-ли такъ рѣшительно раздѣлять отношеніе между познающимъ и познаваемымъ отъ того и другаго. И самъ Лянге признаетъ, что такое раздѣленіе невозможно. „По Канту наше познаніе, говоритъ онъ, происходитъ изъ взаимодѣйствія субъекта и объекта—безконечно простое и все-таки игнорируемое положеніе (*verkannter Satz*). Изъ этого воззрѣнія слѣдуетъ, что нашъ міръ явленій *не есть только продуктъ нашего представленія* (Лейбницъ, Берклей), что онъ также не есть соразмѣрный образъ дѣйствительныхъ вещей, а только порожденіе объективныхъ воздѣйствій и субъективнаго формованія ихъ“¹⁾. Итакъ, что мы познаемъ,—это не есть просто наше представленіе, но частію заключаетъ въ себѣ и нѣчто принадлежащее вещамъ. Не значить-ли это,

¹⁾ Стр. 98 (рус. пер. 103).

что вещи въ нѣкоторой мѣрѣ открываются въ явленіяхъ, ибо если никакимъ образомъ вещь въ себѣ не открывается въ явленіяхъ, тогда всѣ явленія суть только наши представленія и никакъ не болѣе. Явленія и вещь въ себѣ такъ связаны между собою, что совершенно раздѣльно полагать ихъ невозможно. И это опять признаетъ Лянге. Но признавая это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже вовсе отрицаетъ дѣйствительное бытіе вещи въ себѣ, а переноситъ вещь въ себѣ въ субъективную область представленій или понятій. Онъ говоритъ: „*вещь въ себѣ* есть простое предѣльное понятіе. Рыба въ прудѣ можетъ плавать лишь въ водѣ, а не въ землѣ, но она можетъ все-таки толкаться головою въ дно или бока. Такимъ-же образомъ мы могли-бы, конечно, пройти съ понятіемъ причинности все царство опыта и найти, что за нимъ находится область, которая абсолютно замѣнута для нашего познанія.—Мы стало-быть дѣйствительно не знаемъ, существуетъ-ли вещь въ себѣ (но рыба однако-же знаетъ о существованіи земли, хотя живетъ въ водѣ)? Мы знаемъ только, что послѣдовательное примѣненіе нашихъ законовъ мышленія приводитъ насъ къ понятію чего-то вполне *проблематическаго*, что мы принимаемъ за причину явленій, какъ скоро узнали, что нашъ міръ можетъ быть лишь міромъ представленія. Если спросятъ, гдѣ-же въ такомъ случаѣ вещи, то отвѣтъ гласитъ: *въ явленіяхъ*; чѣмъ болѣе вещь въ себѣ улегучивается въ простое представленіе, тѣмъ болѣе реальности пріобрѣтаетъ міръ явленій. Онъ охватываетъ вообще все, что мы можемъ назвать дѣйствительнымъ... Мы нигдѣ не находимъ ничего кромѣ той обыкновенной эмпирической противоположности между *явленіемъ и сущностью*, которая, какъ-известно, является уму въ безконечныхъ степеняхъ. Что на одной степени разсматриванія есть сущность, то на другой, по отношенію къ нѣкоторой болѣе глубоко скрытой сущности, оказывается снова явленіемъ. Истинная-же сущность вещей, послѣднее основаніе всѣхъ явленій, не только не известны намъ, но и самое понятіе ихъ есть ни болѣе ни менѣе, какъ послѣднее порожденіе нѣкоторой противоположности, обусловленной нашею организа-

цію, при чемъ мы не знаемъ имѣеть-ли эта противоположность какое-нибудь значеніе внѣ нашего опыта“¹⁾).

Если мы сравнимъ это разсужденіе о явленіяхъ и сущности съ тѣмъ, что выше приведено нами изъ книги Лянге о томъ-же предметѣ, то вотъ что выходитъ: явленія—не просто представленія, но нѣчто большее, почему-же? потому что явленія происходятъ не просто отъ субъекта представляющаго, но и отъ вещей дѣйствующихъ на субъектъ, а такъ какъ вещь въ себѣ, или то, что дѣйствуетъ на субъектъ, не что иное какъ представленіе, то слѣдовательно явленія потому только не суть представленія, что производятся субъектомъ представляющимъ, вступающимъ въ связь съ *представленіями*, дѣйствующими на него. Отсюда ясно, что такъ называемая вещь въ себѣ просто есть форма мысли, которую можно прилагать къ самому разнородному содержанію, подобно другимъ понятіямъ, столь же неопредѣленнымъ по содержанію (напр. сущность, причина) и потому допускающимъ самое разнообразное ихъ употребленіе. Въ самомъ дѣлѣ, что собственно означаетъ такъ называемая вещь въ себѣ? Она просто означаетъ все то, что мы признаемъ наиболѣе существеннымъ, важнѣйшимъ. Само собою понятно, что ближайшимъ образомъ только въ относительномъ смыслѣ можетъ быть рѣчь о важнѣйшемъ и существенномъ: одно важно и существенно въ одномъ отношеніи, другое въ другомъ; одно важно для меня, другое для другаго или другихъ и т. д. Но должно быть и нѣчто такое, что мы признаемъ изъ всего важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ и это есть то, что называется абсолютнымъ. Послѣ этого весьма понятно и не удивительно, что Лянге, говоря о явленіяхъ и вещи въ себѣ, придаетъ самое различное значеніе этимъ терминамъ, смотря по надобности. Наиболѣе характеристическимъ для его міросозерцанія слѣдуетъ признать то его положеніе, что дѣйствительныя вещи и суть явленія, а это значитъ, что именно явленія составляютъ для насъ важнѣйшее, существенное. Это же самое онъ выражаетъ и тогда какъ говорить, что никакой нуж-

¹⁾ Стр. 49—51 (57—58).

ды мы не имѣемъ заниматься вещами въ себѣ, что и самого вопроса о томъ, что такое вещи въ себѣ, не должно быть. Какъ форма мысли, или понятіе идеальное (заключающее въ себѣ недѣйствительно данное а только мыслимое) вещь въ себѣ собственно означаетъ постулатъ, требованіе мыслящаго духа нашего полагать нѣчто какъ существенное и важнѣйшее. Поэтому если, какъ говоритъ Лянге, вещи для насъ въ самыхъ явленіяхъ заключаются, то это имѣетъ такой смыслъ: для насъ ничего не должно быть важнѣе и существеннѣе, какъ этотъ видимый и осязаемый, вообще чувственный міръ; въ немъ мы должны видѣть единственную и истинную дѣйствительность для себя. Мысль эта ясно выражена въ слѣдующемъ положеніи Чольбе: *довольствуйся настоящимъ міромъ* (не ищи другого міра), которымъ онъ хотѣлъ замѣнить категорическій императивъ Канта ¹⁾. Но почему же тогда прямо не сказать, что не существуетъ ничего болѣе кромѣ этого чувственнаго, вещественнаго міра. Это было бы ясно и просто и хотя не ново, но тѣмъ понятнѣе было бы для каждаго. Это было бы открытое и ясное признаніе матеріализма. Но могъ ли Лянге признать за истину чистый матеріализмъ—этотъ первобытный и потому и самый грубый, наивный видъ

¹⁾ А что если начать, говоритъ Лянге, другимъ категорическимъ императивомъ, что если во главѣ всей позитивной философіи поставить положеніе: *довольствуйся настоящимъ міромъ* (*Begnüge dich mit der gegebenen Welt*)! Не исчезнетъ ли тогда какъ бы волшебствомъ призракъ умопостигаемаго міра? Кантъ могъ бы возразить на это, что его категорическій императивъ, который въ нашей груди повелѣваетъ дѣлать добро, есть фактъ внутренняго сознанія такой же необходимости и всеобщности, какъ и естественный законъ во внѣшней природѣ; что тотъ другой императивъ, который мы назовемъ Фейербаховскимъ, вовсе не присущъ человѣку необходимо, но основывается на субъективномъ произволѣ. Противная партія имѣетъ тутъ недурную игру. Легко показать, что нравственный законъ культурно-историческимъ путемъ медленно вырабатывается и что свой характеръ необходимости и безусловной годности онъ можетъ имѣть только тогда, если вообще имѣется въ сознаніи. Если теперь дальнѣйшее культурно-историческое развитіе допускаетъ выставить въ качествѣ основы нравственнаго сознанія положеніе о довольствѣ этимъ міромъ, то противъ этого никто ничего не могъ бы имѣть. Такъ это и должно оказаться на дѣлѣ. И если дѣйствительно это окажется на дѣлѣ, чего пока нѣтъ, замѣчаетъ далѣе Лянге, тогда мы охотно повѣримъ, что на основаніи сказаннаго положенія можно построить этическую систему, ибо чего нельзя построить? (Стр. 104—105).

философiи? Немного пужно философiи, чтобы ясно видѣть всю безнадежность материализма какъ философской доктрины. Лянге ясно видитъ съ какою основательностiю Кантомъ и ближайшими къ нему философами была устранена возможность возобновленiя материализма въ первобытномъ его видѣ. Только умы, лишеныя серьезнаго философскаго образованiя, могли быть послѣдователями материалистической доктрины. Если что въ особенности можно назвать камнемъ преткновенiя для материализма, такъ это конечно несоизмѣримость явленiй субъективныхъ и объективныхъ, — послѣ Канта сдѣлавшаяся вполне ясною и очевидною. Ни субъективныхъ явленiй невозможно выводить изъ объективныхъ, ни наоборотъ. Еще до Канта было разъяснено, что явленiя субъективныя суть для насъ достовѣрнѣйшiе и ближайшiе предметы познанiя; Кантъ же сверхъ того показалъ, что значительнѣйшею своею частiю и самыя объективныя явленiя должны быть причислены къ субъективнымъ. И послѣ этого можетъ ли имѣть какое либо серьезное значенiе материализмъ, который всецѣло отрицаетъ субъективныя явленiя, какъ таковыя, сводя ихъ къ объективнымъ, которыя и безъ того сами по себѣ имѣютъ проблематическiй характеръ, представляютъ собою вопросъ. И вотъ, чтобы показать, что материализмъ не изъясняетъ на самомъ дѣлѣ того, что берется изъяснить, именно явленiй духовныхъ, посредствомъ отождествленiя ихъ съ явленiями вещественными, Лянге выставляетъ ту мысль, заимствуя оную отъ Канта, что и самыя вещественныя явленiя, къ которымъ материализмъ пытается свести явленiя духовныя, познаваемы для насъ не иначе, какъ въ формахъ нашего сознанiя, слѣдовательно, когда познаются, состоятъ въ связи и взаимодействii съ субъектомъ, и мы такимъ образомъ не имѣемъ возможности сдѣлать вычетъ того, что въ нихъ есть независимаго отъ нашихъ субъективныхъ формъ, существующаго въ себѣ. Проводя такой взглядъ на объективныя явленiя, Лянге достигаетъ двухъ цѣлей. Во-первыхъ, онъ, хотя оставляетъ материализмъ во всей его неприкосновенности, ибо признаетъ чувственность корнемъ всѣхъ высшихъ духовныхъ проявленiй и сверхъ того рѣшительно отвергаетъ идеализмъ

во всѣхъ видахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаетъ себя отъ всякаго упрека въ томъ, что онъ матеріалистъ. Онъ признаетъ вмѣстѣ съ матеріалистами, что вещество — основа всѣхъ явленій, но тутъ-же прибавляетъ, что однако самое вещество есть не что иное, какъ наше представленіе. Матеріалисты могутъ сколько угодно утверждать, что мозгъ есть субстратъ духовной жизни, но только пусть они знаютъ, что и мозгъ и нервы—это только наши представленія, все это нѣчто только являющееся нашему сознанию, а не существующее въ самомъ себѣ ¹⁾, хотя съ другой стороны эти возраженія противъ матеріализма самъ-же Лянге устраняетъ, когда говоритъ, что для насъ дѣйствительныя вещи заключаются въ самихъ явленіяхъ, откуда не трудно вывести заключеніе, что если нашъ мозгъ является причиною духовныхъ явленій, то это и на самомъ дѣлѣ такъ есть, ибо явленія составляютъ для насъ самую дѣйствительность, и мы должны принимать ихъ за настоящую подлинную дѣйствительность. Итакъ, когда Лянге возражаетъ противъ матеріализма, что матерія и все матеріальное не болѣе какъ явленіе, то это оказывается призрачнымъ, а не дѣйствительнымъ опроверженіемъ матеріализма, такъ какъ сущность, лежащую за явленіями, Лянге вовсе устраняетъ. Но означеннымъ положеніемъ, что мы познаемъ только явленія, не только устраняется упрекъ въ матеріализмѣ, имъ достигается еще другая цѣль, которую Лянге также имѣлъ въ виду — это именно исключеніе изъ

¹⁾ „Единственный путь, могущій насъ удалить отъ односторонностей матеріализма, проходить черезъ его слѣдствія. Пусть въ тѣлѣ есть физическій механизмъ, который производитъ заключенія разсудка и чувствъ; тогда возникають вопросы: что такое тѣло? что такое матерія? что такое физическое? И теперешняя физиологія, какъ и философія, на эти вопросы должна отвѣчать, что все это только наши представленія, — необходимыя представленія, представленія происходящія по законамъ природы, но все-же не самыя вещи. Послѣдовательно матеріалистическое объясненіе чрезъ то сразу превращается въ послѣдовательно идеалистическое. Невозможно допустить, что въ нашемъ существѣ есть двойство (Kluft). Нельзя относить одни отправления нашего существа къ физической, а другія къ духовной природѣ, напротивъ тогда только мы правы, если для всего, и для механизма мышленія предполагаемъ физическія условія, и не успокоимся дотолѣ, пока эти условія не найдены“. Кн. 2, стр. 427.

науки всякаго метафизическаго элемента и всецѣлое огрѣ-
ниченіе и поглощеніе вниманія эмпирическимъ изученіемъ
чувственнаго міра и служеніемъ чрезъ то насущнымъ инте-
ресамъ жизни. Матеріализмъ есть самое удобное и практи-
чески полезное міросозерцаніе, такъ какъ оно не отвле-
каетъ мысль отъ міра дѣйствительнаго, а напротивъ—прико-
вываетъ къ нему, даетъ намъ чувствовать твердую почву
подъ ногами и не позволяетъ уноситься въ область мечты
тамъ, гдѣ этого не должно быть, именно въ наукѣ. Но вред-
ная сторона матеріализма та, что когда матерія принимается
за то на самомъ дѣлѣ, чѣмъ она является, т. е. когда при-
знается не явленіемъ, а подлинною сущностію, то этимъ по-
рождаются бесплодныя умствованія о томъ, какъ изъ мате-
ріи вывести познаваемый нами міръ. И противъ этой сто-
роны матеріализма направлено именно то утвержденіе, что
и сама матерія есть явленіе, что вещь въ себѣ, т. е. абсо-
лютное начало вещей не можетъ быть предметомъ познанія.
Такимъ образомъ признавая вмѣстѣ съ матеріалистами, что
матерія есть основа всего, Лянге устраняетъ всякія попытки
къ разъясненію того, что такое матерія — тѣмъ утвержде-
ніемъ, что матерія, какъ вещь въ себѣ, т. е. съ той именно
стороны, на которую направляетъ преимущественное свое
вниманіе матеріализмъ, для насъ непознаваема. Какъ мало-
содержательно, повидимому, и неопредѣленно это утвержде-
ніе Лянге, что вещь въ себѣ, или иначе сущность вещей,
для насъ непознаваема, ибо при этомъ самую эту вещь въ
себѣ или сущность можно понимать различно, и даже такъ,
что самое это положеніе теряетъ всякій смыслъ (если, на-
примѣръ, самыя явленія признаемъ сущностію, чего тре-
буетъ Лянге), однако великое значеніе оно имѣетъ для
Лянге; оно важныя услуги ему оказываетъ; опираясь на
немъ, Лянге ни болѣе ни менѣе какъ устраняетъ и самую
философію и даже религію, чѣмъ, конечно, способствуетъ, а
не препятствуетъ, господству матеріализма и связанныхъ съ
нимъ реально практическихъ, понимаемыхъ въ узко эгоисти-
ческомъ смыслѣ тенденцій жизни. Въ самомъ дѣлѣ въ томъ
именно и заключается, по Лянге, главный недостатокъ фи-

лософіи Канта, что, ограничивая познаніе явленіями, она недостаточно строго держалась этого, ею самою опредѣленнаго предѣла, но въ практической своей части указала выходъ изъ него, что и послужило толчкомъ къ дальнѣйшему развитію философіи. Уже въ самомъ стремленіи Канта привести въ систему такъ называемыя категорія разсудка обнаружилось, по мнѣнію Лянге, что онъ слѣдовалъ „той архитектурической потребности метафизиковъ, которой мѣсто въ поэтическихъ вымыслахъ умозрѣнія, а не въ критическомъ изслѣдованіи основаній употребленія разсудка. Поэтому чѣмъ дальше онъ вдавался въ примѣненіе своихъ четырехъ главныхъ рубрикъ: *количества, качества, отношенія и модальности* съ трихотомією ихъ подвидовъ, тѣмъ болѣе терялъ онъ подъ ногами здравую почву критики и попадалъ въ ту сомнительную область твореній изъ ничего, въ которую его послѣдователи вскорѣ выплыли на всѣхъ парусахъ, какъ будто дѣло шло о завоеваніи міра, тогда какъ все сводилось лишь къ безплодному странствованію по „обширному и бурному океану, настоящему царству призрачности“, какъ столь вѣрно характеризовалъ его самъ Кантъ“ ¹⁾. И такъ даже стремленіе къ систематизаціи здѣсь явно отвергается какъ свойство принадлежащее метафизикамъ, а это значитъ, что Лянге даже въ томъ смыслѣ отвергаетъ философію, въ какомъ принимаетъ ее Спенсеръ, именно въ смыслѣ систематизаціи положительныхъ знаній. Да и въ самомъ матеріализмѣ Лянге устраняетъ лишь то, что даетъ ему нѣкоторое философское значеніе,—именно понятіе о веществѣ какъ началѣ общемъ, абсолютномъ. Въ этомъ именно онъ видитъ соприкосновеніе матеріализма съ гегелианствомъ, съ этою романтикою понятій. Настоящая трезвая наука имѣетъ дѣло не съ понятіями, а фактами, т. е. явленіями, а въ нихъ-то именно и заключается для насъ все существенное. „Представимъ себѣ, говоритъ Лянге, человека, который считаетъ калейдоскопъ за телескопъ. Онъ думаетъ, что воспринимаетъ крайне замѣчательные предметы

¹⁾ Стр. 52 (61 стр.)

и посвящаетъ разсматриванію ихъ все свое прилежаніе. Положимъ, что онъ замкнутъ въ какомъ нибудь тѣсномъ пространствѣ. Съ одной стороны онъ имѣетъ окошечко, открывающее ему ограниченный и туманный видъ наружу, съ другой стороны находится крѣпко вдѣланная въ стѣну труба, въ которую онъ думаетъ видѣть то, что находится вдали. Этотъ видъ онъ любитъ въ особенности. Его привлекаетъ этотъ видъ больше чѣмъ окошечко; онъ непрерывно старается усовершенствовать на этомъ пути свое познаніе объ удивительной дали. Это метафизикъ, который презираетъ узкое окно опыта и даетъ обманывать себя калейдоскопу своего міра идей. Но положимъ онъ замѣчаетъ этотъ обманъ; если онъ разгадалъ сущность калейдоскопа, то несмотря на горькое разочарованіе, калейдоскопъ былъ-бы для него все еще предметомъ любознательности. Онъ не спрашиваетъ теперь больше: что такое значатъ тѣ чудесныя картины, которыя я вижу тамъ вдали, а спрашиваетъ: *какое устройство трубы могло ихъ вызвать*. Такимъ образомъ, и въ этомъ могъ-бы заключаться источникъ познанія, которое, можетъ быть, было-бы также важно, какъ и видъ изъ окна“.

Рѣчь идетъ здѣсь о томъ, что Кантъ называетъ идеями разума,—каковы *бытіе Бога, безсмертіе души, свобода воли, цѣлесообразное устройство міра*. По Канту опытъ не даетъ намъ никакихъ основаній для утвержденія истинности такихъ идей, такъ какъ опытъ ограниченъ явленіями, иначе сказать, опытное познаніе наше простирается только на тѣ предметы, которые *являются* нашимъ чувствамъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннему (самонаблюденіе). Но ни Богъ не является нашимъ чувствамъ, ни безсмертіе души и свобода воли, ни цѣлесообразность не суть предметы доступные чувственному познанію;—они, эти предметы, постижимы только для разума. Однако и самый разумъ только когда опирается на сознаніе нравственнаго закона, или на совѣсть, тогда только приходитъ къ убѣжденію въ истинности бытія Бога, безсмертія души, свободы воли. Помимо-же этого условія, т. е. независимо отъ нравственно практическаго сознанія, именно въ области теоретической, когда мы имѣемъ

дѣло съ познаніемъ, и его только ищемъ, идеи разума имѣютъ одно лишь формальное значеніе; онѣ служатъ только къ объединенію нашихъ отрывочныхъ, приобретаемыхъ посредствомъ, опыта знаній. Такъ, на основаніи идеи Бога мы все наблюдаемое нами во внѣшнемъ мірѣ возводимъ къ одному безусловному началу, при чемъ вромѣ того, при помощи космологической идеи, все происходящее внѣ насъ связываемъ въ одну непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій; равно на основаніи идеи души всѣ познанія, почерпаемыя изъ самонаблюденія, объединяемъ, относя ихъ къ одному существу, или субстанціи; при этомъ относя все познаваемое чрезъ самонаблюденіе къ душѣ, какъ субстанціи,— о себѣ самомъ разумъ имѣетъ непосредственное сознаніе, именно сознаетъ себя субъектомъ познающимъ. Итакъ съ одной стороны мы имѣемъ узкое окошечко опыта, сквозь которое мы видимъ только явленія, а съ другой—калейдоскопъ разума съ его идеями. Только узкое окошко опыта снабжаетъ насъ знаніями; идеи-же разума, какъ они ни важны для жизни, нельзя признать знаніями; всякій разъ мы обманываемся, дѣлаемъ ложныя заключенія не оправдываемыя опытомъ, какъ только хотимъ пользоваться ими какъ знаніями: всякое знаніе вѣдь относится къ предмету данному въ опытѣ, т. е. являющемуся намъ при посредствѣ чувствъ, но предметовъ, къ которымъ прямо относились-бы идеи разума, въ опытѣ мы не имѣемъ. Не будучи знаніями, идеи разума однако сами могутъ и должны быть предметомъ познанія. Метафизикъ уже не спрашиваетъ о предметахъ познаваемыхъ чрезъ идеи (что значать тѣ чудесныя картины, которыя я вижу тамъ вдали—въ калейдоскопѣ), а интересуется уже самими идеями, ихъ происхожденіемъ и значеніемъ (онъ спрашиваетъ: какое устройство трубы могло ихъ вызвать?) „Слѣдуетъ допустить, говоритъ Лянге, что въ нашемъ разумѣ могутъ находиться такіе естественные задатки, которые съ необходимостію заставляютъ возникать передъ нами идеи, не имѣющія ничего общаго съ опытомъ“ ¹⁾. Но

¹⁾ S. 56.

могутъ-ли идеи быть предметомъ наблюденія, безъ чего по философіи Канта никакое познаніе не можетъ состояться? Конечно мы можемъ наблюдать движеніе идей, ихъ распространеніе и направленіе, ихъ возвышеніе и упадокъ, наконецъ и самое начало, происхожденіе господствующихъ въ данное время идей отъ тѣхъ или иныхъ условій. Но здѣсь рѣчь идетъ не вообще объ идеяхъ, каковымъ именемъ нерѣдко обозначаются ходячія, измѣнчивыя и случайныя мнѣнія и представленія, а объ идеяхъ разума, т. е. объ идеяхъ, которыя, по философіи Канта, необходимо свойственны должны быть разуму и составляютъ такъ сказать самую природу разума, существо его, или, какъ выражается Лянге, процтекаютъ изъ естественныхъ задатковъ разума. Вотъ о какомъ происхожденіи идей и вотъ о каковыхъ идеяхъ мы спрашиваемъ теперь. Здѣсь-то именно и заключается тотъ важнѣйшій пунктъ, изъ котораго расходятся въ разные стороны идеализмъ и эмпиризмъ или реализмъ кантовской школы; а потому особенное вниманіе требуется направить на этотъ именно пунктъ. Выше указано на то, что по Канту необходимое условіе познанія есть прежде всего наблюденіе чувственное, такъ что все недоступное наблюденію поэтому самому и непознаваемо. Теперь вполне основательно Лянге говоритъ, что какое-бы значеніе мы ни усвоили идеямъ разума, несомнѣнно однако, что они могутъ быть предметомъ познанія. Но спрашивается—какъ мы познаемъ идеи разума. Не чрезъ наблюденіе, говорятъ одни, познаются идеи разума (а равно и всѣ субъективныя формы или условія нашего сознанія), а чрезъ мышленіе и притомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ предметъ познанія не отдѣлимъ отъ самой дѣятельности познавательной, входитъ въ самый процессъ познаванія, то мышленіе, имѣющее предметомъ идеи разума, есть созерцательное; такое созерцаніе очевидно не есть чувственное, а сверхчувственное, духовное, чисто умственное. Послѣ такого рѣшенія вопроса уже самъ собою отпадаетъ тотъ выводъ Канта, что для приобрѣтенія познанія одинаково необходимы сколько чувственное наблюденіе, столько-же и мышленіе. Развѣ самъ Кантъ въ своей Критикѣ чистаго разума

пользовался чувственнымъ наблюдениемъ, дабы вывести и опредѣлить апріорныя формы нашего познанія, да и методъ, которому слѣдовалъ Кантъ, называемый имъ трансцендентальнымъ, имѣеть-ли общее что либо съ наблюдениемъ? ¹⁾ Такимъ образомъ, если слѣдовать не словамъ, а духу философіи Канта, то необходимо признать, что кромѣ познанія опытнаго, для котораго первое условіе и вмѣстѣ необходимую часть составляетъ наблюдение, долженъ быть и дѣйствительно существуетъ особый видъ познанія, познаніе сверхъопытное, или а priori-ное. И такое именно познаніе составляетъ область философіи. Что-же однако оказалось на дѣлѣ? Не мало было сдѣлано ошибочныхъ заключеній и предположеній философіею Фихте, Шеллинга и Гегеля, и это благодаря господству въ ней апріорнаго метода; да и независимо отъ тѣхъ или иныхъ частныхъ, системы этихъ философовъ цѣликомъ пали не почему либо иному, а именно вслѣдствіе новѣйшихъ успѣховъ наукъ опытныхъ; опытъ такимъ образомъ разрушилъ слишкомъ послѣднія построенія отвлеченной мысли; опытъ восторжествовалъ надъ неуравновѣшенными притязаніями умозрѣнія. И такъ какъ опытъ оказался сильнѣе умозрѣнія, то не долженъ-ли опытъ быть рѣшающимъ и въ области вопросовъ философскихъ? Этимъ заключениемъ ничего новаго не вносится въ философію, а

¹⁾ Объ этомъ Лянге такъ говоритъ: „Кантъ не могъ имѣть въ виду вывести изъ метафизическаго принципа—апріорные элементы познанія,—какъ это предпринялъ его послѣдователь Фихте, уже потому что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагалъ-бы метафизическій методъ, котораго право и границы онъ хотѣлъ изслѣдовать (Соображеніе это не имѣеть значенія, такъ какъ его можно направить противъ всей Критики чистаго разума: Кантъ хотѣлъ изслѣдовать правоспособность разума въ дѣлѣ познанія, пользуясь при томъ-же самымъ разумомъ—таково свойство самопознанія). Оставался для него только путь обыкновенной рефлексіи и хотя методическаго, но исходящаго отъ фактовъ размышленія... Но очевидно, что онъ обманывался относительно послѣдствій этого метода; иначе онъ не могъ-бы такъ очень полагаться на безусловную благонадежность своего метода, и все лишь вѣроятное такъ презрительно отбрасывать, какъ это онъ постоянно дѣлалъ. Онъ проглядѣлъ, что его методъ открытія познаній а priori въ дѣйствительности не могъ быть инымъ, какъ только *методомъ индукціи*“. 29 стр. И такъ трансцендентальный методъ Канта, который онъ самъ называетъ дедукціей, по мнѣнію Лянге, оказывается *индукціей*...

только восстанавливается одинъ изъ важнѣйшихъ основныхъ выводовъ философіи Канта, который, признавая наблюдение первымъ и существеннымъ условіемъ познанія, не дѣлалъ никакого изъятія изъ этого положенія. Пусть у насъ есть, какъ училъ Кантъ, а priori-ныя формы и условія познанія, но и для вывода этихъ формъ и условій мы не имѣемъ иного способа кромѣ опыта, наблюденія. Такъ рѣшаютъ вопросъ современные кантіанцы, — эмпирики. По мнѣнію Лянге показать — есть-ли въ самомъ дѣлѣ въ нашемъ разумѣ такія задатки, послѣдствіемъ которыхъ являются идеи, и представить значеніе этихъ идей — дѣло опытной психологіи, которая для того, чтобы сдѣлаться дѣйствительною наукою, должна опираться на фізіологію. Повидимому такимъ рѣшеніемъ вопроса о методѣ въ области философіи только восстанавливается во всей силѣ выводъ Канта о необходимости наблюденія для всякаго познанія. На самомъ-же дѣлѣ этимъ несравненно болѣе разрушается, чѣмъ восстанавливается истинный духъ критической философіи Канта. Одно изъ важнѣйшихъ положеній Канта, которое впрочемъ всегда принималось за несомнѣнное перво-степенными философами, — есть то, что наблюденію могутъ подлежать и всегда подлежать только отдѣльные случаи, которые, именно по причинѣ своей отдѣльности, сами по себѣ всегда представляются случайными. Если мы говоримъ о какомъ-нибудь явленіи, что оно не случайно, то имѣемъ въ виду не само по себѣ это явленіе, а его связь съ другими явленіями, и усматриваемъ въ этой связи пѣкоторое необходимо дѣйствующее причинное отношеніе, или законъ, но причинная связь явленій, общіе ихъ законы постигаются только мыслию, а не прямо наблюдаются. Конечно, можно на это замѣтить, что мысль никогда не дѣйствуетъ отдѣльно отъ наблюденія; мышленіе есть функція неразрывно связанная съ процессомъ наблюденія. Не это-ли самое утверждаетъ и Лянге? Но вопросъ не въ томъ заключается, можетъ-ли наша мысль дѣйствовать отдѣльно отъ чувственнаго наблюденія, или-же всегда дѣйствуетъ въ связи съ нимъ, а мы только не всегда замѣчаемъ эту связь, — вопросъ не въ этомъ заключается, а въ томъ, есть-ли наша мысль нѣчто такое,

что имѣть свои особыя формы и условія дѣйствія, и хотя-бы дѣйствовала всегда совмѣстно съ процессомъ чувственнаго созерцанія, но исключается-ли этимъ ея самостоятельность и означаетъ-ли это, что мысль есть либо простое послѣдствіе чувственнаго созерцанія, или-же составная часть его? Если, какъ это находитъ Лянге, ощущенія сами собою формируются, и слѣдовательно, мысль есть не болѣе какъ простая комбинація ощущеній, тогда очевидно всякая мысль, всякая идея есть столь-же случайное и преходящее явленіе, какъ и всякое отдѣльное ощущеніе. Слѣдовательно, и самыя идеи разума нельзя уже разсматривать какъ нѣчто необходимое; Кантъ оказывается такимъ образомъ неправымъ въ томъ, что признавалъ идеи *необходимую* принадлежностію разума. „Что касается, говоритъ Лянге, необходимости идей, то она въ томъ объемѣ, въ какомъ ее утверждаетъ Кантъ, рѣшительно подлежитъ спору. Лишь для идеи души, какъ объединяющаго субъекта множества ощущеній, она пожалуй можетъ быть сдѣлана вѣроятною. Для идеи Бога, насколько міру противопоставляется разумный Творецъ, отнюдь не существуетъ такого естественнаго задатка, то-есть необходимости, въ силу которой всегда была-бы мыслима означенная идея. Это доказываютъ не одни только матеріалисты самымъ своимъ существованіемъ. Это доказываютъ и великіе мыслители древности и новаго времени: Демокритъ, Гераклитъ, Эмпедокль, Спиноза, Фихте, Гегель. Какъ ни далеко двое послѣднихъ пошли назадъ отъ Канта въ главномъ вопросѣ, они все-таки годятся здѣсь какъ примѣры сильныхъ, преданныхъ абстракту мыслителей, которые отнюдь не подтверждаютъ, въ смыслѣ Канта, идеала чистаго разума относительно разумнаго Творца міроваго цѣлаго“ ¹⁾. Итакъ идеи разума не необходимы; если бы онѣ были необходимы, тогда всѣ мыслили бы ихъ одинаково именно, такъ, какъ формулированы онѣ у Канта. О какой необходимости здѣсь идетъ рѣчь? Кантъ очевидно не могъ имѣть въ виду той необходимости, какую подразумѣваетъ здѣсь Лянге, ко-

¹⁾ Стр. 56.

торый полагаетъ, что если даны въ нашемъ разумѣ задатки идей, то эти задатки уже сами собою, помимо нашей воли и участія, должны обнаружиться. Такая необходимость не можетъ быть свойственна идеямъ разума, ибо разуму свойственна способность къ самоопредѣленію, или иначе, свобода: требуется свободная дѣятельность разума, дабы во-очію открылась необходимость заключающаяся въ идеяхъ разума. Истинны математическія безспорны и непреложны, однако кто ихъ не знаетъ, для того онѣ и не существуютъ. Жизнь духа есть царство свободы, а не царство природы, а потому и свойственныя духу отправления не сами собою происходят подобно процессамъ тѣлеснымъ, и даже на послѣднія простирается въ нѣкоторой мѣрѣ содѣйствующая, либо умѣряющая власть самоопредѣленія, тѣмъ болѣе дѣйствія духа не могутъ происходить должнымъ образомъ, если мы не развиваемъ, т. е. не воспитываемъ въ себѣ силу самоопредѣленія. Впрочемъ нельзя удивляться тому, что Лянге такъ понялъ необходимость, свойственную идеямъ разума. Въ сущности для него не существуетъ иной необходимости кромѣ физической. Чѣмъ условливается возможность для насъ познанія вещей? По Лянге первоначальное и существенное условіе познанія есть нашъ организмъ; это значитъ, что познаніе есть такое же отправление организма, какъ, на примѣръ, дыханіе, кровообращеніе, пищевареніе, т. е. совершающееся съ такою же необходимостію ¹⁾. Пусть такъ. Но что такое самый организмъ? Такъ какъ, по философіи Лянге, познаніе наше ограничивается явленіями, то и организмъ нашъ также есть явленіе, а какъ явленіе, онъ въ нѣкоторой мѣрѣ есть созданіе познавательнаго процесса; слѣдовательно настолько

¹⁾ „Въ строгомъ смыслѣ конечно не самыя понятія имѣются прежде опыта, а только такое устройство (Einrichtungen), вслѣдствіе котораго воздѣйствія вѣшняго міра сразу соединяются и упорядочиваются сообразно съ тѣми понятіями. Можно бы сказать, что а priori существуетъ тѣло, если бы только само тѣло опять не было однимъ лишь а priori даннымъ образомъ пониманія чисто духовныхъ отношеній. Быть можетъ нѣкогда найдется основаніе для понятія причинности въ механизмѣ рефлективнаго движенія и симпатическаго возбужденія“. Стр. 44.

же познаніе есть условіе организма (ибо организмъ является тѣмъ, что онъ есть для насъ въ зависимости отъ того, что такъ а не иначе познается нами), насколько и организмъ есть условіе познанія; но вѣдь такая взаимная связь представляется намъ и между всѣми другими явленіями, въ ряду которыхъ мы полагаемъ и свой организмъ. Почему же однако Лянге останавливается на организмѣ и далѣе не идетъ. Если организмъ есть *сущность*, а познаніе какъ отправленіе организма—его *явленіе*, тогда понятно почему Лянге останавливается своею мыслию на организмѣ; организмъ, какъ сущность, для него изъемлетъ изъ ряда явленій, которыя всѣ приурочиваются къ нему. Полагая же, что организмъ именно есть сущность, проявленіемъ которой служитъ процессъ познаванія на ряду съ иными процессами, Лянге долженъ смотрѣть на эту свою мысль объ организмѣ какъ истину непреложную, необходимую, ибо что есть необходимая истина, какъ не выраженіе сущности или существеннаго свойства? И такъ, сколько бы ни отрицалъ Лянге существованіе необходимыхъ истинъ разума, однакожь потребность духа въ обладаніи таковыми истинами столь непреодолима, что на степень непреложной истины возводится первая встрѣчная мысль, догадка. Или, быть можетъ, Лянге не признаетъ за несомнѣнную истину свое положеніе объ организмѣ, какъ условіи познанія? Тогда для Лянге вообще нѣтъ ничего достовѣрнаго, несомнѣннаго; его философія не что иное какъ скептицизмъ. Скептицизмъ отрицаетъ возможность для насъ познанія истины. Познать истину—значитъ постигнуть самое существо познаваемого предмета. Поэтому когда говорятъ намъ, что самая сущность вещи недоступна нашему познанію, что познаніе наше ограничивается явленіями, то это значитъ, что возможное для насъ познаніе не есть полное, что истины настоящей, подлинной мы не знаемъ. Если бы знаніе наше выражало самую истину, тогда оно было бы безусловнымъ, т. е. столь полнымъ и совершеннымъ, что и самое совершенное существо не могло бы имѣть иного знанія; пусть это знаніе было бы ограничено по предметамъ, т. е. простиралось бы не на все познаваемое, однако оно тѣмъ не ме-

нѣе было бы безусловно совершенно въ отношеніи къ предметамъ имъ обнимаемымъ, ибо выражало бы самую сущность этихъ предметовъ. Очевидно теперь, что знаніе понимаемое какъ выраженіе сущности или, что тоже, какъ заключающее въ себѣ самую истину,—знаніе въ этомъ смыслѣ есть не что иное какъ *идеаль знанія*. Таково должно быть знаніе божественное. Такимъ знаніемъ мы не обладаемъ; наше знаніе, говорятъ позитивисты, есть не безусловное, а относительное, оно выражаетъ не самое существо вещей, а только отношенія вещей къ познающему, т. е. представляетъ вещи такъ, какъ онѣ являются намъ, и слѣдовательно, мы не можемъ сказать, что познаніе не можетъ быть инымъ у существъ высшихъ болѣе совершенныхъ.

Какой-же смыслъ послѣ этого имѣетъ то требованіе, чтобы въ явленіяхъ мы полагали самую сущность. Если познаніе сущности есть идеаль знанія, или иначе знаніе идеальное, а таково именно философское знаніе (не философія-ли стремится къ познанію сущности), то принимать явленія за самую сущность это значитъ отказаться отъ философскаго познанія и довольствоваться лишь знаніемъ эмпирическимъ. Это значитъ, что идеальная цѣль, указываемая наукъ философіей, должна быть изъ нея исключена. Наука, всецѣло обращенная къ міру реальному, можетъ имѣть и цѣли — только реальныя, заключающіяся въ практическихъ интересахъ жизни. Однакожь ошибочно было-бы думать, что Лянге вообще противъ идеаловъ; онъ лишь противъ смѣшенія науки, знанія съ идеалами, составляющими область творчества. „Кантъ не хотѣлъ видѣть того, говоритъ Лянге, чего не хотѣлъ видѣть уже Платонъ, что умопостигаемый міръ есть міръ творчества (*Dichtung*) и что на этомъ основывается его значеніе и важность. Ибо творчество въ высокомъ и широкомъ смыслѣ, въ которомъ его слѣдуетъ здѣсь принимать, нельзя разсматривать какъ игру талантливаго произвола для забавы пустыми измышленіями; оно есть необходимый и истекающій отъ самыхъ глубокихъ корней человѣческой природы плодъ духа, источникъ всего высокаго и святаго и достаточный противовѣсъ пессимизму, возникающему отъ одно-

сторонняго погруженія въ дѣйствительность" ¹⁾. Если-же область творчества слѣдуетъ строго раздѣлять отъ знанія, то спрашивается, въ чемъ-же именно содержится эта область творчества, гдѣ ея мѣсто. Ясно, что Лянге признаетъ областью творчества религію, искусство, философію. Но можетъ-ли наука быть такъ строго раздѣлена отъ области творчества, какъ это полагаетъ Лянге. Строго эмпирическими знаніями наука не можетъ быть ограничена, она не можетъ обходиться безъ общаго философскаго міросозерцанія. Если такъ называемый умопостигаемый міръ исключается изъ сферы научной, то вмѣсто того является матеріализмъ, который и по признанію Лянге состоитъ въ тѣсной связи съ опытными науками, съ естествознаніемъ. Матеріализмъ-же, какъ философское ученіе, имѣетъ цѣлью разъяснить самое существо вещей, а это не показываетъ-ли, что наука не можетъ ограничиться явленіями, а простираетъ свой взоръ далѣе. Возможно-ли, притомъ-же, чтобы въ искусствѣ господствовалъ идеализмъ, когда онъ изгоняется изъ науки? Опытъ показываетъ противное тому. Искусство также перестаетъ служить идеальнымъ цѣлямъ, а обращается въ простое орудіе реальныхъ интересовъ. И это понятно: если наука исключаетъ изъ себя все идеальное, тогда для нея истина, которая есть необходимо мыслимый объектъ науки, заключается въ реальномъ, въ явленіяхъ, а противоположное реальному — идеальное по этому самому, съ точки зрѣнія науки, неистинно, ложно. Возможно-ли, чтобы искусство вдохновлялось тѣмъ, что наукою отрицается какъ не истинное? Чѣмъ болѣе наука стремится къ тому, чтобы исключить изъ себя все идеальное, умозрительное, относя это къ области искусства, тѣмъ болѣе искусство стремится сдѣлаться научнымъ. Нужно-ли говорить о томъ, что для религіи и вовсе нѣтъ мѣста при такомъ направленіи познанія?

Съ точки зрѣнія Лянге можно возразить на все это такъ: онъ ничего не требуетъ, не ставитъ для науки никакихъ задачъ; онъ просто констатируетъ факты. И прежде всего

¹⁾ Стр. 61.

онъ указываетъ тотъ фактъ, что въ познаніи мы имѣемъ только явленія и далѣе явленій познаніе наше не простирается. Это необходимость, заключающаяся въ природѣ нашего организма; хотимъ-ли мы того или не хотимъ, но наше познаніе инымъ не можетъ быть, чѣмъ каково оно есть. Но если въ силу необходимости нашей природы познаніе наше таково, что ограничивается явленіями, и инымъ не можетъ быть, то откуда эти постоянныя стремленія, проявляемыя самою наукою выступить изъ круга явленій и раскрыть самое существо вещей? Источникъ этихъ стремленій, полагаетъ Лянге, въ творчествѣ нашей фантазіи. Творчество это есть другой фактъ, указываемый имъ въ нашей организаціи. Итакъ и ограниченіе познанія явленіями и творчество, въ которомъ обнаруживается стремленіе проникнуть за предѣлы явленій, одинаково суть необходимые факты въ устройствѣ нашей организаціи. Какъ-же возможно послѣ этого въ такой степени разъединять эти факты одинъ отъ другаго? Не должно-ли быть между ними постоянное взаимодействие? Не слѣдуетъ-ли признать поэтому необходимымъ обнаруженіе идеальныхъ стремленій въ самой наукѣ? И точно-ли ограниченіе науки явленіями есть фактъ необходимый?

П. Липицкій.

(Продолженіе будетъ).

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

IV.

Психологія безъ души.

18. Уличеніе раціональной психологіи въ противорѣчіи теорій.—19. Уличеніе въ томъ, что она вещи замѣняетъ олицетворенными абстракціями.—20. Въ томъ, что смѣшиваетъ словесный анализъ съ анализомъ вещей.—21. Въ томъ, что отрываетъ разумъ отъ органовъ чувствъ.—22. Въ томъ, что она основывается на излишнемъ предположеніи и совершенно недоказанномъ о самостоятельномъ началѣ психическихъ явленій—душѣ.—23. Обзоръ всѣхъ возраженій.

18. Обращаемся къ критикѣ психологіи раціональной, выводящей всѣ психическія явленія изъ сущности особаго психическаго начала, которое мы въ своемъ самосознаніи находимъ какъ я, и которому какъ субъекту въ томъ-же сознаніи видимъ принадлежащими всѣ наши психическія состоянія, словомъ изъ сущности души. Очевидно, что это, такъ-сказать, философская психологія. Поэтому противъ нея прежде всего дѣлается то же возраженіе, какъ и противъ философіи вообще. „Какъ различно отвѣчала философія на вопросы, которыми она искони занималась“, говоритъ Ланге, „достаточ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 4.

но извѣстно. Согласіе-же, которое, напротивъ, господствуетъ въ естественныхъ наукахъ, зависитъ не отъ того, что эти науки ограничены одною областью, гдѣ все само собою разумѣется, но отъ употребленія нѣкотораго метода, котораго искусно развитыя и въ то-же время согласныя съ природою ученія раскрылись человѣчеству лишь послѣ долгаго стремленія и примѣнимость котораго не имѣетъ границъ. Но главная суть всѣхъ многочисленныхъ предосторожностей этого метода заключается въ томъ, что вліяніе субъективности изслѣдователя нейтрализуется. Но именно отъ субъективной природы отдѣльнаго человѣка зависитъ каждый разъ особая форма умозрѣнія¹⁾. „Надъ психологіей, какъ наукой“, говоритъ профессоръ Сѣченовъ, „работали умы изъ самыхъ крупныхъ отъ Аристотеля до Канта. И между тѣмъ психологія до сихъ поръ не установившаяся наука, и доказать это можно очень наглядно въ нѣсколькихъ словахъ. Если взять любаго изъ патентованныхъ психологовъ, напр., какого-нибудь профессора психологіи, и спросить его по совѣсти, устраиваетъ-ли онъ свою внутреннюю жизнь на основаніи данныхъ, выработанныхъ его наукой, или-же руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденной жизнью, безъ провѣрки ихъ наукой,—всякій долженъ будетъ отвѣтить, что живетъ на послѣдній ладъ. Да и можетъ-ли быть иначе? Если-бы психологи жили по научному, то результаты ихъ образа жизни давно-бы проникли въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, вырабатываемыя гигиеной и діететикой, хотя эти науки принадлежатъ тоже къ крайне мало развитымъ²⁾. Кромѣ того“, продолжаетъ профессоръ, „попробуй-

¹⁾ Ланге, Истор. Матер. стр. 341.

²⁾ Такимъ образомъ самъ г. профессоръ своей прибавкой уподобленія опровергъ первую часть своей главной мысли. Гигіена и діететика не разработаны, хотя и проникли въ публику. Значитъ, проникновеніе въ публику и устроеніе своей жизни, какъ его причина, еще не свидѣтельствуютъ о развитости науки. Если-бы по совѣсти спросить фізіолога, устраиваетъ-ли онъ свою жизнь по фізіологіи своей, то нужно прямо сказать: нѣтъ; ибо иначе отправился-бы скоро ad patres. Но значитъ-ли это, что фізіологія наука не установившаяся?

те поговорить объ одномъ и томъ-же предметѣ съ психологами разныхъ школъ,—что ни школа, то новое мнѣніе; а заведите для сравненія рѣчь хоть, напр., о звукѣ, свѣтѣ, электричествѣ съ любимъ физикомъ любой страны—отъ всѣхъ въ сущности получите одинаковые отвѣты“¹⁾. Такимъ образомъ, мы должны признать, что психологи разногласятъ, а напр., физиологи или вообще естествовѣды и въ жизнь проводятъ свои доктрины и находятся въ трогательномъ единогласіи. Впрочемъ, относительно разногласія психологовъ раціональной школы нѣкоторые физиологи держатся другихъ возрѣній, чѣмъ профессоръ Сѣменовъ. Напр., профессоръ физиологіи въ Нанси, Бони, говоритъ: „пока дѣло касается души человѣка, нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія и школы спиритуалистовъ представляютъ полнѣйшее единогласіе“²⁾. Что-же касается до трогательнаго согласія различныхъ естествовѣдовъ вообще, то профессоръ Сѣменовъ, за исключеніемъ развѣ звука, избралъ неудачные примѣры, ибо извѣстно, что относительно электричества и даже свѣта существуетъ и существовали разногласія. А относительно физиологовъ онъ самъ въ той-же книгѣ дѣлаетъ такое сообщеніе: „Сходства и различія явленій человѣческаго тѣла съ явленіями матеріальнаго міра аффицировали умъ человѣческой приблизительно такимъ-же образомъ, какъ аффицируютъ его въ настоящее время сходства и различія психическихъ и соматическихъ проявленій (чего?) у человѣка; и результатомъ этого было возникновеніе физиологическихъ школъ, не менѣе противоположныхъ другъ другу по направленію, чѣмъ школы идеалистовъ и матеріалистовъ въ психологіи“³⁾. Такимъ образомъ фактъ трогательнаго согласія естествовѣдовъ всѣхъ странъ опровергается собственными словами профессора и доказывается полное разногласіе этого физиолога даже съ самимъ собою. Впрочемъ,

1) Психол. этюды, стр. 106—107.

2) Бони, Новыя основы физиологіи человѣка, пер. д-ра Цыбульскаго, подъ редакціей проф. Тарханова. С.П.Б. I, стр. 8.

3) Психол. этюды, стр. 149.

чтобы видѣть это разногласіе ученыхъ, стоитъ только заглянуть въ порядочные учебники по естественнымъ наукамъ, гдѣ приводятся мнѣнія этихъ ученыхъ. Но намъ до этого въ сущности нѣтъ дѣла. Мы просто признаемъ, что психологи разныхъ школъ разногласятъ, и пусть это будетъ недостаткомъ раціональной, или какой-бы то ни было, психологіи.

19. Переходя къ возраженіямъ противъ раціональной психологіи (на языкѣ фізіологовъ: метафизики) по существу, мы прежде всего встрѣчаемся съ возраженіемъ, что она прибѣгаетъ къ олицетвореннымъ абстракціямъ, вмѣсто вещей имѣетъ дѣло съ символами и словами. Такъ, метафизики для объясненія психическихъ явленій допускаютъ особое начало—душу. Но „слово душа“, говоритъ Маудсли, „на самомъ дѣлѣ есть общій терминъ, выработанный посредствомъ наблюденія весьма разнообразныхъ душевныхъ явленій и вывода отвлеченнаго понятія на основаніи этихъ явленій: чрезъ такое наблюденіе отдѣльныхъ явленій и соотвѣтственное отвлеченіе изъ нихъ, какъ окончательное обобщеніе, мы получаемъ общее понятіе, или, такъ сказать, *существенную идею* о душѣ. Примѣръ поможетъ намъ объяснить то, что мы хотимъ сказать. Паровая машина есть сложный механизмъ, объ устройствѣ и способѣ дѣйствія котораго многие знаютъ весьма мало; но отправленіе машины весьма опредѣленно, и объ этомъ отправленіи могутъ составить себѣ достаточное понятіе даже люди, ничего не знающіе (sic!) объ ея устройствѣ. Координированное совокупное дѣйствіе паровой машины, понятно, разнится отъ дѣйствія какой-либо отдѣльной части ея. Но отправленіе машины зависитъ отъ механизма и координированнаго дѣйствія ея частей; оно не можетъ быть отдѣлено отъ нихъ, не имѣетъ безъ нихъ дѣйствительнаго существованія, хотя и можетъ быть представлено въ нашемъ умѣ какъ отдѣльное понятіе. Наблюдая механизмъ и дѣлая соотвѣтственное отвлеченіе, мы получаемъ *существенную идею* о паровой машинѣ, основную идею о ней, идею, которая, какъ наше окончательное обобщеніе, выражаетъ самую сущность ея, какъ машины, и содержитъ въ

себѣ, говоря словами Кольриджа, „внутреннія начала возможности ея, какъ паровой машины“. Тоже самое относится и къ разнообразнымъ душевнымъ явленіямъ; посредствомъ наблюденія ихъ и отвлеченія отъ частныхъ мы доходимъ до общаго понятія или до существенной идеи души, идеи, которая внѣ ума нашего не существуетъ, какъ всякая другая отвлеченная идея или общій терминъ. Но вслѣдствіе сильной склонности человѣческаго ума представлять дѣйствительность соотвѣтственно идеѣ, склонности, послужившей основаніемъ столь большой путаницы въ философіи, общее понятіе превратилось въ объективную сущность и стало деспотически господствовать надъ умомъ. Метафизическое отвлеченіе превратилось въ духовную сущность и такимъ образомъ на пути положительнаго изслѣдованія воздвиглась неодолимая преграда¹⁾. Эту мысль Маудсли мы можемъ развить далѣе словами профессора Сѣченова, который говоритъ: „Когда метафизикъ, съ цѣлью болѣе глубокаго познанія, отворачивается отъ міра реальныхъ впечатлѣній, представляющихъ для него родъ оскверненія *сущностей предметовъ* нашими органами чувствъ, и бросается по необходимости (больше броситься некуда) въ міръ идей и понятій, притомъ съ мыслью, что наиболѣе идеальное, или что то же, наименѣе реальное, по содержанію своему (sic!)²⁾ есть *самое* существенное, онъ по необходимости встрѣчается съ абстрактами, и забывая, что это дроби, т. е. условныя величины, ни мало не задумываясь, объективируетъ ихъ или обособляетъ ихъ въ сущности³⁾. Поступая такимъ образомъ, ме-

¹⁾ Маудсли, Физиологія и патологія души, стр. 44. Примѣръ машины доказываетъ, очевидно, противное тому, что хочетъ сказать авторъ. Идея паровой машины, основанная на изученіи частей *дѣйствительной* машины, не есть олицетворенная абстракція, которой ничто въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ, а есть идея, имѣющая соотвѣтственный себѣ объектъ. Подобно этому нужно думать и относительно души. Авторъ, слѣд., самъ себя опровергаетъ.

²⁾ По содержанію, слѣд., не само по себѣ. *Содержаніе* идеальнаго можетъ быть самое реальное.

³⁾ Очевидно, профессоръ смѣшиваетъ общее, абстрактное, идеальное и дробь. Общее можетъ быть какъ абстрактнымъ, такъ и конкретнымъ, напр. добродѣтель и человѣкъ. Равнымъ образомъ и единичное можетъ быть абстрактнымъ

тафизикъ — это я говорю съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, безъ малѣйшаго преувеличенія—дѣлаетъ $1/2=1, 1/10=1, 1/20=1$ и т. д. ¹⁾. Онъ поступаетъ абсолютно такъ-же, какъ если-бы математикъ вздумалъ обособлять математическую точку или мнимую величину, переставъ придавать имъ условное значеніе. Но это еще не все:—условныя величины въ математикѣ, даже въ обособленной формѣ, все-таки представляютъ ясно чувствуемая (sic!) отвлеченія отъ реальности ²⁾, тогда какъ предѣльные объекты (sic!) метафизики, или сущности, суть продукты разчлененія уже не реальныхъ впечатлѣній, а словесныхъ выраженій ихъ. Этотъ смертный грѣхъ метафизики ³⁾, вѣрнымъ образомъ котораго можетъ быть случай смѣшенія имени, клички, простаго звука, съ самой вещью—Петра съ человѣкомъ—имѣетъ корни въ свойствахъ рѣчи и въ отношеніи человѣческаго ума къ ея элементамъ ⁴⁾.

20. „Въ примѣръ злоупотребленія рѣчью я возьму“, говоритъ тотъ-же профессоръ, „вѣскольکو отрывковъ изъ философованій обыденной психологіи о природѣ человѣка.

1. Человѣкъ, какъ отдѣльное звѣно въ мірозданіи, какъ замкнутое въ себѣ цѣлое, можетъ быть (!) противоположенъ всему остальному въ мірѣ, обособленъ отъ всего, что находится внѣ его. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть особь, недѣлимое (цѣлое), единица.

2. Если обозрѣть всю сумму явленій, происходящихъ въ че-

и конкретнымъ, напр., добродѣтель Сократа (единичное абстрактное) и Сократъ (единичное конкретное). Абстрактное потому и абстрактно, что противопоставляется въ мысли конкретному. Безъ этого противопоставленія нельзя и абстрагировать. Значитъ въ каждомъ абстрактномъ понятіи уже дано то, что оно не конкретное. Какимъ-же образомъ метафизикъ можетъ это забыть? И почему только фізіологъ имѣетъ привилегію это понимать?

¹⁾ Дробь есть часть или части цѣлаго, дѣленнаго на равныя доли. Но часть не есть абстрактъ, а есть конкретное явленіе. Абстрактъ всегда есть признакъ. Но признакъ опять не часть. Тутъ нѣтъ, слѣд., ни „малѣйшаго преувеличенія“, а есть лишь крупное недоразумѣніе.

²⁾ Т. е. подтверждается мое предыдущее примѣчаніе.

³⁾ По счету профессора второй.

⁴⁾ Психол. этюды, стр. 199—200. Сначала мысль, а потомъ рѣчь, такъ что мысль можетъ быть одна, а словесныхъ выраженій ея много. Даже одно и то же представленіе допускаетъ множество словесныхъ выраженій, напр. на разныхъ языкахъ. Звукъ съ мыслью смѣшать прямо невозможно. Поэтому дальнѣйшее разсужденіе профессора просто наивно.

ловѣкъ, то онъ оказывается состоящимъ изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ не по однимъ и тѣмъ-же законамъ.

3. Какъ существо тѣлесное, онъ подчиненъ законамъ матеріальнаго міра, какъ существо духовное, онъ стоитъ внѣ ихъ.

4. Тѣлесною стороною, онъ рабъ матеріи, духовною—онъ властелинъ ея.

5. Человѣкъ властенъ не только надъ своимъ тѣломъ, управляетъ не только своими поступками, но власть его распространяется даже на мысли, желанія, страсти и пр.

6. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть существо свободное, опредѣляющее дѣйствія изъ самого себя.

Если прочесть всѣ эти тирады, то сразу онѣ покажутся простыми, понятными, соответствующими цѣлому ряду общественныхъ фактовъ (sic!) и даже нелишними въ некоторой послѣдовательности, насколько природа человѣка можетъ быть опредѣлена рядомъ афоризмовъ. Но стоитъ только вдуматься въ реальную подкладку перечисленныхъ положеній и взвѣсить, насколько слова соответствуютъ дѣлу, и большинство афоризмовъ превращается въ рядъ абсурдовъ. Въ самомъ дѣлѣ,— понятіе о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ, особи, единицѣ по самому смыслу этихъ наименованій¹⁾ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ абстракціей отъ фактовъ его *физической* обособленности въ природѣ²⁾; стало быть во всѣхъ случаяхъ, когда говорится о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ цѣломъ³⁾, единицѣ, подъ словомъ „человѣкъ“ *нельзя разумѣть ничего другаго*, кромѣ его физической природы⁴⁾. Съ этой точки зрѣнія всѣ по-

¹⁾ Очевидно, проф. занимается изслѣдованіемъ смысла наименованій, т. е. анализомъ на словахъ, если употребить его выраженіе; слѣд., божень божѣзнію, которую находятъ у философовъ.

²⁾ Этого ни откуда не видно. Физическою обособленностію обладаютъ капли дождя, песчинки, облако пара; слѣд., это все индивидуумы и особи, по мнѣнію профессора? Съ другой стороны, вѣтви дерева или полины въ колоніи (нѣкоторые полины живутъ колоніями) не имѣютъ физической обособленности отъ общаго основанія, но развѣ они пендивидуумы, неособи, не единицы т. е. будучи оторваны отъ общаго ствола, развѣ не могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ жить самостоятельно (напр., при отводкахъ черенками, при разрѣзѣ нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ)? Ясно, что нужно имѣть въ виду понятіе, а не наименованіе.

³⁾ А развѣ есть недѣлимое не цѣлое?

⁴⁾ Развѣ съ физической обособленностію не связаны никакіе другіе признаки, свойственные каждому человѣку, и потому обозначенные словомъ человѣкъ?

слѣдующіе афоризмы, въ которыхъ подлежащимъ является слово *человѣкъ*, были-бы очевидными абсурдами. Такъ, второе положеніе превратилось-бы въ невозможное уравненіе: *тѣлесная форма человѣка = самой себѣ + душа* ¹⁾, а остальные въ непередаваемую на словахъ бессмыслицу. Но положимъ, что понятію „*человѣкъ*“ соотвѣтствуетъ сочетаніе души и тѣла; тогда уже во всѣхъ случаяхъ и слѣдуетъ принимать, что *человѣкъ = душѣ + тѣло* ²⁾. Съ этой точки зрѣнія положеніе 1 было-бы невозможно ³⁾, 3 и 4 были-бы нелѣпостью (потому что одно и то же *нѣчто* не можетъ въ одно и то же время быть подчинено извѣстнымъ законамъ и стоять внѣ ихъ, быть рабомъ матеріи и въ то же время властелиномъ ея ⁴⁾); а 5 имѣетъ вообще смыслъ только какъ образъ, потому что власть предполагаетъ всегда два субъекта—властвующаго и подчиняющагося, и слѣдовательно въ нашемъ случаѣ пришлось-бы отъ суммы, состоящей изъ души и тѣла, оторвать, въ качествѣ подчиненнаго, не только все тѣло, но и часть души. Какъ ни смѣла подобная операція, но она очень часто производилась надъ бѣдной природой *человѣка*..... по счастью только на словахъ!“ ⁵⁾.

¹⁾ Если подъ именемъ *человѣка*, какъ особи, *ничего нельзя разумѣть кромѣ физической природы*, то ясно, что *человѣкъ* не можетъ быть профессоромъ, ибо получается съ точки зрѣнія профессора совершенно невозможное уравненіе: *тѣлесная форма (sic!) человѣка = самой себѣ + профессоръ*. Вѣдь не всякая „*тѣлесная форма*“ ео ipso профессоръ, хотя можетъ быть многіе желали-бы быть просто „*тѣлесными формами*“.

²⁾ Почему-же во всѣхъ случаяхъ? Рѣчь можетъ идти о тѣлѣ только, или о душѣ *человѣка*.

³⁾ Т. е. по мнѣнію профессора *человѣкъ* пересталъ-бы быть индивидуумомъ, обособленнымъ. Но почему: развѣ особь, какъ цѣлое, не можетъ состоять изъ частей?

⁴⁾ Поучительный примѣръ игры словами. Профессоръ, очевидно, вмѣсто: *душа + тѣло*, ставитъ абстрактъ, вмѣсто вещи слово: *нѣчто*, олицетворяя его, т. е. боленъ тою болѣзнію, отъ которой врачуетъ другихъ. Онъ забываетъ, что это *нѣчто* сложное и можетъ быть разсматриваемо съ разныхъ сторонъ: по одной сторонѣ оно можетъ подлежать извѣстнымъ законамъ, а по другой быть изъятымъ отъ нихъ и подчиненнымъ другимъ. Тѣмъ болѣе этого нельзя было смѣшивать, что 3 и 4 положенія прямо различаютъ тѣлесную сторону *человѣка* отъ духовной. Очевидно, профессоръ играетъ словами *нѣчто* и *онъ*.

⁵⁾ Психолог. этюды, стр. 169—170. Очевидно, по мнѣнію профессора, его палка, которою онъ распоряжается по своей власти, есть подчиняющійся ему

21. „Но будто бы метафизики въ самомъ дѣлѣ до такой степени запутываются въ своихъ обобщеніяхъ, что теряютъ способность отличать номинальное отъ реального?“ спрашиваетъ авторъ ¹⁾. „Между метафизиками“, продолжаетъ онъ, „было, какъ извѣстно, множество людей съ громаднымъ умомъ. Я и не утверждаю, что они были приведены къ описанному заблужденію исключительно свойствами рѣчи. Свойства эти только способствовали заблужденію, главный-же грѣхъ метафизики заключается, какъ сказано, въ убѣжденіи, что человѣкъ можетъ познать окружающій его міръ помимо органовъ чувствъ и безусловно. Послѣднее убѣжденіе до того распространено между людьми и кажется до такой степени истиннымъ, что я принужденъ сказать нѣсколько словъ объ источникѣ этого самообмана. Человѣкъ есть опредѣленная единица въ ряду явленій, представляемыхъ нашей планетой, и вся его духовная жизнь, на сколько она можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія, есть явленіе земное. Мысленно мы можемъ отдѣлять свое тѣло и свою духовную жизнь отъ всего окружающаго, подобно тому какъ отдѣляемъ мысленно цвѣтъ, форму и величину отъ цѣлаго предмета, но соотвѣтствуетъ-ли этому отдѣленію дѣйствительная отдѣльность? Очевидно нѣтъ, потому что это значило-бы оторвать человѣка отъ всѣхъ условій его земнаго существованія. А между тѣмъ исходная точка метафизики и есть обособленіе духовнаго человѣка отъ всего матеріальнаго—само-

субъектъ. Съ другой стороны, нельзя говорить, напримѣръ, что возбужденіе нерва дѣйствуетъ на мускулы, потому что для этого пришлось-бы изъ суммы, состоящей изъ частей физическаго недѣлимаго, оторвать въ качествѣ подчиненной (т. е. страдательной),—мускулы. Если я, напр., беру одну руку другою и поднимаю ее, то тутъ одна рука, какъ властвующій субъектъ, отрываетъ другую отъ суммы частей организма, чтобы сдѣлать ее подчиненною. Очевидно, профессоръ, сыгралъ чудесно на двухъ *субъектахъ* и *расторженіи* одного, т. е. на словахъ.

¹⁾ По мнѣнію профессора люди, склонные къ метафизикѣ, смѣшиваютъ отношенія частей рѣчи съ отношеніями вещей, расчленяемость словъ съ расчленяемостью вещей (170—171). „Дерево лежитъ на землѣ“—для человѣка „съ здравымъ смысломъ“ здѣсь только два предмета: дерево и земля, а для „метафизика“ должно выходить четыре, если онъ вмѣсто анализа вещей займется анализомъ словъ, къ чему онъ именно склоненъ. Прямо этого авторъ не говоритъ, но къ этому ведетъ рѣчь на стр. 200—203 своихъ „Псих. этюдовъ“.

обманъ, упорно поддерживающійся въ людяхъ яркою характерностью самоощущеній. Разъ этотъ грѣхъ сдѣланъ, тогда человекъ говоритъ уже логически: такъ какъ все окружающее существуетъ помимо меня, то оно должно имѣть опредѣленную физіономію помимо той, въ которой реальность является передо мной при посредствѣ воздѣйствія на мои органы чувствъ ¹⁾. Последняя форма, какъ *посредственная*; не можетъ быть вѣрва, истина лежитъ въ саомытной, независимой отъ моей чувственности формѣ существованія ²⁾. Для познанія этой-то формы у меня и есть болѣе тонкое, нечувственное орудіе—разумъ. Въ этомъ ряду мыслей“, продолжаетъ профессоръ, „всѣ, за исключеніемъ послѣдней, абсолютно вѣрны, но послѣдняя и заключаетъ въ себѣ ту фальшь, о которой идетъ рѣчь: отрывать разумъ отъ органовъ чувствъ, значить отрывать явленіе отъ источника, послѣдствіе отъ причины. Міръ дѣйствительно существуетъ помимо человека и живетъ саомытной жизнью ³⁾, но познаніе его человекомъ помимо органовъ чувствъ невозможно, потому что продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники всей психической жизни“ ⁴⁾. Таково существенное возраженіе противъ метафизиковъ въ психологіи. Очевидно, въ немъ профессоръ опустилъ изъ вида, что „продукты“ дѣятельности органовъ чувствъ суть весьма сложные образованія, происходящія не безъ участія даже нѣкоторыхъ „бессознательныхъ умозаключеній“, какъ онъ указываетъ самъ, ссылаясь на Гельмгольца ⁵⁾. Съ другой стороны, онъ вовсе не рѣшилъ затронутого вопроса о вѣрности показаній органовъ чувствъ, ибо, какъ видно изъ его выше приведенныхъ словъ, къ разуму прибѣгаютъ главнымъ образомъ потому, что явленія, подлежащія

¹⁾ Одно изъ другого еще не слѣдуетъ.

²⁾ Значить, основаніе для недовѣрія чувствамъ не въ отдѣльности существующаго помимо меня, а въ *посредственности* чувствъ. Изъ того, что другой человекъ существуетъ помимо меня, еще не слѣдуетъ, что я его не могу видѣть глазами, а долженъ созерцать умомъ.

³⁾ Значить это противоположеніе не въ мысли только, какъ утверждалось выше.

⁴⁾ „Психол. этюды“, стр. 203—204.

⁵⁾ Ibid. стр. 186. Особенно объ этомъ у Вундта въ первомъ томѣ сочиненія „Душа человека и животныхъ“, перев. Кемница, С. П. Б.

органамъ чувствъ, считаются посредственною и недостовѣрною формою.

22. Всѣ выше приведенныя возраженія противъ рациональной психологіи, очевидно, клонятся къ тому, чтобы изгнать изъ науки душу, какъ пустой абстрактъ, какъ пустое слово. „Какова-бы ни была дѣйствительная природа души“, говоритъ Маудсли, „о ней нѣтъ нужды и говорить здѣсь — каждое ея проявленіе несомнѣнно зависитъ отъ мозга и нервной системы, а въ настоящее время, когда научныя изслѣдованія яснѣе и яснѣе открываютъ отношенія между душою и мозгомъ, было-бы всего желательнѣе, чтобы, узнавъ дѣйствительно субъективный характеръ понятія, способъ его происхожденія и развитія, не увлекались болѣе общимъ метафизическимъ понятіемъ о душѣ“¹⁾. Душа обнаруживаетъ себя, на примѣръ, посредствомъ воли въ дѣйствіяхъ. Но волею, по мнѣнію фізіологовъ, мы называемъ въ этомъ случаѣ лишь тѣ неизвѣстные или несознаваемые нами нервныя процессы, которые составляютъ условія дѣйствія. „Дѣло заключается именно въ томъ“, говоритъ профессоръ Сѣченовъ, „что въ запутанныхъ явленіяхъ съ вмѣшательствомъ воли отъ обыденнаго человѣческаго сознанія ускользаютъ условія, опредѣляющія тотъ или другой характеръ дѣйствій, и оно“²⁾, вмѣсто того, чтобы отнестись къ фактамъ объективно, научнымъ образомъ, создаетъ особую ничего не объясняющую силу. Не естественнѣе-ли во всѣхъ подобныхъ случаяхъ искать разъясненія дѣла въ формѣ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между начальной причиною явленія (раздраженіемъ) и его концомъ (дѣйствиемъ)?“³⁾ „Всѣ психическіе акты“, говоритъ Бони, „предполагаютъ присутствіе нервныхъ органовъ, дѣятельность которыхъ есть не что иное, какъ движеніе. Зачѣмъ-же тогда прибавлять еще особую силу, которая способна проявлять свое дѣйствіе только при посредствѣ этихъ органовъ? Связь, существующая между нервными органами и психическими актами, которые мы при-

1) Физіолог. и патолог. души, стр. 45.

2) „Оно“, т. е. обыденное человѣческое сознаніе, конечно, а не дѣло.

3) Псих. этюды, стр. 169.

знаемъ за движеніе только послѣ самаго тщательнаго анализа, не даетъ-ли намъ права предполагать, что такая-же связь существуетъ и между *волей* и опредѣленными нервными центрами и что здѣсь существуетъ особое молекулярное движеніе, котораго мы не сознаемъ?“ „Существенный упрекъ, который можно сдѣлать гипотезѣ матеріальнаго происхожденія мысли, тотъ, что извѣстныя явленія еще не доказаны, что здѣсь много необъясненнаго и такого, чего нельзя объяснить. Это правда. Но развѣ нельзя сказать того-же самаго о противоположной гипотезѣ. Да кромѣ того, допуская мыслящую силу, мы не уменьшаемъ, а только увеличиваемъ затрудненія“¹⁾. „Итакъ мы приходимъ къ тому заключенію, что въ наукахъ физическихъ и физиологическихъ принятіе отдѣльныхъ силъ бесполезно и только затрудняетъ научный языкъ. Всѣ явленія, доступныя человѣческому уму, суть явленія движенія, а сила можетъ быть принята только для явленій, которыя превосходятъ предѣлъ нашего пониманія: явленія нравственныя, и первоначальная причина движенія; всего того, что превышаетъ наше пониманіе, души и Бога—находящихся внѣ науки, мы не должны касаться“²⁾. „Что такое для насъ гипотеза о существѣ души, или даже гипотеза только о *существованіи* души, пока мы еще такъ мало знаемъ точнаго о *частныхъ явленіяхъ*, на которыя однако прежде всего должно устремиться всякое точное изслѣдованіе?“ спрашиваетъ Ланге. „Въ немногихъ явленіяхъ, которыя до сихъ поръ были доступны болѣе точному наблюденію, не заключается ни малѣйшаго побужденія вообще принимать душу, въ какомъ бы то ни было точнѣе опредѣленномъ смыслѣ, и скрытое основаніе этому предположенію заключается собственно всегда только въ преданіи, или въ тайномъ стремленіи сердца идти противъ пагубнаго матеріализма. Этимъ причиняется двойное зло. Есте-

¹⁾ Слѣдуетъ перечисленіе затрудненій.

²⁾ *Veauvis*, Новая основы физиологіи человѣка, перев. Цыбульскаго, подъ редакц. проф. Тарханова. СПб. 1881, I, стр. 11, 12, 13. За недостаткомъ мѣста мы не можемъ привести болѣе обширныхъ выдержекъ изъ учебника, который можетъ поддерживать очень легко всяческое сочувствіе матеріалистической гипотезѣ, можетъ быть даже вопреки собственному стремленію автора.

ственнаучная психологія портится и искажается; спасеніе-же и укрѣпленіе идеальнаго, которое считаютъ угрожаемымъ материализмомъ, опускается, ибо воображаютъ, что невѣсть что сдѣлали, если для стараго баснословія о душѣ приводятъ мишуру новаго доказательства. Но развѣ психологія не есть „ученіе о душѣ?“ Какъ-же мыслить эту науку, оставляя подъ сомнѣніемъ, *имѣетъ-ли она вообще объектъ?* Вотъ прекрасный образчикъ смѣщенія имени и вещи (!)“, восклицаетъ Ланге „Мы имѣемъ традиціонное названіе для большой, но отнюдь не точно ограниченной группы явленій. Это названіе передано намъ изъ такого времени, въ которое еще не знали нынѣшнихъ требованій строгой науки. Неужели его отвергнуть потому, что объектъ науки взмѣнился? Это было-бы непрактическимъ педантствомъ. Слѣдовательно, принять спокойно психологію безъ души!“ ¹⁾

23. Этихъ образцовъ, надѣюсь, совершенно достаточно, чтобы видѣть характеръ возраженій противъ раціональной субъективной психологіи и способъ, какимъ они дѣлаются. Мы видимъ, 1) что, по мнѣнію поборниковъ объективнаго метода, раціональная психологія распадается на разногласящія между собою школы; 2) что она предметомъ своимъ имѣетъ или общія понятія (идеи), существующія только въ умѣ, которыя она принимаетъ за реальности, или абстракты, не имѣющія существованія отдѣльно отъ предметовъ, отъ которыхъ они абстрагированы, такъ что дробь здѣсь является какъ цѣлое; 3) что она вмѣсто анализа вещей занимается анализомъ словъ, которыя она ставитъ на мѣсто вещей; 4) что это происходитъ отъ того, что она полагается исключительно на разумъ, предпочитая его чувствамъ, или отрывая его отъ чувствъ, продукты дѣятельности которыхъ суть источникъ всей психической жизни; 5) что абстрактное начало, которое называется у метафизиковъ душею, въ научной психологіи только затрудняетъ дѣло, и допущеніе его совершенно излишне. Нужно предоставить его метафизикамъ, а самимъ принять спокойно

¹⁾ Ланге, Истор. Матер. II, стр. 333—334.

психологію *безъ души*. Чтожь? Привнявши психологію безъ самонаблюденія и даже безъ сознанія, примемъ психологію безъ души. Что такое значить эта психологія безъ души, это мы поймемъ, когда будемъ ниже говорить о психологіи безъ *душевныхъ явленій*. Теперь-же обратимся отъ критическаго или отрицательнаго момента къ положительнымъ основамъ самаго фізіологическаго метода.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ СТОИКОВЪ

ВЪ

ОТНОШЕНІИ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

(Продолженіе *).

Послѣ указанія общихъ различій въ духѣ и характерѣ морали стоической и христіанской мы переходимъ къ указавію различій въ рѣшеніи стоицизмомъ и христіанствомъ частныхъ вопросовъ этики: вопроса о высшемъ благѣ, о добродѣтели и порокахъ, о нравственномъ идеалѣ и объ обязанностяхъ чловѣка къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ; наконецъ скажемъ нѣсколько словъ объ аскетизмѣ стоическомъ и христіанскомъ.

Мы видѣли, что высшее благо, по ученію стоиковъ, состоитъ въ ечастіи чловѣка. Мораль стоиковъ имѣетъ свою конечною цѣлью сдѣлать чловѣка счастливымъ. Она пытается указать ему тѣ условія, выполненіе которыхъ необходимо для лучшаго устройства его настоящей жизни. Добродѣтельное поведеніе—вотъ общее необходимое условіе, по ученію стоиковъ, для счастія чловѣка. Добродѣтель въ себѣ самой содержитъ всѣ условія для счастливой жизни, „она, говорятъ стоики, достаточна для счастія“ ¹⁾. Такимъ образомъ добродѣтельный

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 3.

¹⁾ Diog. VII, 127.

человѣкъ, потому самому, что онъ добродѣтеленъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливый человѣкъ. Первое и самое главное слѣдствіе добродѣтельной жизни есть спокойствіе духа, которое для человѣка составляетъ основаніе истиннаго счастія. „Въ неспокойствіи духа, говоритъ Цицеронъ въ духѣ стоицизма, заключается несчаствіе, въ его успокоеніи — счастіе. Чего можетъ недоставать для счастія тому, кого охраняетъ его собственное мужество отъ печали и страха, его самообладаніе — отъ страстнаго удовольствія и желанія“ ¹⁾. Не такъ понимаетъ высшую задачу жизни человѣка христіанство. Высшее благо для христіанина — неземное счастіе, а пріобрѣтеніе спасенія въ будущей жизни посредствомъ достиженія въ настоящей жизни нравственнаго совершенства. „Ищите прежде царства Божія и правды Его“, говоритъ Иисусъ Христосъ ²⁾. Апостоль Павелъ пишетъ: „ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. О горнемъ помышляйте, а не о земномъ“ ³⁾. Для того, чтобы человѣкъ могъ достигнуть своего назначенія — приготовить себя къ будущей жизни, онъ долженъ стремиться къ нравственному совершенству. Спаситель заповѣдуетъ людямъ: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ ⁴⁾. Для этого усовершенствованія людей поставлены въ Церкви Апостолы, евангелисты, пастыри и учителя: „Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, доколѣ всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ ⁵⁾. Понятно, что свои нравственныя задачи христіанинъ можетъ выполнить только тогда, если онъ находится въ общеніи съ Богомъ, — этимъ высочайшимъ Источникомъ всякаго блага. Апостоль Іоаннъ пишетъ: „возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ, о томъ, что мы видѣли

¹⁾ Титс. v, 15, 43, 14, 42.

²⁾ Мате. VI, 33.

³⁾ Кол. 3, 1, 2.

⁴⁾ Мате. 5, 48.

⁵⁾ Ефес. 4, 11—13.

и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами: а наше общеніе съ Отцемъ и Сыномъ Его, Иисусомъ Христомъ“ ¹⁾. У апостола Павла читаемъ: „Вѣренъ Богъ, Которымъ вы призваны въ общеніе Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего“ ²⁾. Иисусъ Христосъ пострадалъ за насъ, „чтобы привести насъ къ Богу“ ³⁾.

Общеніе человѣка съ Богомъ обуславливается уподобленіемъ его Богу чрезъ нравственное усовершенствованіе. Это нравственное усовершенствованіе человѣка достигается путемъ добродѣтельной жизни. Такимъ образомъ добродѣтель имѣетъ своею цѣлью не счастье человѣка въ настоящей жизни (хотя она есть условіе и земнаго благоденствія человѣка), а приобрѣтеніе вѣчнаго спасенія его. По христіанскому ученію, человѣкъ скорѣе долженъ отказаться отъ земнаго счастья, чтобы тѣмъ легче приобрѣсть вѣчное блаженство. Христіанство требуетъ отъ человѣка борьбы, подвига. Жизнь земная, по христіанскому ученію, это тернистый путь, который приведетъ неутомимо и побѣдоносно шествующихъ по нему къ цѣли ихъ труднаго путешествія, къ достиженію вѣчнаго царствія небеснаго. Впрочемъ путь къ царствію небесному усѣянъ не одними только скорбями въ тяжелой борьбѣ человѣка со зломъ въ себѣ самомъ и въ окружающемъ его мірѣ. Въ душѣ христіанина есть мѣсто и радостнымъ состояніямъ, которыя только ему одному и могутъ быть свойственны. Христіанинъ можетъ предвкушать будущее блаженство еще въ настоящей жизни. По мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе приближается къ тому идеалу нравственнаго совершенства, который указанъ ему Богомъ, онъ испытываетъ внутреннее довольство и спокойное, свѣтлое настроеніе духа ⁴⁾. Но спокойствіе духа христіанина далеко не похоже на спокойствіе духа стоика. Оно состоитъ не въ свободѣ отъ заботъ и хладнокровіи во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, какъ понимали его стоики, но въ спокой-

¹⁾ 1 Иоан. 1, 2. 3.

²⁾ 1 Кор. 1, 9.

³⁾ 1 Петр. 3, 18.

⁴⁾ Матѣ. II, 28, 29.

ствіи доброй совѣсти, невозмущаемой угрызеніями за нарушение нравственнаго закона; оно основывается на надеждѣ, что заботы и огорченія этой жизни нѣкогда превратятся въ вѣчныя радости ¹⁾. Но нужно замѣтить, что даже и въ этомъ случаѣ спокойствіе совѣсти не можетъ быть полнымъ, такъ какъ христіанинъ, по мѣрѣ развитія въ себѣ нравственнаго начала, сознаетъ, какъ мало онъ еще сдѣлалъ для своего нравственнаго развитія и какъ много еще ему нужно сдѣлать въ этомъ отношеніи.

Изъ различія понятій высшаго блага въ стоическомъ и христіанскомъ ученіяхъ вытекаетъ, далѣе, различіе въ этихъ ученіяхъ понятія о добродѣтели. По ученію стоиковъ высшее благо человѣка или счастье можетъ быть достигнуто дѣятельностію, сообразною съ природою, съ всеобщимъ міровымъ закономъ. Дѣятельность эта и есть добродѣтель. Для того, чтобы слѣдовать міровому закону, нужно прежде всего знать этотъ законъ. При этомъ предполагается, что если только человѣкъ знаетъ міровой законъ, то онъ и необходимо будетъ слѣдовать ему, такъ какъ онъ сознаетъ, что отъ этого зависитъ его собственное счастье, а стремленіе къ счастью есть основное стремленіе всѣхъ людей. Такимъ образомъ стоики пришли къ тому опредѣленію добродѣтели, по которому она есть дѣятельность сообразная съ міровымъ разумомъ и въ то же время съ разумомъ человѣческимъ; она есть разумная дѣятельность. Наоборотъ, порокъ есть дѣятельность противоестественная и противоразумная ²⁾. Добродѣтель есть знаніе, порокъ или грѣхъ—незнаніе.

Не такъ понимаетъ добродѣтель и порокъ христіанство. По христіанскому ученію, добродѣтель есть согласіе воли человѣка не съ законами природы безличной, но съ волею Высочайшаго Существа, Творца и Промыслителя міра. Эта воля Божія, съ одной стороны, выражена въ положительной формѣ писаннаго закона, съ другой стороны она отпечатлѣна въ самой природѣ человѣка, внутри его; человѣку при-

¹⁾ Евр. X, 35.

²⁾ Diog. VII, 87. 88; Senec. ep. 31; ep. 113.

рожденъ нравственный законъ и совѣсть, которые указываютъ человѣку путь его жизни и даютъ ему возможность замѣтить свои заблужденія. Въ священномъ Писаніи вездѣ повторяются требованія дѣлать добро, дѣлать то, что предписано Богомъ въ заповѣдяхъ, но нигдѣ нѣтъ и тѣни стоическаго принципа: „живи сообразно съ природою“ или: „живи сообразно съ разумомъ своимъ“. „Если любите Меня; соблюдайте Мои заповѣди. Кто имѣетъ заповѣди Мои, и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Я возлюблю его, и явлюсь ему Самъ“ ¹⁾. На вопросъ одного человѣка, что „дѣлать ему добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную“ Иисусъ Христосъ отвѣчалъ: „Если хочешь войти въ жизнь *вѣчную*; соблюди заповѣди“ ²⁾. Ап. Павелъ пишетъ: „мы Его творенія, созданы во Христѣ Иисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять“ ³⁾. Для выполненія добродѣтели стоической требуется не малое умственное развитіе. Поэтому добродѣтельными людьми могутъ быть только мудрецы, на долю-же остальной массы людей—не мудрыхъ выпала печальная участь—постоянно заблуждаться нравственно. Въ христіанствѣ-же добродѣтель не составляетъ привилегіи только извѣстнаго класса людей. Всѣ люди способны къ добродѣтели, такъ какъ всѣ люди могутъ понять требованія нравственнаго закона и выполнять ихъ при содѣйствіи божественной благодати. Человѣческая мудрость не есть необходимая принадлежность и условіе добродѣтели. Для вступленія въ царство небесное требуется прежде всего чистота сердца и твердое желаніе жить сообразно съ волею Бога, а не мудрость. Въ нагорной проповѣди Иисусъ Христосъ „чистымъ сердцемъ“ обѣщалъ то, что они Бога узрятъ ⁴⁾. А чтобы быть чистымъ сердцемъ, для этого не требуется особой мудрости, особаго знанія разумнаго; здѣсь необходимо доброе нравственное настроеніе, непорочная жизнь, состоящая въ

¹⁾ Иоанн. 14, 15. 21.

²⁾ Матѣ. 19, 16. 17.

³⁾ Ефес. 2, 10.

⁴⁾ Матѣ. V, 8.

выполненіи закона Божія. Иисусъ Христосъ говоритъ: „истинно говорю вамъ, если не обратитесь, и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное. Итакъ, кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ“ ¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ Иисуса Христа ясно выражена та мысль, что добродѣтельный человѣкъ долженъ быть такъ нравственно чистъ и невиненъ, какъ чисты и невинны бываютъ дѣти, не успѣвшіе еще заразиться пороками, господствующими среди людей. Понятно, что въ умственномъ отношеніи дѣти весьма недалеки и не могутъ съ этой стороны служить образцомъ для взрослыхъ. Посему стоикъ никогда не поставилъ бы дѣтей въ примѣръ для взрослыхъ и притомъ мудрецовъ. Ап. Павель для добродѣтели, вообще для усвоенія человѣкомъ спасенія, совершеннаго Иисусомъ Христомъ, также придавалъ весьма малое значеніе мудрости человѣческой. Онъ пишетъ: „гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обратилъ-ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? Ибо когда міръ *своею* мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей; то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо и Іудеи требуютъ чудесь, и Еллины ищутъ мудрости; а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе“... ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобъ быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: уловляетъ мудрыхъ въ лукавствѣ ихъ. И еще: Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны“ ³⁾. Что касается ученія о частныхъ добродѣтеляхъ, то, само собою разумѣется, и въ этомъ пунктѣ существуетъ большое различіе между моралью стоическою и христіанскою. Всѣ частныя добродѣтели стоики сводили къ благоразумію или мудрости, какъ знанію вещей божественныхъ и человѣческихъ. Всѣ добродѣтели суть виды этой одной добродѣтели.

¹⁾ Матѣ. 18, 3. 4.

²⁾ 1 Кор. 1, 20—23.

³⁾ 1 Кор. 3, 18—20.

Главныхъ добродѣтелей четыре: мудрость вообще, затѣмъ проявленія этой мудрости: справедливость, мужество и самообладаніе. Христіанство основнымъ нравственнымъ началомъ называетъ любовь къ Богу и ближнему. Когда одинъ законникъ спросилъ Іисуса Христа, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ Христосъ отвѣчалъ: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая-же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“ ¹⁾. Апостоль Павелъ въ основѣ всего нравственнаго закона также поставляетъ любовь. Онъ пишетъ: „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто“ ²⁾. Всѣ добродѣтели христіанскія можно свести къ одной—любви человѣка къ Богу; изъ этой любви къ Богу вытекаетъ прежде всего любовь человѣка къ ближнему. Въ частности Апостоль Павелъ указываетъ три главныя добродѣтели: „теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше“ ³⁾. Такимъ образомъ христіанство указываетъ главную добродѣтель совершенно отличную отъ основной стоической добродѣтели. Частныя христіанскія добродѣтели также отличны отъ частныхъ стоическихъ добродѣтелей.

Противоположность добродѣтели составляетъ грѣхъ, порокъ. Если, по стоическому ученію, добродѣтель есть поступокъ разумный, сообразный съ міровымъ закономъ, то порокъ, напротивъ, есть поступокъ противоестественный и противоразумный. Источникъ порока стоики видятъ въ томъ, что въ человѣкѣ на ряду съ разумными влеченіями есть еще и неразумныя,—аффекты. Аффекты суть извѣстныя состоянія разума (*ἡμερονομία*), проистекающія изъ ложнаго представленія

¹⁾ Матѣ. 22, 37—39.

²⁾ 1 Кор. XIII, 1, 2.

³⁾ 1 Кор. 13, 13.

о благахъ настоящихъ или будущихъ, а также изъ представленія о злѣ настоящемъ или будущемъ.

Посему стоики различали четыре главныхъ аффекта: удовольствіе, желаніе, печаль и страхъ. Эти четыре аффекта и суть четыре главныхъ порока или грѣха. Главные пороки, въ противоположность главнымъ добродѣтелямъ, получаютъ слѣдующія названія: неблагоразуміе, робость (*δειλία*), неумѣренность и несправедливость ¹⁾. Все зло въ человѣкѣ происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ ложный взглядъ на вещи, считаетъ добромъ то, что вовсе не добро и зломъ то, что вовсе не зло. Задача человѣка, стремящагося къ добродѣтельной жизни, состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего подавить въ себѣ неразумныя влеченія, сдѣлаться свободнымъ отъ аффектовъ или страстей; для такого человѣка саможелательное внутреннее настроеніе—это апатія. Борьба со грѣхомъ въ стоицизмѣ имѣетъ своею цѣлью сдѣлать человѣка свободнымъ и независимымъ отъ всего, что можетъ повредить внутреннему достоинству человѣка, или можетъ заставить его находить достоинство въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ добродѣтели. Въ христіанствѣ существуетъ совершенно иной взглядъ на сущность зла, его происхожденіе и источникъ, и на средство борьбы человѣка съ этимъ зломъ. Подъ именемъ грѣха въ христіанствѣ разумѣется произвольное уклоненіе отъ нравственнаго закона Божія, или беззаконіе. „Всякій дѣлающій грѣхъ, дѣлаетъ и беззаконіе; и грѣхъ есть беззаконіе“ ²⁾, пишетъ Апостоль. Происхожденіе грѣха въ христіанствѣ объясняется исторически. Грѣхъ получилъ свое начало отъ злоупотребленія человѣкомъ свободою, дарованною ему Творцемъ. Человѣкъ не выполнилъ заповѣди Божіей, и такимъ образомъ палъ. Паденіе его имѣло своимъ слѣдствіемъ поврежденіе природы какъ самихъ прародителей, такъ затѣмъ и всего происшедшаго отъ нихъ человѣческаго рода. Въ настоящемъ нашемъ состояніи началомъ и источникомъ грѣха служитъ, главнымъ

¹⁾ Diog. VII, 93.

²⁾ I Иоан. 3, 4.

образомъ, наша собственная растлѣнная грѣхомъ природа, въ которой преобладаетъ эгоизмъ или самолюбіе и чувственность ¹⁾. Такимъ образомъ, какъ основаніемъ и источникомъ добродѣтели служить, по христіанскому ученію, любовь, а не знаніе, какъ учили стоики, такъ и основаніемъ и источникомъ зла, по ученію христіанскому, служить начало противоположное любви — эгоизмъ, а не незнаніе, какъ думали стоики ²⁾. Отъ христіанина требуется непрестанная борьба съ грѣхомъ, внутренняя работа для своего собственного исправленія, состоящая главнымъ образомъ въ подавленіи эгоизма. Предтеча Иисуса Христа Іоаннъ Креститель свою проповѣдь о приближеніи новаго царства началъ словами: „покайтесь; ибо приблизилось царство небесное“ ³⁾.

Затѣмъ онъ требовалъ: „сотворите достойный плодъ покаянія“ ⁴⁾. Тоже говоритъ Евангеліе и о проповѣди Иисуса Христа: „пришелъ Иисусъ Христосъ въ Галилею, проповѣдуя Евангеліе царствія Божія, и говоря, что исполнилось время, и приблизилось царствіе Божіе; покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе“ ⁵⁾. Покаяніе—это первое проявленіе нравственнаго исправленія. Этимъ требованіемъ покаянія, какъ перваго и необходимаго условія нравственнаго исправленія, христіанство ясно выражаетъ ту мысль, что добродѣтель есть дѣло душевнаго настроенія, вытекающаго изъ чистоты мыслей, чувствъ и желанія или воли человѣка, а не результатъ дѣятельности разума, просвѣщеннаго и укрѣпленнаго приобрѣтеніемъ и усвоеніемъ истинъ, выработанныхъ человѣческою мудростью. Основатель христіанства началъ Свою проповѣдь словами: „покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе“. Но если-бы Онъ проповѣдывалъ стоическое ученіе, то долженъ былъ-бы обратиться съ совершенно иными словами.

¹⁾ Мы называемъ собственную природу человѣка главнымъ источникомъ зла, такъ какъ есть еще и другіе источники зла: внѣшній міръ, который *весь во зло лежитъ* (I Іоан. 5, 19) и діаволъ, который „ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить“. (I Петр. 5, 8).

²⁾ Матѳ. 15, 19; Іак. 1, 14. 15; Рим. 7, 23; I Іоан. 2, 16.

³⁾ Матѳ. 3, 2.

⁴⁾ Матѳ. 3, 8.

⁵⁾ Марк. 1, 14. 15.

Онъ долженъ былъ-бы убѣждать людей: живите разумно, живите сообразно съ природою! Если покаяніе человѣка искренно и твердо, то онъ, по христіанскому ученію, можетъ получить отъ Бога прощеніе грѣховъ. Съ своей точки зрѣнія стоики не могли-бы допустить ничего подобнаго.

Мы сказали, что отъ христіанина требуется энергичная борьба со зломъ или грѣхомъ. Христіанинъ долженъ бороться съ самимъ собою, съ міромъ внѣшнимъ и съ порочною другихъ людей. Стоики также требовали отъ мудреца достиженія нравственнаго совершенства путемъ борьбы съ чувственностью; нравственность стоиковъ есть постоянная борьба духа противъ чувственной природы и противъ неразумнаго вообще въ предметномъ мірѣ. Но нужно сказать, что эта борьба стоика есть скорѣе пассивный протестъ противъ неразумной дѣйствительности, чѣмъ активная борьба со зломъ. вмѣсто того, чтобы дѣятельно бороться съ зломъ въ себѣ, въ мірѣ и въ другихъ людяхъ, какъ это требуется отъ христіанина, онъ старается только презирать чувственное и отворачиваться отъ всего внѣшняго; онъ старается быть равнодушнымъ къ злу въ мірѣ и въ другихъ людяхъ, желая сохранить свое душевное спокойствіе, и думаетъ достигнуть этого, подавляя въ себѣ неразумныя влеченія, или страсти. Къ такому отношенію къ злу стоикъ былъ располагаемъ уже общимъ взглядомъ своей философіи на зло и его происхожденіе; стоикъ считаетъ зло необходимымъ въ гармоніи міроваго дѣлага. Зло, по мнѣнію Хрициппа, происходитъ по законамъ природы и, такъ сказать, не безъ пользы для дѣлага, ибо иначе не было-бы и добра ¹⁾. Все, что ни случается въ мірѣ, происходитъ по закону необходимости. При такомъ взглядѣ на зло можетъ-ли человѣкъ энергично бороться съ нимъ? Изъ этого міровоззрѣнія вытекаетъ то холодное спокойствіе, съ которымъ мудрецъ предается воле судьбы, невозмутимая апатія и важное равнодушіе, съ которымъ онъ разсматриваетъ зло безъ священнаго

¹⁾ Plutarch. de stoic. repugn cap. 35.

негодования ¹⁾. Это равнодушіе стойка ко всему хотя и удерживаетъ его отъ мірскихъ удовольствій, но не вызываетъ его на истинную борьбу съ самимъ собою; чувственное здѣсь презирается, но не служитъ предметомъ положительной борьбы. Стоическая мораль не предписываетъ никакихъ средствъ къ борьбѣ человѣка съ чувственностью; она не требуетъ никакого тяжелаго воздержанія, никакого поста, никакого отреченія отъ чувственнаго наслажденія, она рекомендуетъ только умѣренность и не слишкомъ большое пристрастіе къ чувственности. Стоику подается совѣтъ удалиться отъ внѣшняго міра, погрузиться въ самого себя и внутри себя искать удовлетворенія. „Черезъ это удаленіе отъ дѣйствительнаго міра, справедливо замѣчаетъ А. Гаусратъ, ученіе стоиковъ о добродѣтели становится пустою риторикою. Мудрость стойка есть болтовня о собственномъ высокомъ образѣ мыслей, но такъ какъ онъ отвращается отъ жизни, отказывается служить улучшенію жизни и міра, то эта стоическая мудрость должна остаться пустымъ безплоднымъ разглагольствованіемъ“ ²⁾. Для борьбы человѣка со зломъ въ стоицизмѣ нѣтъ никакихъ высшихъ и сильныхъ побужденій. Цѣль жизни человѣка—его земное счастье. Но этой цѣли могутъ служить и вещи непозволительныя въ нравственномъ отношеніи. Д-ръ Махъ дѣлаетъ по этому поводу вѣрное замѣчаніе: „такъ какъ стоицизмъ сознаніе мудреца выставляетъ какъ божественное, то онъ поднимаетъ его выше всякаго человѣческаго закона и выше человѣческаго обычая и вполнѣ предоставляет его поведеніе безграничному произволу индивидуума. Мудрецъ самъ для себя правило, и онъ не признаетъ никакого высшаго объективнаго, независимаго отъ него закона. Цѣль оправдываетъ средства, и что онъ дѣлаетъ, то хорошо, такъ какъ это онъ дѣлаетъ. Такъ какъ мудрецъ, познавши благо, слѣдуетъ ему, и такъ какъ познаніе блага ничего не требуетъ въ общемъ, кромѣ совершеннаго спокойствія, философской нечувствительности или не-

¹⁾ Neander, Vorles. über Geschichte d. Christl. Ethik. стр. 37.

²⁾ Hausrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte стр. 36.

возмутимости, то мудрецъ прежде всего долженъ стараться приобрести ее и сохранить, и всегда будутъ для это средства: онъ можетъ удовлетворять своимъ страстямъ, или бороться съ ними, смотря по тому, приводитъ-ли, по его мнѣніе, къ цѣли одно или другое. Для этой цѣли ему все позволительно¹⁾. Стоикъ своимъ безнравственнымъ поведеніемъ не боится оскорбить Бога; онъ не можетъ творить добра изъ любви къ Богу и изъ чувства благодарности къ Нему. Не боится онъ и вѣчныхъ наказаній въ будущей жизни, какъ боится этого христіанинъ. Словомъ, онъ можетъ поступать безнравственно, не опасаясь тяжелыхъ послѣдствій такого поведенія. Онъ предоставленъ самому себѣ, и весьма дорожитъ своею свободою и независимостью отъ всякихъ ограниченій. Для осуществленія этой свободы и независимости онъ имѣетъ даже право мужественно отказаться отъ жизни въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства его жизни примутъ такой оборотъ, при которомъ онъ уже не можетъ сохранить спокойствія и свободы духа. Человѣкъ не можетъ или даже не желаетъ бороться со зломъ въ жизни,—и ему предоставлено право добровольно удалиться со сцены жизни. Онъ и въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ независимость своего духа, такъ какъ показываетъ, что для него жизнь вещь безразличная, и не можетъ сильно привязывать его къ себѣ.

Стоики чувствовали потребность представлять себѣ нравственное въ созерцательномъ образѣ, выраженномъ въ живыхъ индивидуальных чертахъ мудреца. Мудрецъ—это нравственный идеалъ стоиковъ. Мудрый человѣкъ, по стоическому ученію, обладаетъ всѣми совершенствами. Въ немъ соединены всѣ добродѣтели, ибо онъ имѣетъ на все истинный взглядъ и поступаетъ сообразно съ этимъ взглядомъ. Это нравственное совершенство мудреца стоики любили, какъ мы выше замѣтили, выражать въ парадоксахъ. Только мудрецы, говорили они, умѣютъ какъ повиноваться,

¹⁾ Fr. Mach. Die Nothwendigkeit der Offenbarung Gottes nachgewiesen aus Geschichte und Vernunft. стр. 124.

такъ и господствовать, поэтому только они—священники, цари, полководцы, ораторы и проч. Они только стоятъ выше удовольствія и желанія, печали и страха, слѣдовательно выше сожалѣнія, зависти, ревности, недоброжелательства, боли. Въ своемъ нравственномъ совершенствѣ мудрецъ не только не уступаетъ самому Зевсу, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ его. Такимъ образомъ нравственнымъ идеаломъ для стойковъ служить человѣкъ - мудрецъ, хотя и идеальный, какого стойки не могли указать въ дѣйствительности. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что черты стоическаго мудреца осуществлены въ образѣ Иисуса Христа (Неандеръ, Винклеръ, а также Бауэръ и Крейгеръ). Посмотримъ можно ли согласиться съ такимъ мнѣніемъ.

Нравственнымъ идеаломъ въ христіанствѣ служить Самъ Богъ. Иисусъ Христосъ говоритъ: „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ ¹⁾. Тоже самое говорятъ и Апостолы. „По примѣру призвавшаго васъ Святаго и сами будьте святы во всѣхъ поступкахъ“, говоритъ Апостолъ Петръ ²⁾. Ап. Павелъ пишетъ: „Подражайте Богу, какъ чада возлюбленныя“ ³⁾. Но чтобы подражать Богу, нужно знать Его и притомъ даже созерцать Его въ опредѣленномъ образѣ. Этотъ образецъ для подражанія Богу и данъ намъ въ Лицѣ Богочеловѣка. Иисусъ Христосъ пришелъ на землю и сдѣлался человѣкомъ, не переставая въ то же время быть и Богомъ, и далъ намъ образецъ для нравственной жизни. Понятно, что только то, что въ свойствахъ Иисуса Христа есть *человѣчески-нравственнаго*, т. е. доступнаго человѣческой природѣ и зависящаго отъ человѣческой свободы Спасителя, то только и можетъ служить предметомъ подражанія для всѣхъ людей. Итакъ въ христіанствѣ нравственнымъ идеаломъ служить богочеловѣческая личность Иисуса Христа. Ап. Іоаннъ пишетъ: „Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ посту-

¹⁾ Мате. 5, 48.

²⁾ 1 Петр. 1, 15.

³⁾ Ефес. 5, 1.

паетъ“¹⁾. Ап. Петръ говоритъ: „Христось пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его“²⁾. Ап. Павелъ пишетъ къ Филиппійцамъ: „въ васъ должны быть тѣ-же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ“³⁾. Человѣчески-нравственный образъ Іисуса Христа — вотъ нравственный идеаль христіанина. Но этотъ нравственный идеальный образъ имѣетъ черты совершенно противоположныя тѣмъ чертамъ, какими стойки надѣляли свой нравственный идеаль. Мы не будемъ здѣсь задаваться трудною задачею—изобразить высокій нравственный образъ Спасителя въ Его полномъ видѣ. Мы ограничимся только указаніемъ различія въ свойствахъ идеальнаго стоическаго мудреца и въ свойствахъ Іисуса Христа, и покажемъ, какъ высокъ нравственный образецъ въ христіанствѣ сравнительно съ идеаломъ мудреца стоическаго. Прежде всего при сравненіи нравственныхъ идеаловъ христіанства и стоицизма мы встрѣчаемся съ тѣмъ различіемъ ихъ, что въ стоическомъ идеальномъ образѣ главною характеристическою чертою является *мудрость*, тогда какъ главною характеристическою чертою христіанскаго нравственнаго идеала является *святость*. Объ Іисусѣ Христѣ въ Евангеліи говорится не какъ о мудрецѣ, но какъ о безгрѣшномъ, какъ о праведникѣ⁴⁾. Воля Божія была и Его волю. „Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его“, говоритъ Іисусъ Христось⁵⁾. У него не могло быть несоотвѣтствія жизни съ волею Божіею, ибъ Онъ творилъ не Свою волю, но волю пославшаго Его Отца⁶⁾. Такимъ образомъ въ Немъ мы видимъ полнѣйшую покорность этой волѣ Отца, глубокое смиреніе—такія свойства, которыя совершенно противоположны самонадѣянности и гордости стоическаго мудреца. Преданность и покорность волѣ Божіей вытекаютъ изъ Его безграничной любви къ Богу.

¹⁾ 1 Іоан. 2, 6.

²⁾ 1 Петр. 2, 21.

³⁾ Филип. 2, 5.

⁴⁾ Матѣ. 27, 24; 1 Петр. 2, 22; 1 Іоан. 2, 29; 3, 5. 7.

⁵⁾ Іоан. IV, 34.

⁶⁾ Іоан. 6, 38.

Иисусъ Христосъ говоритъ: „...чтобы міръ зналъ, что Я люблю Отца, и какъ заповѣдалъ Мнѣ Отецъ, такъ и творю“ ¹⁾. Общеніе съ Богомъ и любовь къ Нему внѣшнимъ образомъ выражается у Иисуса Христа въ молитвѣ. Молитва къ Отцу служила для Него наивысшею подкрѣпляющею силою и утѣшеніемъ во всѣхъ скорбныхъ обстоятельствахъ жизни. Не таково отношеніе стоическаго мудреца къ Богу. Онъ чувствуетъ себя равнымъ и даже высшимъ предъ богами существомъ ²⁾ и нисколько не нуждается въ ихъ поддержкѣ и помощи. Молитва для него излишня. При такомъ взглядѣ на себя и на свое отношеніе къ богамъ стоическій мудрецъ, естественно, не можетъ чувствовать никакого влеченія и расположенія къ нимъ.

Изъ святости Иисуса Христа изъясняются и остальные свойства Его нравственнаго характера, противоположныя свойствамъ стоическаго мудреца. Въ Иисусѣ Христѣ нѣтъ и тѣни эгоизма—этого главнаго источника грѣха. Онъ есть любовь и вся Его земная жизнь есть выраженіе Его безграничной любви къ Богу и человѣку. „Любовь, прекрасно говоритъ о. Янышевъ, побуждаетъ Его оставить мирное убѣжище въ Назаретѣ и вступить на полный скорбей путь общественной дѣятельности, который несомнѣнно ведетъ къ Голгоетѣ; она собираетъ около Него учениковъ, съ терпѣніемъ переноситъ ихъ невѣдѣніе и слабости, обращается прежде всего къ страдающимъ и обремененнымъ, къ грѣшникамъ, мытарямъ и прелюбодѣйцамъ и ко всѣмъ, кто находится въ презрѣніи и униженіи, но не пренебрегаетъ и фарисеями, готова бесѣдовать съ ними и даже раздѣлять ихъ трапезу въ надеждѣ, не поймутъ-ли и они часть спасенія своего; любовь съ одной стороны—благословляетъ дѣтей, радуется съ радующимися, съ другой—плачетъ съ плачущими, исцѣляетъ прокаженныхъ и одержимыхъ злыми духами, воскрешаетъ мертвыхъ, чтобы возвратитъ ихъ пораженнымъ скор-

¹⁾ Иоан 14, 31.

²⁾ Ер. Est aliquid, quo sapiens antecedit Deum: ille beneficio naturae non timet suo sapiens.

бію ихъ роднымъ и близкимъ; она заставляеть Спасителя съ одной стороны понести все на Себѣ, что есть самаго тяжелаго, удручающаго въ жизни грѣшнаго человѣчества, съ другой—высоко цѣнить, принимать и защищать отъ нареканій самое скромное, но теплое выраженіе привязанности къ Нему, оказываемое Ему облагодѣтельствованными Имъ (Лук. VIII, 44—46) ¹⁾. Не такъ относится стоическій мудрецъ къ окружающимъ его людямъ. Центръ его нравственной дѣятельности—онъ самъ. Вся его дѣятельность направляется къ тому, чтобы какъ можно лучше устроить свою собственную жизнь. До другихъ ему нѣтъ никакого дѣла. Онъ презираеть другихъ, какъ глупцевъ, и по возможности старается отдѣлять себя отъ нихъ. Хотя мудрецъ, если представится удобный случай, и поможетъ ближнему, но такое его отношеніе разсматривается здѣсь только какъ образъ поведенія, а не какъ дѣло сердца; оно вытекаетъ не изъ любви, но изъ сознанія обязанности. Мудрецъ долженъ помогать несчастнымъ, но чувствовать къ нимъ состраданіе и оказывать снисхожденіе виновнымъ—было-бы съ его стороны слабостью, недостойною истиннаго мудреца. Вообще въ стоическомъ мудрецѣ нѣтъ и намѣка на ту высокую любовь, какую мы видимъ въ Иисусѣ Христѣ. Апатія или отсутствіе болѣе или менѣе сильныхъ чувствованій, даже хорошихъ, составляетъ добродѣтель мудреца. Такого односторонняго направленія душевной жизни мы не видимъ въ лицѣ Иисуса Христа. Въ Немъ полнѣйшая гармонія душевныхъ силъ. Ни одна сила душевная не имѣетъ перевѣса надъ другою и не находится въ противорѣчьи съ другою; въ Иисусѣ Христѣ видна цѣлостность натуры, внутреннее единство. Иисусъ Христосъ не старается, подобно стоическому мудрецу, подавлять проявленія законныхъ движеній своей души. Онъ плачетъ вмѣстѣ съ сестрами Лазаря надъ гробомъ послѣдняго, сострадаеть ближнему и оказываетъ милости ему, проявляетъ высокую нѣжность въ прощальной бесѣдѣ Своей съ учениками, въ попеченіи о Мате-

¹⁾ Сущность христіанства съ нравственной точки зрѣнія. Христ. Чт. 1877 г. сент.—окт.

ри среди страданій на крестѣ. Любовь Его къ человѣку простирается даже до того, что Онъ добровольно пріемлетъ жестокія мученія и смерть, чтобы доставить человѣку спасеніе. Какое глубокое самоотреченіе! „Онъ, будучи образомъ Божиимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу; но уничтожилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкомъ, и по виду ставъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной“¹⁾. Идеальный мудрецъ стойковъ не способенъ къ такому самопожертвованію. Не способенъ онъ и къ такому великодушію, незлобію, какое проявилъ Иисусъ Христосъ на крестѣ къ Своимъ мучителямъ. Распятый на крестѣ Онъ молился за Своихъ враговъ: „Отче! прости имъ; ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“²⁾. Нужна превыше-человѣческая сила духа для такого кроткаго и незлобиваго отношенія къ врагамъ. Правда, стоическій мудрецъ также не мститъ врагамъ и терпѣливо переноситъ страданія, причиняемыя ему ими. Но не мститъ и терпѣтъ съ упорнымъ равнодушіемъ далеко не то же, что совершенно прощать и сожалѣть; притомъ стойкъ не мститъ и терпѣливо переноситъ страданія, причиняемыя ему другими, изъ совершенно иныхъ мотивовъ, чѣмъ христіанинъ: мудрецъ считаетъ мечь недостойной себя; онъ презираетъ враговъ и твердо увѣренъ, что его внутреннее достоинство не можетъ быть ничѣмъ внѣшнимъ нарушено, что онъ стоитъ выше всѣхъ страданій и долженъ равнодушно переносить ихъ.

Итакъ мы видимъ, что образъ Іисуса Христа имѣетъ черты совершенно различныя и даже большею частію противоположныя чертамъ стоическаго идеальнаго мудреца. Образъ Іисуса Христа безконечно выше его въ нравственномъ отношеніи. Такой величественный нравственный образъ Іисуса Христа не могъ быть произведеніемъ идеализирующей фантазіи человѣка. Въ дѣйствительности человѣкъ не могъ наблюдать такихъ свойствъ въ людяхъ, какія мы видимъ въ

¹⁾ Филип. 2, 6—8.

²⁾ Лук. 23, 44.

Иисусъ Христъ. И это не удивительно. Иисусъ Христосъ былъ не простой человѣкъ, но Богочеловѣкъ. Тѣмъ болѣе, значить, не могъ создать такого образа естественный человѣкъ, лишенный свѣта божественнаго Откровенія. Даже христіане, имѣющіе всѣ средства для нравственнаго усовершенствованія, никогда не могутъ достигнуть въ своей жизни того нравственнаго совершенства, какимъ обладалъ Иисусъ Христосъ. Для людей нравственный характеръ Иисуса Христа останется никогда не осуществимымъ вполнѣ идеаломъ.

С. Творобъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Марта № 5. 1888 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ (окончаніе).—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища (окончаніе).—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Извлеченіе изъ отчета Харьковскаго епархіальнаго Комитета завѣдующаго продажей духовно-правственныхъ книгъ и учебниковъ, для церковно-приходскихъ школъ за время съ 1-го сентября 1886 по 1-е января 1888 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 188^{6/7} учебный годъ.

(Окончаніе *).

XI.

Объ учащихся.

А. Количество учащихся.

Дѣломъ обученія въ церковно-приходскихъ школахъ занимались 158 человекъ, а именно: священниковъ—69, діаконовъ—14, псаломщиковъ—26, монаховъ—1 и свѣтскихъ лицъ—48; въ томъ числѣ: окончившихъ курсъ духовной семинаріи—4, окончившихъ курсъ епархіальнаго женскаго училища—14, окончившихъ спеціальныя педагогическіе курсы—1, окончившихъ учительскую семинарію—1, окончившихъ реальное училище—1, окончившихъ женскую прогимназію—2, уволенныхъ изъ духовной семинаріи—2, неокончившихъ курса епархіальнаго женскаго училища—1, неокончившихъ курса въ мужскихъ духовныхъ училищахъ—3, получившихъ образованіе въ Таганрогскомъ коммерческомъ училищѣ—1, лицъ дворянскаго сословія—3, почетныхъ гражданъ—3, военныхъ—2 и крестьянъ—10.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 4.

Б. Содержаніе учащихся.

Изъ означеннаго числа учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ годовымъ жалованьемъ и единовременнымъ пособіемъ изъ разныхъ источниковъ пользовались 28 человекъ, въ томъ числѣ: законоучителей—5, учителей—15 и учительницъ—8. Размѣръ годоваго жалованья учащимъ былъ неодинаковъ. Такъ, два законоучителя получали по 100 р. въ годъ, одинъ—75 руб., одинъ—60 р. и одинъ—50 руб.; изъ учителей—три получали въ годъ по 300 руб., одинъ—250 руб., одинъ—240 руб., два—180 руб., одинъ—120 р., два—по 100 руб., одинъ—65 руб., одинъ—60 руб., одинъ—30 р. и два получали неопредѣленное содержаніе; изъ учительницъ—одна получала 225 руб. въ годъ, три—по 180 руб., одна—160 р., одна—100 руб. и двѣ получили единовременное пособіе въ неопредѣленномъ размѣрѣ. Остальные учащіе не получали никакого вознагражденія за свои труды.

XII.

Труды учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ.

Главныя заботы по открытію новыхъ школъ въ отчетное время, а также по благоустройству этихъ школъ и религіозно-правственному обученію дѣтей въ оныхъ, несли сами учредители школъ, каковыми преимущественно были приходскіе священники. На помощь имъ въ дѣлѣ обученія дѣтей являлись и другіе члены причта и лица свѣтскаго званія. На основаніи наблюдательскихъ отчетовъ слѣдуетъ сказать, что какъ завѣдывающіе, такъ и учащіе въ церковно-приходскихъ школахъ принимали посильныя мѣры къ правильному воспитанію и обученію учащихся въ этихъ школахъ. Въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, лучшими руководителями и наставниками школъ, трудившимися съ отличнымъ усердіемъ и пользою для школъ, были нижеслѣдующіе учредители школъ: Кочетковской Зміевского уѣзда протоіерей Алексѣй Илларионовъ, Дергачевской Харьковскаго уѣзда Максимъ Пономаревъ, Ново-Айдарской Старобѣльскаго уѣзда священникъ Іоаннъ Ѳеодоровскій и Ново-Ахтырской того-же уѣзда священникъ Меодій Лядскій, Торской Купянскаго уѣзда священникъ Алексій Оптовцевъ, Маньковской того-же уѣзда священникъ Василій Поповъ, Ново-Глуховской того-же уѣзда протоіерей Евгенийъ Квитницкій, Ново-Екатеринославской того-же уѣзда священникъ Василій Ерофаловъ, Тимоновской того-

же уѣзда священникъ Стефанъ Любичкій; законоучители: Харьковской Воскресенской школы священникъ Василій Михайловскій, Ряснянской Ахтырскаго уѣзда священникъ Михаилъ Литкевичъ, Сумской Преображенской священникъ Іаковъ Яценковъ; учителя: Сумской Покровской церковно-приходской школы почетный гражданинъ Павелъ Бутскій, Ряснянской Ахтырскаго уѣзда С. Виноградскій, Ново-Глуховской діаконъ А. Панкратьевъ и учительница Маньковской школы Купянскаго уѣзда, окончившая курсъ Купянской прогимназіи А. В. Попова.

Сверхъ поименованныхъ лицъ особенную ревность и опытность въ дѣлѣ обученія въ церковно-приходскихъ школахъ въ отчетномъ году показали: законоучитель и учитель Осиновской школы Старобѣльскаго уѣзда священникъ Василій Капустянскій, законоучитель Голодолинской школы священникъ Іаковъ Арефьевъ и учитель этой школы монахъ Аполлосъ, учителя школъ: Харьковской Александро-Невской П. Стефановъ и Н. Лукашевъ, Харьковской Воскресенской—Г. Власовскій, Харьковской Всѣхсвятской—псаломщикъ Вас. Брайловскій, Богодуховской Троицкой псаломщикъ Семенъ Виницкій и учительницы: Кочетковской Зміевскаго уѣзда М. И. Рудинская, Пассековской Волчанскаго уѣзда Л. А. Шишкина, Дергачевской Харьковскаго уѣзда Е. Г. Грекова и Богородичанской Старобѣльскаго уѣзда Ю. В. Соколова. (Всѣ четыре получили образованіе въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ). Наконецъ, съ ревностію, достойною истиннаго пастыря Церкви въ отчетное время трудился на пользу народнаго образованія священникъ слободы Старой Айдары Старобѣльскаго уѣзда о. Александръ Ветуховъ. Мѣстный о. наблюдатель протоіерей Михаилъ Павловъ въ своемъ отчетѣ о состояніи церковно-приходскихъ школъ 5 Старобѣльскаго округа, о просвѣтительномъ стараніи священника А. Ветухова сообщилъ Совѣту, между прочимъ, слѣдующее: „священникъ А. Ветуховъ выстроилъ въ своемъ приходѣ изъ новаго матеріала просторную церковную сторожку, отлично приспособилъ ее для школьныхъ занятій, снабдилъ новою классною мебелью, учебными книгами и въ этомъ весьма удобномъ помѣщеніи въ ноябрѣ истекшаго 1886 года, съ участіемъ приходскаго діакона Θεоктиста Спѣсивцева, открылъ безмездныя занятія съ 30-ю учениками. Кромѣ школы Старо-Айдарской личными трудами священника о. Александра Ветухова открыты въ хуторахъ его прихода и снабжены классною мебелью и учебными принадлежностями три школы грамотности, въ которыхъ, подъ руководствомъ

усерднаго и опытнаго учредителя о. Ветухова, нынѣ обучается грамотѣ 41 мальчикъ“.

Отъ Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

I.

Харьковскій Епархіальный училищный Совѣтъ, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей на докладѣ онаго, симъ имѣетъ честь изъявить благодарность о.о. наблюдателямъ: протоіерею Алексію Илларионову, протоіерею Михаилу Павлову, священнику Петру Торанскому и священнику Андрею Сапухину и всѣмъ поименованнымъ въ пунктѣ XII отчета о.о. учредителямъ и учащимъ, съ особеннымъ усердіемъ потрудившимся въ отчетномъ году на пользу религіозно-нравственнаго просвѣщенія учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи.

II.

Журнальнымъ постановленіемъ Епархіального училищнаго Совѣта, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, опредѣлено: „отъ просителей о безмездномъ снабженіи церковно-приходскихъ школъ учебными книгами и другими классными принадлежностями на будущее время требовать, чтобы они, при прошеніяхъ, представляли Совѣту нижеслѣдующія свѣдѣнія: 1) число учащихся, 2) списокъ учебниковъ по каждому предмету, имѣющихся въ наличности въ школьныхъ бібліотекахъ и 3) списокъ книгъ, кои получены изъ епархіальнаго книжнаго склада на счетъ суммъ училищнаго Совѣта за послѣдніе два года до новаго требованія“.

III.

На содержаніе церковно-приходскихъ школъ епархіи поступило: а) *отъ о.о. благочинныхъ*: 1-го Харьковскаго округа священника Григорія Лобковскаго—19 р. 83 к. (въ томъ числѣ вынутыхъ изъ кружекъ у желѣзно-дорожныхъ станцій—65 к.); 2-го Харьковскаго округа священника Алексія Грекова—37 р. 27 к. (въ томъ числѣ—87 к., вынутыхъ изъ кружекъ у желѣзно-дорожныхъ станцій); 4-го Харьковскаго округа священника Александра Червонецкаго—32 р. 15 к.; 1-го Ахтырскаго округа священника Георгія Хижнякова—33 р. 24 к.; 2-го Ахтырскаго округа священника Василія Федорова—30 р. 40 к.; 1-го Богодуховскаго округа священника Александра Ястремскаго—37 р. 93 к., (въ томъ числѣ—1 р. 83 к., вынутыхъ изъ кружекъ у желѣзно-дорожныхъ станцій); 1-го Волковскаго ок-

руга протоіерея Іоанна Голяховскаго—51 р. 78 к., (въ томъ числѣ—1 р. 89 к., вынутыхъ изъ кружекъ у желѣзно-дорожныхъ станцій); 2-го Валковскаго округа священника Павла Лобковскаго—34 руб. 41 к. (въ томъ числѣ 86 коп., вынутыхъ изъ кружекъ у желѣзно-дорожныхъ станцій); 1-го Волчанскаго округа священника Алексія Евѣимова—22 р. 89 к.; 2-го Волчанскаго округа священника Гавріила Буханцева—19 р. 11 к.; 3-го Волчанскаго округа священника Димитрія Рубинскаго—20 р. 46 коп.; 1-го Зміевскаго округа протоіерея Алексія Сильванскаго—1 р. 44 к., вынутыхъ изъ кружекъ у желѣзно-дорожныхъ станцій; 2-го Зміевскаго округа священника Михаила Котлярова—1 р. 92 к., вынутыхъ изъ кружки у желѣзно-дорожной станціи „Алексѣвка“; 3-го Зміевскаго округа священника Іоанна Чудновскаго—45 р. 92 к.; 2-го Изюмскаго округа протоіерея Θεодора Любарскаго—22 р. 61 к. (въ томъ числѣ 61 коп. вынуты изъ кружки у желѣзно-дорожной станціи „Славянскъ“); 3-го Изюмскаго округа протоіерея Александра Литвинова—38 руб. 63 коп.; 1-го Купянскаго округа священника Василя Попова—29 руб. 39 коп.; 3-го Лебединскаго округа священника Михаила Лободовскаго—72 руб. 82 коп.; 2-го Старобѣльскаго округа священника Василя Попова—29 руб. 39 коп.; 4-го Старобѣльскаго округа протоіерея Григорія Максимова—37 р. 64 к.; 1-го Сумскаго округа протоіерея Василя Никольскаго—83 р. 19 к. (въ томъ числѣ 57 к., вынутыхъ изъ кружки у желѣзно-дорожной станціи „Сумы“); и 2-го Сумскаго округа священника Алексія Чугаева—75 р. 30 к.; б) *отъ приходскихъ священниковъ Изюмскаго уѣзда*: села Рѣдкодуба—Θеодора Оружинскаго—1 р., слоб. Шендрыголовой—Димитрія Могилянскаго—1 р., слоб. Рай-Городка—Василя Спѣсвцева—1 р., слоб. Николаевки—Гавріила Троицкаго—1 р., слоб. Кривой Луки—Θеодора Хижнякова—1 р., гор. Славянска Всѣхсвятской церкви—Павла Полтавцева—2 р., села Маякъ—Павла Дзюбанова—2 р. 40 к., слоб. Ямполья—Евгенія Титова—3 рубля. Итого *восемьсотъ пять руб. и пять коп. (805 р. 5 к.)*, а всего съ прежде поступившими—1713 руб. 65 коп.

IV.

На основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 г. правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, предоставлено, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, право преподаванія простаго (унисоннаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ, съ выдачею установленныхъ свидѣтельствъ, нижеслѣдующимъ ли-

цамъ: діаконскому сыну Ивану Флоринскому и діаконскому сыну Θεодору Архангельскому. Первому выдано свидѣтельство 21 января, а второму—18 февраля текущаго года.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18^{86/87} учебный годъ.

(Окончаніе *).

5. Средства училища.

По дѣйствовавшей въ отчетномъ году смѣтѣ, училище на свое содержаніе должно было получать 66,393 руб. 88^{1/2} коп. Эта общая сумма слагается изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неприкосновеннаго училищнаго капитала.	1,648 р. 33 к.
б) Доходъ съ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ	890 р. 61 к.
в) Изъ общеепархіальныхъ средствъ	34,886 р. 28 ^{1/2} к.
г) Однопроцентный взносъ съ жалованья духовенства	1,418 р. 14 к.
д) Изъ прибылей епархіальнаго свѣчнаго завода	6,171 р. — к.
е) Пожертвованія отъ монастырей и церквей епархіи	2,581 р. 21 к.
ж) Пожертвованія отъ духовенства при полученіи наградъ	254 р. 86 к.
з) Изъ кружекъ при чудотворныхъ иконахъ	60 р. 96 к.
и) Пансіонерскій взносъ за своекоштныхъ воспитанницъ	17,400 р. — к.
і) За бланки для наградъ духовенству	50 р. 98 к.
к) Отъ училищной экономіи	131 р. 51 к.
л) Отъ епархіальнаго свѣчнаго завода на 10 бесплатныхъ вакансій для сиротъ	900 р. — к.

Расходъ по содержанію училища тою-же смѣтою опредѣленъ ежегодно въ 65,760 р. 12^{1/2} к.

Въ дѣйствительности въ 1886 экономическомъ году по всѣмъ смѣтнымъ статьямъ, вмѣстѣ съ

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 4.

остаткомъ отъ 1885 года, поступило на приходъ 71,344 р. 84 к.

Въ расходѣ въ томъ-же году было по всѣмъ смѣтнымъ статьямъ 62,844 р. 85 к.

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой статьѣ ¹⁾, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю епархіальныхъ сѣздовъ. Въ 1886 году по этой статьѣ, вмѣстѣ съ недоимками за прежніе годы, поступило 3,130 р. 50 к., а израсходовано въ томъ-же году 3071 р. 7 к.

б. *Дополнительныя свѣдѣнія.*

а) Въ отчетномъ году училище по прежнему пользовалось милостивымъ вниманіемъ своего Архипастыря Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія. Внимательно слѣдя за всѣми сторонами училищной жизни, которая совершалась не только подъ его постояннымъ наблюденіемъ, но и по его непосредственнымъ руководственнымъ указаніямъ, владыка принималъ личное участіе и во всѣхъ училищныхъ радостяхъ и торжествахъ. 4 декабря 1886 года въ день храмоваго училищнаго праздника, Его Высокопреосвященство, въ сослуженіи ректора семинаріи и членовъ Совѣта училища, совершалъ въ училищной церкви Божественную литургію и молебенъ, на которыхъ, по его приглашенію, присутствовали: командующій войсками Харьковскаго военнаго Округа съ супругою, начальникъ губерніи съ супругою, попечитель учебнаго Округа, начальница и инспекторъ классовъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. 15 марта 1887 года владыка, въ сослуженіи тѣхъ-же лицъ, опять совершалъ въ училищной церкви литургію и предъ литургіею благоволилъ лично освятить вновь устроенный въ этой церкви благолѣпный иконостасъ, общій планъ котораго, равно какъ и всѣ его частности, а также и образцы для всѣхъ его иконъ были выбраны Совѣтомъ училища съ одобренія Владыки и по его непосредственнымъ указаніямъ. 2 Мая Его Высокопреосвященство удостоилъ своимъ присутствіемъ испытанія воспитанницъ VI класса училища по Закону

¹⁾ Французскому языку въ отчетномъ году обучалось 105 воспитанницъ, въ томъ числѣ 59 бесплатно; музыкѣ обучалось 133 воспитанницы, въ томъ числѣ 24 бесплатно; рисованію обучалось 56 воспитанницъ, въ томъ числѣ 15 бесплатно. За обученіе французскому языку вносятся 10 р., за обученіе музыкѣ 25 р. и за обученіе рисованію 5 руб. въ годъ съ ученицы.

Божію, а 7 іюня, по случаю выпуска окончившихъ курсъ воспитанницъ, совершилъ литургію и благодарственный молебенъ и затѣмъ въ училищномъ залѣ, вмѣстѣ съ напутственнымъ своимъ благословеніемъ оставлявшимъ заведеніе дѣвицамъ, раздалъ имъ аттестаты, Новый Завѣтъ и достойнѣйшимъ наградныя книги.

б) *Ревизіи* со стороны членовъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ въ отчетномъ году училище не подвергалось.

в) *Пожертвованія* на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

аа) Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, взнесъ 150 р. на содержаніе въ училищѣ двухъ воспитанницъ-сиротъ. Кромѣ того Его Высокопреосвященство 28 марта 1887 года пожертвовалъ 25 рублей на лакомства дѣтямъ въ наступающій свѣтлый праздникъ.

бб) Полковникъ Илья Семеновичъ Ѳедоровскій, уроженецъ Харьковской губерніи, прислалъ на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія 20,000 руб. въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, съ просьбою учредить на проценты съ этого капитала 5 стипендій для воспитанія въ училищѣ сиротъ и дочерей бѣдныхъ родителей изъ дѣтей духовенства Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи и сл. Бишкина Лебединскаго уѣзда.

вв) Нѣкоторые изъ монастырей и церквей епархіи въ отчетномъ году давали средства на содержаніе въ училищѣ воспитанницъ-сиротъ. Святогорскій Успенскій монастырь для этого взнесъ въ училище 500 р., Ахтырскій-Троицкій 200 р., Верхо-Харьковскій Николаевскій дѣвичій 200 руб., Ряснянскій-Дмитріевскій 150 руб., Харьковская Кладбищенская Іоанно-Усѣкновенская церковь 300 руб.

гг) На украшеніе училищнаго храма и на другія училищныя нужды отъ монастырей, церквей и духовенства Харьковской епархіи пожертвовано 92 руб. 92 коп. и кромѣ того Харьковскимъ городскимъ кладбищемъ въ день освященія иконостаса въ училищной церкви пожертвовано для нея паникадило, цѣною въ 140 руб.

дд) Попечительница училища, А. В. Гордѣенко пожертвовала 18 руб. на наградныя книги выпускнымъ воспитанницамъ.

ее) Основатель и постоянный благодѣтель училищной бібліотеки, Московскій купецъ И. М. Коробковъ пожертвовалъ и въ отчетномъ году для этой бібліотеки 79 названій книгъ въ 158 томахъ. Кромѣ того, имъ же пожертвованы: голубое парчевое облаченіе священническое и діаконское для училищной церкви, образъ Владимирской Божіей Матери въ серебряной ризѣ для нея же, 12 кипа-

рисныхъ иконъ для раздачи воспитанницамъ — сиротамъ, одинъ пудъ 22 фун. гарусу и разные другіе матеріалы для рукодѣлія.

жж) Предсѣдатель Совѣта училища пожертвовалъ въ училищную бібліотечку 2 названія книгъ въ 2 томахъ.

зз) Члены Совѣта училища, помощникъ законоучителя, священникъ Г. Волобуевъ и дѣлопроизводитель Совѣта, діаконъ Ѡ. Чернявскій пожертвовали на лакомства и увеселенія воспитанницамъ въ Рождественскіе праздники и на пасху 50 руб.

Такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій на разные училищныя нужды поступило 21,685 руб. 92 коп.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества симъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ январь мѣсяцъ 1888 года поступило: Получено процентовъ на капиталъ Миссіонерскаго Общества, хранящійся въ Харьковской конторѣ государственнаго банка по книжкѣ безсрочнаго вклада 91 р. Получено кружечнаго сбора отъ Харьковскаго архіерейскаго домоуправленія 6 р. 90 к. Прислано приставомъ 4 стана Ново-Оскольскаго уѣзда при отношеніи отъ 30 декабря 1887 года, взысканныхъ съ крестьянъ: Дмитрія Чугаева, Николая Путилина и Валеріана Чебукина 71 р. 49 к. Отъ священника Гавріила Буханцова 3 р., собрано священ. Гавріиломъ Буханцовымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 50 к., священ. Василиемъ Корнильевымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 40 к., отъ священниковъ: Евлампія Соколовскаго 50 к., Митрофана Матвѣева 3 р., собрано священ. Митрофаномъ Матвѣевымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 83 к., отъ священ. Михаила Михайловскаго 1 р., чрезъ него-же 40 к., собрано священниками отъ разныхъ лицъ: Іоанномъ Діаконовымъ 4 р., Мануиломъ Цыбулевскимъ 1 р. 45 к., Самсономъ Краснокутскимъ 1 р., Николаемъ Колчановскимъ 5 р., отъ священ. Николая Ястремскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 75 к., собрано свящ. Іаковомъ Поповымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 70 к., отъ священниковъ: Петра Измайлова 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 15 к., Василия Тугаринова 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., Іоанна Червонецкаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., Феодора Якубовича 3 р., собрано священ. Гавріиломъ Литкевичемъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 44 к., отъ священниковъ: Василия Иванова 1 р., Виктора Власовскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 25 к., собрано священ. Іаковомъ Поповымъ отъ разныхъ лицъ 93 к., отъ священ. Дмитрія Эннатскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано священниками отъ разныхъ лицъ: Митрофаномъ Красинымъ 4 р. 95 к.,

Θεодоромъ Торанскимъ 1 р. 15 к., отъ неизвѣстнаго 3 р., собрано священниками отъ разныхъ лицъ: Іоанномъ Торанскимъ 1 р. 10 к., Павломъ Чугаевымъ 1 р. 5 к., Александромъ Павловскимъ 3 р., Николаемъ Эллинскимъ 1 р. 55 к., Іоанномъ Виноградскимъ 3 р. 45 к., отъ священ. Михаила Добрецаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 50 к., священ. Николая Геневаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р. 25 к., собрано священниками отъ разныхъ лицъ: Алексѣемъ Чугаевымъ 5 р. 32 к., Александромъ Луценковымъ 2 р., Максимомъ Подлудскимъ 3 руб. 65 коп., Митрофаномъ Ракшевскимъ 3 р., Іоанномъ Ведринскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ священника Космы Позднякова 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 46 к., собрано священ. Николаемъ Кондевскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ священника Василя Хижнякава 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ протоіерея Захарія Добрецаго 3 р., чрезъ него-же 64 к., отъ священ. Павла Клементьева 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 5 р., собрано священ. Максимомъ Поповымъ отъ разн. лицъ 2 р. 25 к., отъ священ. Василя Цокровскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 90 к., собрано священниками отъ разныхъ лицъ: Александромъ Сергіевскимъ 2 р. 40 к., Павломъ Ведринскимъ 2 р. 20 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Старобѣльскаго уѣзда 22 р., отъ протоіереевъ: Александра Басанскаго 3 р., Евгенія Квитницкаго 3 р., отъ священниковъ: Михаила Чернявскаго 3 р., Василя Ерофалова 3 р., Іоанна Куняцына 3 р., Василя Рождественскаго 3 р., Алексія Оптовцева 3 р., Іоанна Θεодорова 3 р., отъ діакона Василя Царевскаго 3 р., отъ крестьянина Василя Скрипника 3 р., отъ священ. Іоанна Измайлова 3 р., отъ крестьян. Никиты Акимова 3 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 округа Купянскаго уѣзда 25 р. 29 к.

(Окончаніе будетъ).

Извлеченіе изъ отчета Харьковскаго Епархіальнаго Комитета завѣдующаго продажей духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ за время съ 1-го сентября 1886 г. по 1-е января 1888 г.

По учрежденіи Комитета на первоначальное обзаведеніе, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, взято заимообразно изъ суммъ Харьковскаго кафедральнаго Собора 500 р.

Въ теченіе времени, съ 1-го сентября 1886 г. по 1-е января 1888 г., выписано изъ книжныхъ складовъ Св. Синода, Кіево-Печерскія Лавры, разныхъ книгопродавцевъ, авторовъ и издателей духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ по нарицательной ихъ цѣнѣ на 17,725 р. 22 коп., а за уступкою 2,879 руб. 95 коп., на 14,845 р. 27 к. Въ число 17,725 р. 22 к. получено на комиссію на 1,226 р. 75 к., а за уступкою—на 927 р. 71 к.

Въ теченіе отчетнаго времени продано книгъ и учебниковъ по нарицательной ихъ стоимости на 12,621 р. 50 к., на оныхъ сверхъ уступки, получено прибыли 1,085 руб. 14 коп. Всего выручено 13,706 р. 64 к. ¹⁾.

Въ число 13,706 р. 64 к., получено наличными 13,096 руб. 64 к. ²⁾, состоитъ въ долгахъ за разными лицами 610 р.

Въ періодъ отчетнаго времени израсходовано 1) на первоначальное обзаведеніе 48 р.; 2) уиачено за книги 11,911 руб. 57 коп.; 3) на жалованье прикащику лавки за 14½ мѣсяцевъ 507 р. 50 к.; 4) уплачено за доставку книгъ 224 р. 14 к.; 5) на упаковку высланыхъ книгъ 61 р. 17 к.; 6) перепечатку 83 р. 60 к. 7) за бумагу и переписку каталога 26 р. ³⁾; 8) на почтовые расходы 176 р. 89 к.; 9) на канцелярскіе расходы 44 р. 54 к. и 10) на разные мелочные расходы 13 р. 23 к. Всего-же 13,096 р. 64 к. Сверхъ сего возвращено въ Харьковскій кафедральный соборъ 500 рублей.

За исключеніемъ расходовъ отъ продажи книгъ и учебниковъ получено чистой пользы 1,802 р. 13 к., которая заключается въ оставшихся къ 1 января 1888 г. книгахъ и учебникахъ на сумму 4,255 р. 11 к.

За Комитетомъ къ 1 января 1888 г. состояло долгу разнымъ книжнымъ складамъ, авторамъ и издателямъ 2,992 р. 98 к. ⁴⁾.

На рапортъ производившаго ревизію отчета и приходо-расходныхъ книгъ съ оправдательными документами резолюція Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго 18 февраля 1888 г. за № 618 послѣдовала такова: „Благодарю Комитетъ“.

Комитетъ сей долгомъ считаетъ принести свою искреннюю благодарность за доброе содѣйствіе къ приобрѣтенію духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ: кафедральному С.-Петербургскаго Исаакіевскаго собора протоіерею Петру Алексѣевичу Смирнову и Вознесенской С.-Петербургской церкви протоіерею Василию Яковлевичу Михайловскому, а также завѣдующему типографіею Харьковскаго окружнаго штаба, Петру Никифоровичу Кигимову, за без-

¹⁾ Всея прибыли со включеніемъ уступки получено 3,116 р. 48 к.

²⁾ Въ то число получено изъ Харьковскаго Епархіального училищнаго Совета за учебники высланные въ разныя церковно-приходскія школы 1422 р. 82 к.

³⁾ Каталогъ отпечатанъ въ типографіи Окружнаго Штаба безвозмездно.

⁴⁾ Въ томъ числѣ за книги полученныя на комиссію 532 р. 13 к.

бездное отпечатаніе каталога, редактору газеты „Южный Край“, Александру Александровичу Юзефовичу, за бездное отпечатаніе объявленій Комитета, о поступившихъ въ складъ онаго, книгахъ и всѣмъ о.о. благочиннымъ епархіи, содѣйствовавшимъ распространенію, среди православнаго народа, духовно-нравственныхъ книгъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ *Григорій Кирилловъ* уволенъ по прошенію, по болѣзни, отъ должностей: помощника благочиннаго и члена благочинническаго совѣта по 2 округу благочинія Изюмскаго уѣзда, а вмѣсто его въ эти должности назначенъ священникъ Введенской церкви села Студенка *Іоаннъ Бьлоусовъ*.

— Священникъ Троицкой церкви города Славянска *Іоаннъ Дмитріевъ* назначенъ депутатомъ по 2 округу Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ Ахтырской Успенской церкви *Іоаннъ Исиченковъ* утвержденъ въ должности законоучителя въ Ахтырскомъ начальномъ училищѣ на мѣсто уволеннаго отъ сей должности священника *Мухина*.

— Определенный 25 января н. г. діаконъ къ Успенской церкви слоб. Верхней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, священнической сынъ *Димитрій Башинскій* рукоположенъ въ діакона 21 истекшаго Февраля.

— Діакону Архангело-Михайловской церкви сл. Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда, *Іоанну Крыжановскому* преподано Архипастырское благословеніе за его весьма усердную и безпорочную службу и разрѣшено носить черную скуфію при исправленіи требъ внѣ церкви.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви села Дорофѣвки, Валковскаго уѣзда, *Алексій Рогольскій* определенъ на праздно штатное діаконское мѣсто при Георгіевской церкви села Мосьпансва, Зміевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви села Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда, *Іванъ Пономаревъ*, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ должности.

— Бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи 4 класса *Никандръ Анисимовъ* определенъ исправляющимъ должность псаломщика при Рождество-Богородичной церкви села Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ на первое трезлѣтіе: къ Сошествіевской церкви сл. Ново-Екатеринославля, Купянскаго уѣз-

да, купецъ *Василій Бабинъ*; къ Николаевской церкви слоб. Тернова, того-же уѣзда, крестьянинъ *Никита Акимовъ*; къ Воскресенской церкви села Ясиноваго, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Евѣмій Юрко*; къ Николаевской церкви слоб. Долгивькой, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Василій Руденко*; къ Предтечевской церкви слоб. Пашковка, того-же уѣзда, крестьянинъ *Павель Костюченко* и къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, купецъ *Василій Рошинъ*. На второе трехлѣтіе: къ Преображенской церкви села Звѣдекъ, Зміевскаго уѣзда, купецъ *Павель Капковъ*; къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Христица, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Евфимъ Нарыжный* и къ Архангело-Михайловской церкви села Приволья, того-же уѣзда, крестьянинъ *Максимъ Милостивый*. На третье трехлѣтіе: къ Николаевской церкви слоб. Тарасовки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Киселевъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Безвыходное положеніе уволенныхъ духовныхъ воспитанниковъ. — Положеніе священника законоучителя въ земской сельской школѣ. — Памятки русской старины. — Защита диссертаций. — Священникъ-педагогъ. — Положеніе раскольниковъ въ Сибири. — Фальсификація церковнаго вина. — Тиражъ 2-го внутренняго 5% займа, произведенный 1 марта 1888 года.

— Въ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ много разъ обращалось вниманіе на безвыходное положеніе воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, по разнымъ причинамъ не окончившихъ полного курса ученія. Дѣйствительно, если печально положеніе мальчика, недоучившагося въ какомъ-либо свѣтскомъ общеобразовательномъ заведеніи, то что можетъ быть безотрадиѣ положенія ученика, исключеннаго изъ спеціальнаго заведенія и притомъ духовнаго? Еще дѣти священниковъ, пользующіяся правами личныхъ дворянъ и кой-какою семейною подготовкою и поддержкою, пожалуй, могутъ какънибудь и гдѣнибудь устраиваться. Но за то причетническія дѣти, не подготовленныя ни къ чему ни домашнимъ, ни школьнымъ образованіемъ, не имѣющія никакихъ средствъ и связей, большею частію остаются буквально на улицѣ и на произволъ судьбы. Что съ ними дѣлать? Конечно, лучше всего было бы устроить для нихъ такой родъ профессиональныхъ заведеній, гдѣ они могли бы изучать какоенибудь ремесло и быть такимъ образомъ полезными

членами общества. Но вопросъ въ томъ, какъ устроить такія заведенія, гдѣ взять для того пужныя средства? Если болѣе сплоченныя и богатая свѣтскія сословія не могутъ осуществить, за рѣдкими исключеніями, подобной мысли, то можно-ли рассчитывать, чтобы духовенство, не имѣющее часто никакихъ средствъ на болѣе существенныя жизненныя потребности, могло въ скоромъ будущемъ осуществить такое дѣло? По мнѣнію печати, на подмогу духовенству въ этомъ отношеніи должны придти наши монастыри. При болѣе богатыхъ изъ нихъ должны быть устраиваемы особые пріюты—школы для исключенныхъ учениковъ, гдѣ подъ руководствомъ опытныхъ лицъ преподавались-бы ремесла и элементарныя свѣдѣнія по огородничеству и садоводству. Этимъ были-бы спасены многіа изъ погибающихъ нынѣ дѣтей бѣднаго духовенства. Другого слова, кромѣ „погибающихъ“, говоритъ „Рус. Кур.“, мы подобрать не могли, потому что, въ самомъ дѣлѣ, дѣти, если не буквально погибаютъ, будучи выброшены—часто по ничтожной случайности—за бортъ своего корабля, долженствующаго доставить ихъ къ тихой пристани алтаря,—то недостаточно скоро становятся на ноги самостоятельнаго труда. А потому всякая попытка оказать помощь въ этомъ направленіи должна быть почтенна. Издревле на Руси водилось, что монастырь былъ и разсадникомъ просвѣщенія, и вообще учрежденіемъ, изъ котораго происходила помощь—и нравственная и матеріальная—не только отдѣльнымъ лицамъ, но часто и всему государству. Въ указанномъ выше смыслѣ монастырь принесетъ пользу уже и тѣмъ, что пригрѣетъ и научитъ дѣлу несовершеннолѣтнихъ. Но въ то же время—духовное вѣдомство могло бы сразу достигнуть и двойкой цѣли. Поставивъ надлежащимъ образомъ обученіе ремесламъ и отраслямъ сельскаго хозяйства, оно, совмѣстно, могло-бы ввести и подготовку учителей для церковно-приходскихъ школъ. Въ этихъ учителяхъ, какъ извѣстно, большой недостатокъ.

— Интересно бываетъ положеніе священника-законоучителя въ земско й сельской школѣ. По словамъ одного изъ нихъ (въ „Полт. Еп. Вѣд.“), за его школою наблюдаютъ: чиновники министерства народнаго просвѣщенія, министерства внутреннихъ дѣлъ, члены училищнаго совѣта, предводитель дворянства, члены земской управы, благочинный, гласные и представители мѣстной сельской администраціи,—такъ что его школу въ прошломъ году посѣтили 16 лицъ. Конечно, съ одной стороны, можно радоваться такому общественному вниманію къ школѣ, но съ другой—бѣда въ томъ, что эти люди бы-

ли самые разнообразныя и по роду служенія, и по степени требовательности, и по своему образованію. А между тѣмъ всѣ они, интересуясь религіозно-нравственнымъ развитіемъ учениковъ, задавали сами вопросы по закону Божію, а иногда пускались и въ объясненіе разныхъ необъяснимыхъ истинъ, при чемъ высказывались невѣрныя и неправильныя мнѣнія, возбуждавшія лишь недоумѣнія въ болѣе развитыхъ ученикахъ. Напр., многіе изъ посѣтителей, являясь въ школу, первымъ дѣломъ заставляли ученика креститься и послѣ, въ своихъ ревизорскихъ отчетахъ, высказывали крайне удручающее мнѣніе о священникѣ, будто послѣдній до такой степени небреженъ къ своей дѣятельности, что даже не научилъ дѣтей правильно креститься. А все дѣло заключается въ томъ, что одинъ ревизоръ желаетъ, чтобы ученикъ крестился такъ: „когда говоритъ „во имя Отца“—руку клалъ-бы на лобъ, „и Сына“—на грудь, „и св. Духа“—на правое плечо, „аминь“—на лѣвое; другой же ревизоръ требуетъ, чтобы „аминь“ говорилось на отлетѣ. Нѣкоторые задавали вопросы: почему Христосъ называется Богъ—Слово? Что значитъ „безъ истлѣнія?“ Писалъ-ли что Христосъ? Молились ли люди въ раю и какъ? Является-ли теперь Христосъ? Заставляли читать *молитву* „Вѣрую во единого Бога“ и т. п. Иной получалъ, что Духъ святой—тотъ-же Христосъ, потому что Богъ одинъ; другой, что во время херувимской пѣсни слѣдуетъ всѣмъ становиться на колѣни и читать молитвы, какія кто знаетъ; что мы ницъ падаемъ во время преждеосвященной обѣдни тогда, когда священникъ съ тремя свѣчами говоритъ: „премудрость прости!“ Въ виду подобныхъ случаевъ, заключаетъ авторъ, желательнѣе скорѣйшее разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: 1) кто именно долженъ наблюдать за преподаваніемъ закона Божія въ сельской школѣ и въ какой степени возможно вмѣшательство въ эту область всякаго желающаго; 2) удобно-ли всякому самому предлагать вопросы ученику или лучше просить объ этомъ законоучителя; 3) всякій-ли изъ посѣтителей, и кто именно, помимо законоучителя, имѣетъ право проповѣдывать отъ себя взгляды, мнѣнія и рѣшенія? („Церк. Вѣст.“).

— Изслѣдованіе русской старины сильно затрудняется у насъ состояніемъ памятниковъ старины. „Въ нашемъ краѣ, говоритъ о югѣ „Кіевское Слово“, можно встрѣтить развалины храмовъ, замковъ, дворцовъ; нѣкоторые изъ нихъ относятся къ великобняжеской эпохѣ, другіе—болѣе близкаго къ намъ времени. На эти драгоценныя и весьма рѣдкія памятники древне-русскаго зодчества у

насъ по большей части обращается очень мало вниманія и они съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разрушаются. Единственныя деревянныя старинныя постройки, сохранившіяся въ нашемъ краѣ— это сельскія церкви. Большинство ихъ относится къ XVIII вѣку, но есть построенныя и въ XVII в. Судьба этихъ памятниковъ очень печальна. Каждый годъ многія изъ этихъ церквей замѣняются новыми, старыя-же разбираются; при этомъ почти никогда не остается не только какого-нибудь рисунка, изображающаго наружный видъ церкви, иногда очень характерный, но даже и плана. Кромѣ необходимаго уничтоженія церквей вслѣдствіе ихъ ветхости, еще въ гораздо большемъ количествѣ уничтожается внутренняя обстановка церквей—рѣзба, иконы, утварь и священнослужительскія облаченія. Много предметовъ погибаетъ при замѣненіи старыхъ церквей новыми, а также при реставраціи старыхъ церквей. Очень часто рѣзчики и позолотчики при реставраціи церкви выговариваютъ себѣ старую рѣзбу и иконы, которыя передѣлываютъ, поновляютъ и употребляютъ для новыхъ работъ. Нерѣдко сельскіе церковные старосты мѣняютъ или просто продаютъ странствующимъ продавцамъ церковныхъ предметовъ церковныя вещи, вышедшія изъ употребленія, конечно, не зная сами, что дѣлаютъ. Правда, съ открытіемъ въ Кіевѣ церковно-археологическаго музея много вещей спасено отъ гибели, но сколько еще ихъ валяется на церковныхъ чердакахъ, въ темныхъ кладовыхъ, въ укромныхъ уголкахъ гдѣ-нибудь на колокольнѣ! Вообще, не смотря на то, что какъ правительствомъ, такъ и различными археологическими обществами были предпринимаемы мѣры къ сохраненію памятниковъ древности, уничтоженіе ихъ идетъ своимъ чередомъ и каждый годъ, даже каждый день, гибнетъ масса предметовъ нашей родной старины. Мелкіе памятники старины гибнутъ тысячами. Каждый годъ приноситъ съ собою открытіе кладовъ; въ большинствѣ случаевъ кладъ расходуется по рукамъ или переплавляется, и объ немъ остается лишь преданіе, почти всегда извращенное. Сколько по нашимъ селамъ и деревнямъ ежегодно выпаживается на древнихъ городищахъ различныхъ предметовъ,—все это пропадаетъ бесслѣдно.

— Въ двухъ духовныхъ академіяхъ состоялась защита диссертаций. 23 февраля, въ московской духовной академіи преподаватель самарской семинаріи А. Струнниковъ защищалъ свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Вѣра, какъ увѣренность, по ученію православія, — изслѣдованіе по вопросу объ отношеніи вѣры и знанія“

(въ двухъ частяхъ, Самара, 1887 года), представленное имъ для соисканія степени магистра богословія. Оффиціальными оппонентами были инспекторъ академіи, архимандритъ Борисъ и доцентъ по кафедрѣ догматическаго богословія А. Д. Бѣляевъ. Совѣтомъ академіи защита признана вполне удовлетворительною. 21 февраля, въ казанской духовной академіи профессорскій степендіатъ (оставленный совѣтомъ академіи для приготовления къ кафедрѣ метафизики, на мѣсто архимандрита Бориса, переведеннаго на должность инспектора московской академіи) В. И. Несмѣловъ защищалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Догматическая система св. Григорія Нисскаго“. Это былъ въ казанской академіи первый магистерскій коллоквиумъ кандидата богословія, окончившаго курсъ при новомъ уставѣ. Защита признана совѣтомъ академіи вполне удовлетворительною

— „Смоленскія Епарх. Вѣд.“ останавливаются на весьма поучительной педагогической дѣятельности одного изъ священниковъ Рославльскаго уѣзда, о. Конокотина. Въмѣсто бывшей въ волости одной школы имъ создано теперь до 12 школъ, въ которыхъ въ настоящее время число учащихся простирается до четырехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ не мало дѣвочекъ. Учителями въ школахъ состоятъ крестьянскіе же мальчики, успѣшно кончившіе курсъ въ волостномъ училищѣ и имѣющіе свидѣтельство на льготу по воинской повинности, и по окончаніи курса получившіе нѣкоторую практическую подготовку для своихъ занятій при Епишевскомъ училищѣ. Всѣ школы грамотности состоятъ подъ контролемъ священника Конокотина. Есть при главной школѣ и книжный складъ, гдѣ имѣются книжки, нужныя для обученія и даже небольшая библіотека, въ составъ которой входятъ книги и брошюры духовно-нравственнаго содержанія, историческаго характера и относящіяся къ хозяйству.

— Сибирскія газеты очень часто останавливаются на положеніи мѣстныхъ раскольниковъ. Дѣло въ томъ, что законъ 3 мая 1883 года о дарованіи раскольниковъ нѣкоторыхъ правъ по отправленіи ими духовныхъ требъ, касается только тѣхъ изъ нихъ, которые оффиціально признаны по спискамъ. Раскольники же напр. Томской губерніи, которыхъ здѣсь наберется не менѣе 30,000, таковыми въ огромномъ большинствѣ не признаются, въ полицейскія книги не записываются и по церковнымъ книгамъ именуется лишь уклонившимися въ расколъ изъ православія. Отсюда логически вытекаетъ стремленіе свѣтской и духовной власти изъять всѣхъ непризнан-

ныхъ раскольниковъ отъ дѣйствія закона 3 мая. При этомъ не признанный раскольникъ или жестоко платится за свое упорство и противодѣйствіе, или изыскиваетъ способы, помимо закона, жить въ мирѣ съ свѣтскою или духовною властью, только бы она не мѣшала ему жить согласно его вѣроученію.

— Свѣтская печать обратила вниманіе на повсемѣстную фальсификацію у насъ церковнаго вина. Вотъ, что говоритъ по этому поводу „Сынъ Отеч.“: „Извѣстно, что, по уставу православной церкви, для церковныхъ требъ и совершенія св. таинствъ, должно допускаться только цѣльное вино, чистѣйшій сокъ виноградныхъ гроздій, безъ всякихъ примѣсей и подкрасокъ; виноградъ для такого вина не долженъ давиться ногами и вообще, при выдѣлкѣ церковнаго вина, должна соблюдаться строгая чистота во всѣхъ процессахъ винодѣлія и посудѣ. Между тѣмъ, всюду по Россіи на церковныя требы идутъ у насъ поддѣльныя вина, именуемыя рогомъ и беникарло, лишь незначительная часть которыхъ привозится изъ за-границы, другая же фабрикуется у насъ по городамъ чуть ли не изъ сандала. Въ виду послѣдняго обстоятельства было бы крайне желательно, чтобы со стороны высшей духовной власти были предприняты испытанія поступающаго въ продажу церковнаго вина и выработаны какія-либо обязательныя правила для улучшенія его вообще, подъ угрозой подвергать той или иной отвѣтственности нарушителей послѣднихъ.“

Тиражъ 2-го внутренняго 50/0 съ выигрышами займа, произведенный 1 марта 1888 года. Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№:

№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билета.	Выг-рышъ.
6768	6	200,000	12300	39	8,000	19451	14	По 1,000 рублей.	7280	31	По 1,000 рублей.
17842	33	75,000	5259	45	8,000	15135	45		15089	9	
9283	33	40,000	742	31	По 5,000 рублей.	11792	28		10965	11	
17428	38	25,000	16634	27		2932	42		15770	20	
8203	11	10,000	2266	27		19901	43		18047	29	
13080	13	10,000	114	37		6072	36		4446	50	
10941	42	10,000	1581	35		238	33		765	41	
19424	36	8,000	941	34		10192	44		5054	3	
1745	29	8,000	15729	14		4381	41		13689	10	
13941	37	8,000	3320	37		9285	24		11614	42	

Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
5192	1	7211	7	1238	13	2020	20	8310	27	2475	34	18279	39	3977	45
11482	1	7871	7	6680	14	2209	20	12696	27	3417	34	176	40	4290	45
15060	1	15390	7	16278	14	4213	20	3032	28	7084	34	267	40	11327	45
15504	1	16443	7	1603	15	16218	20	3744	28	7740	34	738	40	12922	45
5017	2	3570	8	4295	15	6355	21	18600	28	13070	34	12529	40	14759	45
8310	2	6443	8	6806	15	10551	21	6209	29	13160	34	13199	40	18296	45
11422	2	13783	8	9045	15	10703	21	9899	29	16368	34	19661	40	3770	46
18276	2	14155	8	12558	15	13429	21	13609	29	16422	34	19668	40	4256	46
18521	2	14964	8	14742	15	14422	21	19312	29	17250	34	982	41	9235	46
18989	2	16127	8	15881	15	16233	21	19713	29	18408	34	1539	41	11112	46
19133	2	19369	8	112	16	6599	22	4812	30	4894	35	9937	41	12694	46
113	3	420	9	1636	16	16867	22	7785	30	10960	35	5794	41	14508	46
3848	3	6078	9	6107	16	3551	23	10042	30	11922	35	4096	41	8331	47
4927	3	7732	9	7360	16	5658	23	14899	30	12850	35	9671	41	12279	47
11002	3	15362	9	10284	16	6648	23	15139	30	17360	35	17802	41	15245	47
16756	3	18221	9	19752	16	7960	23	16110	30	18726	35	4000	42	17009	47
18696	3	7676	10	1473	17	16119	23	264	31	702	36	6511	42	19893	47
8201	4	8427	10	2868	17	16533	23	471	31	3356	36	9545	42	2431	48
15638	4	10202	10	13050	17	11375	24	8164	31	14089	36	14001	42	2744	48
17023	4	10238	10	19470	17	17026	24	8441	31	15919	36	9134	43	10068	48
2966	5	981	11	4005	18	19667	24	8787	31	15966	36	14232	43	15713	48
5549	5	7384	11	10241	18	2143	25	17397	31	1062	37	19526	43	545	49
11107	5	7395	11	10920	18	2283	25	12712	32	1522	37	2187	44	4193	49
14853	5	7635	11	12685	18	3302	25	13600	32	8092	37	6175	44	7470	49
19841	5	12833	11	14143	18	4291	25	16272	32	9210	37	8214	44	12268	49
781	6	13931	11	18711	18	10893	25	19426	32	12409	37	8374	44	3296	50
8646	6	14815	11	420	19	13483	25	3473	33	12469	37	10606	44	5057	50
6767	6	2722	12	4902	19	16064	25	6041	33	16689	37	11314	44	5902	50
10477	6	3653	12	16707	19	2261	26	10196	33	8155	38	11960	44	8080	50
10563	6	3898	12	16999	19	9203	26	14217	33	8865	38	16766	44	8317	50
661	7	11233	12	19160	19	16883	26	16564	33	3032	39	914	45	12046	50
2623	7	12912	12	557	20	17971	26	803	34	13332	39	3005	45	18428	50
5066	7	12998	12	613	20	6161	27								

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1888 года.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 1 марта 1888 г.

• Нумера серій.

19980, 5626, 15213, 10871, 17774, 7161, 7546, 17568, 13161, 5637, 19063, 4786, 18581, 879, 8783, 13400, 6176, 8052, 6052, 6074, 13177, 3523, 4714, 19339, 4935, 17526, 7212, 14278, 5840, 16373, 1577, 12101, 311, 2507, 15615, 3290, 397, 11018, 9749, 15466, 4336, 19054, 6460, 3748, 8064, 7300, 5202, 7022, 14994, 4, 10599, 17660, 7044, 15707, 6531, 7615, 11583, 7864, 12966, 12798, 18914, 5646, 16491, 8126, 19747, 17128, 19613, 19815, 283, 13420, 10032, 2293, 12497, 18159, 16683, 1012, 19028, 102, 134, 14226, 6024, 11534, 18212, 19380, 13965.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 рублей за билетъ будетъ производиться съ 1 іюня 1888 г. въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

МАГАЗИНЪ
ПАРЧЕВЫХЪ И ЗОЛОТОШВЕЙНЫХЪ ИЗДѢЛИЙ

МОСКОВСКАГО ФАБРИКАНТА

П. Д. АЛЕКСАНДРОВА

въ Харьковѣ, на Университетской улицѣ,

вблизи пассажа и монастыря,

имѣеть большой выборъ парчей, газетъ, галуна, крестовъ, бахромы, кистей, готовыхъ священническихъ облаченій, подризниковъ, воздуховъ, плащаницъ, хоругвей, разныхъ пеленъ и пр. и пр. товаровъ.

Принимаются заказы на архіерейскія облаченія, митры, соборныя ризницы и шитье золотомъ

ПО ФАБРИЧНОЙ ЦѢНѢ.

Принимаются въ обмѣнъ на выжигу старыя облаченія.

Магазины: въ Москвѣ на Ильинкѣ въ Гостинномъ дворѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ Нижегородская ярмарка, въ Харьковѣ на Университетской улицѣ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ТРЕТЬЯ КНИГА

ТВОРЕНІЙ ИННОКЕНТІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Цѣна 2 руб. сер.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: Суворина, Глазунова, Феранонтова и др. Складъ изданія „ТВОРЕНІЙ ИННОКЕНТІЯ“ Странноприимный въ Москвѣ домъ графа Шереметева, что у Сухаревой башни, въ квартирѣ Ивана Платоновича Барсукова. Тамъ же можно получить біографію „*Инокентій митрополита Московскаго и Коломенскаго по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ*“. Цѣна 5 руб. Книга эта одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Народнаго Просвѣщенія для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки учебныхъ заведеній и удостоена Императорскою Академіей Наукъ преміи.

Выписывающіе только изъ склада вышедшія три книги *Твореній Иннокентія*, вмѣстѣ съ его біографіей, пользуются скидкой 25% и даровою пересылкой.

Приступлено къ печатанію четвертой книги „ТВОРЕНІЙ ИННОКЕНТІЯ“.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

➡ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.